

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 3 (34) / 2024

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2024

№ 3 (34) / 2024 / ОКТЯБРЬ. Выходит 4 раза в год.

Рецензируемый научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» предназначен для ознакомления российской и зарубежной научной общественности, аспирантов и студентов с новыми научными результатами, имеющими значение в области фундаментальной и прикладной науки. С 2016 года включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). С 21.02.2022 включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (№ 2329). Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Реестровая запись от 13 июня 2019 г. серии ПИ № ФС77-75973. Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Серия: Исторические и филологические науки.

Специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Главный редактор *В.А. Саблин*, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ.

Заместитель главного редактора *Л.В. Егорова*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ.

Секретарь *А.С. Столетова*, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ, доцент кафедры философии и истории Вологодской ГМХА им. Н.В. Верещагина, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, директор ВолНЦ РАО, профессор кафедры психологии, педагогики и социальной работы ВоГУ,

С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашинин, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, преподаватель общеобразовательной школы Центра педагогического мастерства,

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики Исл РАН,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации ГУП,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Я.В. Сарычев, доктор филологических наук, доцент, заместитель директора Института филологии по научной работе, профессор кафедры русского языка и литературы ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства БелГУ.

Переводчик *О.А. Бурсина*.

Редакторы *О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова*.

Оригинал-макет *С.В. Кудрявцев*.

Адрес редакции: 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, каб. 212. Тел.: 8 (8172) 72-52-00, e-mail: vestnik@vogu35.ru. Сайт: <http://vestnik.vogu35.ru>.

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 160000, Российская Федерация, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15.

Отпечатано: ООО «Издательство «Сад-огород», 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Текстильщиков, 20а, тел. 8 (8172) 73-12-22; e-mail: vologdapost@yandex.ru.

Подписано в печать 14.10.2024 г. Выпуск в свет 31.10.2024 г. Формат А4 (60 x 84/8).

Уч.-изд. л. 14,5. Усл. печ. л. 15,0. Тираж 42 экз. Заказ № 850. Цена свободная.

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 3 (34) / 2024

Series: History and Philology

VOLOGDA
2024

No. 3 (34) / 2024 / October. 4 issues a year.

'Bulletin of Vologda State University' is a peer-reviewed scholarly journal published by Vologda State University. It is issued four times a year and is aimed at Russian and international researchers, post-graduate and undergraduate students who wish to familiarize themselves with new fundamental and applied research. 'Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology' has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016. 'Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology' is included in the List of peer-reviewed scientific journals approved for publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science since (№ 2329) February 21, 2022. Full-size versions of the issue can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019. It's registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Series: History and Philology.

Academic areas: 5.6.1. National History (Historical Sciences), 5.6.2. Global History (Historical Sciences), 5.9.1. Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.2. World Literature (Philological Sciences), 5.9.3. Literature Theory (Philological Sciences), 5.9.5. Russian. Languages of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.6. Foreign Languages (Germanic Languages), (Philological Sciences), 5.9.8. Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Sciences).

Editor-in-Chief *Vasily A. Sablin*, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University.

Deputy Chief Editor *Ludmila V. Egorova*, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University.

Executive Secretary *Anna S. Stoletova*, Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, the North-Western Institute, Kutafin Moscow State Law University.

Editorial Board:

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University,

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University,

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Head of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Education, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Vologda State University,

Svetlana Kh. Golovkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University,

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University,

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Vologda State University,

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library named after I.V. Babushkin,

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Lecturer, Comprehensive School of the Center for Pedagogical Excellence,

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Slavic and General Linguistics and Culture of Communication, State University of Education,

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University,

Yaroslav V. Sarychev, Doctor of Philology, Assistant Professor, Deputy Director for Research at the Philological Institute, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semyonov-Tyan-Shanskiy,

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University,

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University.

Editor of English Texts *O.A. Bursina*.

Editors, proofreaders *O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova*.

Making up and technical editing *S.V. Kudryavtsev*.

Address of the Editorial Office: Office 212, Lenin Street, 15, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000. Tel.: 8 (8172) 72-52-00, e-mail: vestnik@vogu35.ru. Bulletin website: <http://vestnik.vogu35.ru>.

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University», Lenin Street, 15, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000.

Address of the Printing House: «Publishing House Sad-Ogorod», LLC, Tekstilshchikov Street, 20a, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000. Tel. (8172) 73-12-22, e-mail: vologdapost@yandex.ru.

Passed for printing 14.10.2024. Date of Publication 31.10.2024. Format A4 (60 x 84/8).

Conventional printed sheets 14,5. Published pages 15,0. Number of copies 42. Order 850. Open price.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Саблин В.А.</i> ПЯТЬ ЛЕТ ЖУРНАЛУ «ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»: АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ (2019–2023)	7
--	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Димони Т.М., Гулин К.А.</i> ВЕХИ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ М.А. БЕЗНИНА: К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО И ПЕДАГОГА	8
<i>Нагиев Г.Г.</i> СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД ГАБАЛА (ТОПОГРАФИЯ И ФОРТИФИКАЦИЯ).....	12
<i>Некрашевич Ф.А.</i> БОРЬБА С ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВОМ КАК СПОСОБОМ УКЛОНЕНИЯ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1757–1874 ГГ.)	17
<i>Резанов А.Д.</i> НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЖАНДАРМОВ И ЧИНОВ ПОЛИЦИИ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	22
<i>Сувалов О.Н.</i> ТРАКТОВКА ЭТНОГЕНЕЗА БЕЛОРУСОВ Н.И. ЕРМОЛОВИЧЕМ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА 60-Х – НАЧАЛА 80-Х ГГ. XX ВЕКА	26
<i>Столетова А.С.</i> ОТ СТАНКА К ПИСАТЕЛЬСКОМУ СТОЛУ: О ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ ПОЭТА А.А. СУХАРЕВА	30
<i>Тряхов И.С., Ляпанов А.В., Петровицева Е.М.</i> КИНООБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ И ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ).....	36
<i>Чебыкина Л.В.</i> СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ДЕТСКОГО ТУРИЗМА В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.	43

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Егорова Л.В.</i> ШАЛАМОВЕДЕНИЕ В 2023 ГОДУ: ОБЗОР МОНОГРАФИЙ.....	47
<i>Ефремова Л.Л.</i> ПИСЬМА И.В. ЛЫЦОВА В.И. БЕЛОВУ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ	53
<i>Иванова В.Я.</i> НЕИЗВЕСТНЫЙ РАССКАЗ В. РАСПУТИНА «САМОЛЕТИК» (1966)	56
<i>Левочская Е.Ф., Левочский С.С.</i> «ПОЖАЛЕЙ...» И «ПЛАЧ МАТЕРИ ПО НОВОБРАНЦУ»: МАРИНА ЦВЕТАЕВА В ДИАЛОГЕ С ТРАДИЦИЕЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРИЧЕТИ	61
<i>Папилова Е.В.</i> ОБРАЗ ФРАНЦИИ В «ПИСЬМАХ ИЗ ФРАНЦИИ» Д.И. ФОНВИЗИНА	65
<i>Трикоз Э.Л.</i> «МЫ ЖИЛИ В ТОМ ДАЛЁКОМ ДАЛЕКЕ...». К 90-ЛЕТИЮ ПОЭТА ИВАНА ЛЫЦОВА (1934–1994). Часть 1	69

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ананьина М.А.</i> АЛЛЮЗИВНЫЙ АНТРОПОНИМ КАК КОМПОНЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА	75
<i>Глинкина Н.В.</i> К ТИПОЛОГИИ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ	80
<i>Косицина Ю.В.</i> ОБРАЩЕНИЯ-АПЕЛЛЯТИВЫ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ Ф.С. ЧИСПИЯКОВА	85
<i>Кострубина С.А., Далакян М.Г.</i> СТРУКТУРНЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ В ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛАХ Г. ЧЕРЕПОВЦА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	89
<i>Лемак А.Ю.</i> ТЕМПОРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ	94
<i>Судаков Г.В.</i> «И ЖИТЬ ТОРОПИТСЯ, И ЧУВСТВОВАТЬ СПЕШИТ...»	99

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Егорова Л.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЯКУШЕВА Л.А. ЧЕХОВСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ: МОНОГРАФИЯ. ВОЛОГДА: ВОГУ, 2023. 115 С.....	105
<i>Безнин М.А., Димони Т.М.</i> ИТОГИ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРОЕКТА «ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ КОНЦА 1920-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГГ.», ПОДДЕРЖАННОГО ГРАНТОМ РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО ФОНДА В 2022–2023 ГГ.	108
<i>Голдин В.И., Марченков М.Л.</i> ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ. УРОКИ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ	113
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	117

CONTENTS

<i>Sablin V.A.</i> THE FIFTH ANNIVERSARY OF “BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY. SERIES HISTORY AND PHILOLOGY”: PUBLISHING ACTIVITY (2019-2023)	7
---	---

HISTORY

<i>Dimoni T.M., Gulin K.A.</i> BIRTHDAY TRIBUTE TO M.A. BEZIN, A SCOLAR AND EDUCATOR.....	8
<i>Nagiyev G.G.</i> THE MEDIEVAL CITY OF GABALA (TOPOGRAPHY AND FORTIFICATION).....	12
<i>Nekrashevich P.A.</i> THE FIGHT AGAINST SELF-MUTILATION, A WAY OF EVASION OF MILITARY SERVICE IN THE RUSSIAN EMPIRE (1757–1874).....	17
<i>Rezanov A.D.</i> INTERACTION BETWEEN GENDARMES AND POLICE OFFICERS IN ARKHANGELSK PROVINCE IN THE MID 19TH – EARLY 20TH CENTURIES.....	22
<i>Suvalov O.N.</i> N.I. YERMOLOVICH'S INTERPRETATION OF ETHNOGENESIS OF BELARUSIANS IN THE CONTEXT OF SOVIET HISTORIOGRAPHY IN THE LATE 60S –EARLY 80S OF THE 20TH CENTURY.....	26
<i>Stoletova A.S.</i> FROM THE MACHINE TO THE WRITING TABLE: ABOUT THE CREATIVE PATH OF THE POET A.A. SUKHAREV.....	30
<i>Tryakhov I.S., Lyapanov A.V., Petrovicheva E.M.</i> CINEMA FACILITIES FOR THE HOMEFRONT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE MATERIALS OF VLADIMIR AND IVANOVO OBLASTS).....	36
<i>Chebykina L.V.</i> SPECIFICS OF CHILDREN'S TOURISM DEVELOPMENT IN VYATKA PROVINCE AT THE TURN OF THE 19TH-20TH CENTURIES.....	43

LITERATURE STUDY

<i>Egorova L.V.</i> SHALAMOV STUDIES IN 2023: A REVIEW OF MONOGRAPHS.....	47
<i>Efremova L.L.</i> LETTERS OF I.V. LYSTSOV TO V.I. BELOV IN THE FUNDS OF THE STATE ARCHIVE OF VOLOGDA OBLAST.....	53
<i>Ivanova V.Ya.</i> THE UNKNOWN SHORT STORY «PAPER PLANE» (1966) BY V. RASPUTIN.....	56
<i>Levochskaya E.F., Levochskiy S.S.</i> “PITY” AND “MOTHER'S CRY FOR A NEW RECRUIT”: MARINA TSVETAeva'S DIALOGUE WITH THE TRADITION OF FOLKLORE LAMENTATIONS	61
<i>Papilova E.V.</i> THE IMAGE OF FRANCE IN DENIS FONVIZIN'S “LETTERS FROM FRANCE”	65
<i>Trikoz E.L.</i> “WE LIVED IN THAT DISTANT TIME...”. THE 90TH ANNIVERSARY OF THE POET IVAN LYSTSOV (1934–1994) Part 1.....	69

LINGUISTICS

<i>Ananyina M.A.</i> THE ALLUSIVE ANTHROPONYM AS A COMPONENT OF A LITERARY TEXT CONCEPT	75
<i>Glinkina N.V.</i> TO THE TYPOLOGY OF VERBAL AGGRESSION.....	80
<i>Kositsina Y.V.</i> ADDRESSES-APPELLATIVES AS EXPLICIT ETHNOCULTURAL MARKERS IN F.S. CHISPIYAKOV'S RUSSIAN-LANGUAGE PROSE	85
<i>Kostrubina S.A., Dalakyan M.G.</i> STRUCTURAL AND PRAGMATIC FEATURES OF ENGLISH AND RUSSIAN ABBREVIATIONS IN GLOSSY MAGAZINES: COMPARATIVE ASPECT.....	89
<i>Lemak A.Y.</i> TEMPORAL VOCABULARY IN THE LANGUAGE OF PETER THE GREAT'S ERA.....	94
<i>Sudakov G.V.</i> “AND HE'S IN A HURRY TO LIVE, AND HE'S IN A HURRY TO FEEL...”	99

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

<i>Egorova L.V.</i> BOOK REVIEW: YAKUSHEVA L.A. CHEKHOV DIMENSION. VOLOGDA: VOLOGDA STATE UNIVERSITY, 2023. 115 P.	105
<i>Beznin M.A., Dimoni T.M.</i> THE RESULTS OF THE PROJECT “AUTHORITY AND PROPERTY IN SOVIET RUSSIA IN THE LATE 1920S – EARLY 1950S”, SUPPORTED BY THE RUSSIAN SCIENCE FOUNDATION GRANT IN 2022–2023.....	108
<i>Goldin V.I., Marchenkov M.L.</i> FOREIGN MILITARY INTERVENTION IN RUSSIA: GLANCE THROUGH THE CENTURY. HISTORICAL LESSONS AND HISTORICAL MEMORY.....	113
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	119

В.А. Саблин
главный редактор научного журнала
«Вестник Вологодского государственного университета.
Серия: Исторические и филологические науки»,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета

ПЯТЬ ЛЕТ ЖУРНАЛУ «ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»: АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ (2019–2023)

В конце августа 2024 г. был опубликован рейтинговый анализ публикационной активности научных журналов России за 2023 год. Имеющиеся данные позволяют проанализировать наукометрические показатели за пятилетний период выхода в свет журнала «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки». Следует подчеркнуть, что, как правило, показатели рейтинга охватывают два предыдущих года.

Посмотрим на самые важные элементы наукометрии журнала.

Прежде всего отметим возрастающее число авторов журнала. Так, в 2019 г. в журнале публиковалось 56 авторов, в 2020 г. – 57, в 2021 г. – 71, в 2022 г. – 64, в 2023 г. – 86. В этой связи важно подчеркнуть расширение коллектива авторов и появление новых исследователей. В 2019 г. в журнале было опубликовано 27 работ новых авторов, в 2020 г. – 32, в 2021 г. – 39, в 2022 г. – 35, в 2023 г. – 53.

Отметим, что показатель журнала в рейтинге SCIENCE INDEX последовательно увеличивается. Если в 2019 г. он составлял 2,198, то в 2023 г. – 2,666. Соответственно, журнал, пусть медленно, поднимался в рейтинге SCIENCE INDEX с 3048 места в 2019 г. до 2897 в 2023 г.

Процентиль в рейтинге Science Index (Si) за 2023 г. составил 73 %, в 2019 г. он исчислялся в 79 %. Достигнутый результат следует подчеркнуть особо, учитывая то, что процентиль определяется путем разбиения ранжированного списка журналов на 100 равных по количеству журналов групп. Чем меньше процентиль, тем ближе журнал к началу рейтинга Science Index.

Двухлетний импакт-фактор РИНЦ журнала в 2019 г. составлял 0,104, в 2023 г. – 0,089. Пятилетний импакт-фактор РИНЦ журнала с показателя в 0,113 в 2019 году снизился до 0,044 в 2021 г. и увеличился до 0,099 в 2023 г. При этом двухлетний импакт-фактор по ядру РИНЦ журнала составляет в 2023 г. показатель 0,007.

Следует отметить, что библиометрические показатели по отраслям наук, представленных в журнале, выглядят поразному, но в каждом случае они демонстрируют довольно оптимальный уровень. В 2023 г. журнал по тематике «История. Исторические науки» занимает 202 место в рейтинге SCIENCE INDEX, по тематике «Литература. Литературоведение. Устное народное творчество» – 93 место, по тематике «Языкознание» – 139 место.

Число статей, опубликованных в журнале, за предыдущие два года, составляло в 2019 г. – 144, в 2020 г. – 153, в 2021 г. – 138, в 2022 г. – 124, в 2023 г. – 135. Любопытные данные представляет рейтинг числа просмотров статей журнала за год. Если в 2019 эта цифра равнялась 2789, в 2020 г. – 4980, в 2021 г. – 5488, в 2022 г. – 6848, то в 2023 г. – 9303.

При этом значительно увеличилось число загрузок научных статей из журнала. В 2019 г. – 851, в 2020 г. – 1827, в 2021 г. – 1384, в 2022 г. – 1437, в 2023 г. – 1792.

Главной же проблемой для редколлегии является фактор цитирования контента, опубликованного в журнале.

Несмотря на возросший интерес к содержанию, общее число цитирования журнала в текущем году хоть и увеличивалось, но в целом было невелико и составляло в 2019 г. лишь 24, в 2020 г. – 21, в 2021 – 17, в 2022 – 37, в 2023 – 47.

С 21 февраля 2022 г. журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки).

Чтобы соответствовать завоеванному уровню, редколлегии журнала следует думать не только о повышении цитируемости журнала, но следовать тем задачам, которые были обозначены главным редактором журнала во втором выпуске Вестника за 2022 г. (о концепции журнала «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки»). В числе приоритетных задач коллективу журнала предстоит:

1. Организовать целенаправленную работу по популяризации издания, расширению аудитории журнала путем привлечения авторов из среды научной общественности, специалистов-практиков, студентов, аспирантов и преподавателей

2. В целях своевременного формирования «издательского портфеля» журнала предложить включить в планы научной работы кафедр Института социальных и гуманитарных наук ВоГУ подготовку научных статей для журнала. Предложить заведующим кафедрами института ориентировать сотрудников, работающих над кандидатскими или докторскими диссертациями, на подготовку научных статей для журнала.

3. С целью повышения индекса цитируемости журнала приложить все усилия по повышению научного уровня журнала, соблюдению требований по актуальности, новизне, теоретической и практической значимости публикуемых в журнале материалов.

4. Принять меры по улучшению качества подготовки публикаций. С этой целью оптимизировать практику рецензирования статей. Создать специальную базу данных, содержащую сведения о рецензентах – признанных специалистах по тематике рецензируемых материалов, имеющих публикации по тематике рецензируемой статьи.

5. Обратит внимание на правовое обеспечение деятельности журнала, включающее разработку типовых форм авторских договоров, договоров авторского заказа, лицензионных и иных договоров.

Выражаю уверенность, что редколлегии журнала, опираясь на достигнутые результаты, в самое ближайшее время решит поставленные задачи.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 93/94

5.6.1. Отечественная история

Т.М. Димони, К.А. Гулин

Вологодский государственный университет

ВЕХИ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ М.А. БЕЗНИНА: К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО И ПЕДАГОГА

Статья освещает основные этапы жизненного и научного пути доктора исторических наук, профессора Михаила Алексеевича Безнина (1954 г.р.).

Научная школа М.А. Безнина, вологодская школа аграрных исследований.

22 июля 2024 года исполнилось 70 лет Заслуженному деятелю науки РФ, почетному гражданину города Устюжны, профессору, доктору исторических наук, заведующему кафедрой отечественной истории Вологодского государственного университета Михаилу Алексеевичу Безнину. Михаил Алексеевич работает в системе образования и науки почти 50 лет, из них 45 лет своей жизни он посвятил обучению студентов и аспирантов Вологодского государственного университета (ранее Вологодского государственного педагогического института, затем – университета). Широко известен Михаил Алексеевич как организатор науки – более 20 лет он являлся проректором по научной работе Вологодского государственного пединститута, затем продолжив эту деятельность в Вологодском государственном университете. Все это время М.А. Безнин много и плодотворно занимался историческими исследованиями.

Биография Михаила Алексеевича тесно связана с его родиной – городом Устюжной Вологодской области. Род Безниных известен на устюженской земле более 400 лет. Прародителем устюженских Безниных считается кузнец Михаил Безнин [9, с. 83]. В 1632 г.,

по свидетельству И.Х. Гамеля, сын кузнеца Михаила Безнина – Гаврила Безнин – в Устюжне Железнопольской ковал и полировал («гладил») ядра [10]. Родители М.А. Безнина – Зоя Григорьевна и Алексей Иванович – были рабочими. Отец прошел войну, был ранен, награжден орденом Отечественной войны II степени. В семье Безниных, кроме Михаила, росла старшая сестра Людмила, которая выбрала профессию врача.

После окончания с отличием Устюженской школы Михаил Алексеевич недолго работал на заводе, затем поступил в Ленинградский университет имени А.А. Жданова на исторический факультет. Уже в период обучения в университете стал работать учителем истории восьмилетней и средней школ Устюжны, был заместителем директора профтехучилища. В этот период он обзавелся семьей. Сегодня жена Лидия Ивановна, дочь Елизавета Михайловна и внучка Матрена – верные соратники в труде и жизни.

В 1978 году только что окончившего университет молодого историка заведующий кафедрой истории СССР Вологодского пединститута профессор Петр Андреевич Колесников пригласил преподавать на истфаке. В институте М.А. Безнин прошел все ступени преподавательской деятельности – был ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой отечественной истории.

Научный интерес М.А. Безнина первоначально был связан с аграрной историей советского времени. Кандидатскую диссертацию по теме «Совхозные рабочие Европейского Севера РСФСР в годы восьмой и девятой пятилеток» он защитил в 1983 г. В 1991 г., завершив обучение в докторантуре Института истории СССР АН СССР, М.А. Безнин защитил докторскую диссертацию по теме «Колхозный двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг.». В этот период сложились основные авторские подходы к научным исследованиям. Среди них – рассмотрение исторического процесса в длительной динамике, привлечение широкого комплекса исторических источников, историографическая эрудированность, аргументированность научных выводов. В полной мере такой подход

М.А. Безнина продемонстрировала подготовленная на основе докторской диссертации монография «Крестьянский двор Российского Нечерноземья 1950–1965 гг.» [1]. Структурно история крестьянского двора данной эпохи представлена в работе рассмотрением нескольких каркасных составляющих данного института: крестьянской семьи в ее демографической, поселенческой и трудовой составляющих, землепользования двора, характеристик приусадебного землепользования, крестьянской базарной торговли, бюджета и потребления семьи. Идея рассмотрения данного сюжета была сформулирована М.А. Безниным после широкого просмотра архивных источников, особенно статистических (бюджетных обследований, земельных балансов, отчетов о базарной торговле, документов о народонаселении и пр.). Идея докторской по тем временам казалась революционной, по общему убеждению, крестьянский двор как тип жизни остался в далеком прошлом. Однако такую тему горячо поддержали ведущие ученые страны, в частности известный историк-аграрник В.П. Данилов, работавший в то время руководителем сектора аграрной истории Института истории СССР.

Результаты докторского исследования М.А. Безнина заложили основу для целого ряда направлений в аграрной истории советского периода. Во-первых, был сделан вывод о том, что крестьянский двор, хотя и в урезанном виде, просуществовал до 60-х гг. XX века. При этом он еще в 1950-е гг. удовлетворял львиную долю потребностей в продуктах питания колхозных семей. Кроме того, было доказано, что в середине XX века крестьянский мир быстро уходил с исторической арены, но исчез еще не полностью. М.А. Безнин описал составляющие и динамику социально-культурного, экономического и демографического процесса раскрестьянивания, определил грань завершения этого процесса 60-ми годами XX столетия. Исследование в дальнейшем позволило поставить вопросы о типе эксплуатации колхозников, методах сопротивления этой эксплуатации (классовой борьбе), социальном перерождении деревни и др. Все эти направления исследований в дальнейшем развивались в работах М.А. Безнина, его учеников – аспирантов и докторантов (всего под научным руководством профессора М.А. Безнина защищено 20 кандидатских и докторских диссертаций).

В ходе изучения аграрной истории России в рамках научной школы М.А. Безнина были сформулированы выводы о специфике социально-экономических укладов сельского хозяйства в советское время, эволюции крестьянского двора в разных аспектах этого процесса и т.д. Основные итоги изучения данных вопросов вызвали широкое обсуждение в среде историков-аграрников, в частности на Симпозиумах по изучению аграрной истории Восточной Европы, дважды проходивших на базе Вологодского государственного университета (2000 и 2008 гг.). Академик Л.В. Милов по итогам этих симпозиумов назвал Вологодскую школу аграрных исследований, возглавляемую М.А. Безниным, одной из ведущих научных школ страны в сфере изучения аграрной проблематики. Основные итоги изучения аграрной истории советского времени были подведены М.А. Безниным в соавторстве с Т.М. Ди-

мони в крупном научном труде – монографии «Аграрный строй России 1930–1980-х годов», которая выдержала два издания [3]. В работе рассмотрены процессы капитализации сельского хозяйства в этот период и становления многоклассового устройства в производственном социуме села. Фундаментальным научным выводом является заключение о становлении государственного капитализма как устройства советского общества, когда капитал становится основной производительной силой (главным фактором производства), а государство – инструментом реализации политики по построению нового типа общественного устройства [4]. В плане социальной стратификации производственного социума был сделан вывод о неравенстве классов советского общества по месту, занимаемому в отношениях собственности. Отдельную роль в трудах М.А. Безнина играло изучение высшего класса советского общества. Было определено, что функции коллективного собственника выполнялись высшим классом советского общества – протобуржуазией, отдельные представители которого, в условиях действия разделенного права собственности, не обладали полным набором титульных прав собственника, что говорит о процессах генезиса класса собственников [5].

С большой самоотдачей М.А. Безнин руководил кафедрой отечественной истории, которую возглавляет с 1986 года. На кафедре под руководством М.А. Безнина работали известные ученые, преподаватели Ф.Я. Коновалов, В.А. Саблин, А.В. Камкин, А.Н. Башенькин, Н.И. Голикова, Е.И. Притыченко, С.Г. Карпов, М.Н. Никольская и др. Позднее в коллектив кафедры влились бывшие аспиранты М.А. Безнина – Т.М. Димони, Л.В. Изюмова, Р.А. Малахов и др. Сотрудники кафедры были вовлечены М.А. Безниным в широкомасштабные проекты – краеведческий проект «Старинные города Вологодской области», подготовку учебно-методического комплекса для школ и вузов «История Вологодского края» и другие. На кафедре выполнялись работы по грантам ведущих российских научных фондов и хоздоговорные научные исследования.

С 2014 г. М.А. Безнин с группой исследователей приступили к формированию новой концепции социально-экономического устройства советского общества. В публикациях этого периода были предложены оригинальные подходы к анализу экономического устройства страны, включающие изучение эволюции факторов производства (труда и капитала), экономических укладов, систем эксплуатации, роли экономических институтов – собственности, товарности, денег и др. Был сделан вывод о том, что в 1930-е гг. в России был создан и в дальнейшем получил развитие новый вид капиталистической системы – российский государственный капитализм, необычность которого в качестве типа социально-экономического устройства состояла во всеобщем охвате им экономической жизни общества, специфических институтах, уникальном построении социума [8].

Особое внимание было уделено изучению отношений собственности в советский период. М.А. Безнин и его соавторы трактуют собственность в институциональном ключе, т.е. как набор частичных право-

мочий (владения, распоряжения и пользования), каждое из которых регулирует отдельную плоскость взаимодействия между людьми по поводу объектов собственности [6]. В ходе исследований было установлено, что права собственности концентрировались на вершине властной пирамиды страны. В их реализации, в первую очередь, были задействованы те, кто занимал первую, руководящую ступень в должностной иерархии. Титульные права собственности (владения, распоряжения и пользования) были разделены между отдельными когортами со-собственников – партийной, советско-хозяйственной, плановой, финансовой и пр., а осуществление прав собственника было в юридическом, властно-политическом и повседневном контексте функционально «сепарировано» между представителями господствующего класса. Это выражалось в их праве определять стратегическое направление развития страны, планировать конкретные результаты на долгосрочную и краткосрочную перспективу, направлять потоки финансовых ресурсов, вести учет и контроль по всем направлениям экономической деятельности. Особенности класса собственников конца 1920-х – начала 1950-х гг. была его персональная нестабильность: в условиях постоянной и быстрой ротации, невозможности юридического закрепления собственнических прав, передачи прав собственности по наследству, ограничений в получении имущественных благ. Класс оказывался неудовлетворен ограничениями системы сталинского государственного капитализма и при первой же возможности приступил к глубокому реформированию советского общества [7].

Исследования М.А. Безнина и работавшего с ним научного коллектива были многократно поддержаны ведущими российскими научными фондами: в 2014–2016 гг. грантом РГНФ «Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания», в 2017–2019 гг. грантом РФФИ «Социальная революция в советской России: предпосылки, этапы, итоги», в 2019–2021 гг. грантом РНФ «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства», в 2022–2023 гг. – «Власть и собственность в советской России (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): борьба экономических и политических интересов», в 2024 г. команда М.А. Безнина выиграла грант РНФ «Институты зависимости и системы эксплуатации труда в России 1930–1980-х гг.».

К настоящему времени М.А. Безнин является автором более 300 научных трудов, в том числе автором и редактором более 130 монографий, сборников статей и учебных пособий. Все они хорошо известны историкам, географам, социологам, экономистам страны и за ее пределами.

1990-е гг. были временем масштабных политических и экономических перемен, борьбой идей. Одна из страниц в жизни М.А. Безнина тесно связана с общественно-политической деятельностью. В 1994 году он участвовал в создании общественно-политического объединения «Вологодский Союз патриотических сил», был избран Председателем Совета Союза¹, пе-

реизбирался на данную должность и в последующие годы. Целью ВСПС была координация общественной и политической деятельности сторонников укрепления российской государственности, патриотизма, народовластия и социальной справедливости, развитие и пропаганда этих идей, содействие их претворению в жизнь и максимальному использованию местных ресурсов и резервов для спасения страны. В деятельности ВСПС принимали участие региональные отделения КПРФ, ЛДПР, Аграрной партии, Всеславянского Собора, движения «Трудовая Вологда» и другие организации. Членами Союза являлись: писатель В.И. Белов, депутаты Государственной Думы РФ В.П. Громов и А.М. Пономарев, заместитель председателя АПР А.С. Ручкин, депутат Государственной Думы РФ Т.И. Лета, депутаты Законодательного Собрания Вологодской области В.В. Буланов и А.М. Хапов, главный хирург области А.В. Раздвогин, профессор, академик Петровской Академии наук и искусств В.В. Судаков, доктор геолого-минералогических наук Д.Ф. Семенов, кандидаты наук Н.К. Водомеров, М.Ф. Сычев, А.Ф. Чуянов, лидеры Вологодской организации ЛДПР И.Д. Леднев, Ю.Г. Суриков². Помимо участия в работе Союза, Михаил Алексеевич выдвигался кандидатом в выборные органы власти, в 1998–2000 годы являлся помощником депутата Государственной Думы РФ В.А. Купцова³. Материалы, отражающие политическую деятельность М.А. Безнина, вместе с его рукописями представлены в отдельном фонде Государственного архива Вологодской области (фонд Р-5171).

Среди общественно-значимых проектов, выполненных под руководством М.А. Безнина, конечно, основное место занимает многотомное краеведческое издание серии альманахов «Старинные города Вологодской области». Идея галереи альманахов, каждый из которых будет посвящен одному городу, появилась у Михаила Алексеевича еще в конце 1980-х гг., а работа по претворению этой идеи в жизнь началась в 1991 году. Первая книга вышла в 1992 году и была посвящена родному городу Михаила Алексеевича – Устюжне. Потом появились альманахи «Вологда», «Кириллов», «Белозерск», «Череповец», «Великий Устюг», «Вытегра», «Вожега», «Чагода», «Тотьма» и др. Всего к сегодняшнему дню издано 42 тома, в которых дается комплексное историческое, природно-географическое, культурологическое описание уникального российского феномена – малых провинциальных городов. В проекте участвовал авторский коллектив из 300 ученых, краеведов, музейных, архивных работников [2]. На сайте Вологодской областной библиотеки данной серии альманахов посвящена отдельная страница [11].

За большие заслуги в развитии науки и образования в 1995 г. М.А. Безнин был награжден значком «Отличник народного просвещения», в 2002 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», в 2019 г. награжден медалью «За заслуги перед Вологодской областью». Научная деятельность М.А. Безнина отмечена

¹ ГАВО. Ф. Р-5171. Оп. 2. Д. 10. Л. 1-2.

² ГАВО. Ф. Р-5171. Оп. 2. Д. 28. Л. 3-4.

³ ГАВО. Ф. Р-5171. Оп. 2. Д. 16, 17, 18, 25.

Государственной премией Вологодской области по образованию (2010 г.) и Государственной премией Вологодской области по науке и технике (2015 г.).

Большое место в жизни М.А. Безнина занимает спорт. Многие годы он занимался волейболом, участвовал в соревнованиях разного уровня. Сейчас большие планы на совершенствование Михаил Алексеевич связывает с теннисом.

В юбилейный год Михаил Алексеевич продолжает активно работать, руководит аспирантами и докторантами, полон новых научных идей и планов. Коллеги и ученики желают Михаилу Алексеевичу дальнейшей плодотворной научной деятельности, крепкого здоровья, новых достижений в развитии системы образования и культурной среды нашей Родины.

Литература и источники

1. Безнин, М. А. Крестьянский двор российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. : монография / М. А. Безнин. – Москва ; Вологда, 1991. – 254 с.
2. История издательской программы «Старинные города Вологодской области» / М. А. Безнин, Е. Ю. Баконов, Л. С. Панов, В. А. Саблин, Г. В. Судаков, Е. А. Скупинова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 87–98.
3. Безнин, М. А. Аграрный строй России 1930–1980-х годов : монография / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Москва : Ленанд, 2014. – 608 с. (второе издание – 2019 г.)
4. Безнин, М. А. К вопросу о подходах в изучении основных вопросов социально-экономической трансформации советской России от аграрного к капитализированному обществу / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 66. – С. 13–21.
5. Безнин, М. А. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Новейшая история России. – 2019. – № 2 (9). С. 437–453.
6. Безнин, М. А. Становление новых властно-собственнических отношений в советской России конца 1920-х – начала 1950-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. – 2022. – № 10–1. – С. 4–19.
7. Безнин, М. А. Этика властно-собственнических отношений правящих верхов российского общества (конец 1920 – 1950-е гг.) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. – 2023. – № 11–2. – С. 34–59.
8. Безнин, М. А. Экономический строй России 1930–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони, К. А. Гулин. – Вологда : ВоГУ, 2021. – 250 с.
9. Воротынцева, Е. А. Древний устюженский род Безниных / Е. А. Воротынцева // Устюжна : краеведческий альманах. Вып. 5. – Вологда : Легия, 2002. – Вып. 5. – С. 87–104.
10. Гамель, И. Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении / И. Х. Гамель. – Москва : тип. А. Семена, 1826. – 372 с.
11. Старинные города Вологодской области. – URL: <https://www.booksite.ru/oldtown.htm> (дата обращения: 26.08.2024). – Текст : электронный.

T.M. Dimoni, K.A. Gulin

BIRTHDAY TRIBUTE TO M.A. BEZNIN, A SCOLAR AND EDUCATOR

The article highlights the main stages of life and work of Doctor of History, Professor Mikhail Alekseevich Beznin (born 1954).

M.A. Beznin scientific school, Vologda School of agricultural research.

Г.Г. Назиев

*Московская государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина*

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД ГАБАЛА (ТОПОГРАФИЯ И ФОРТИФИКАЦИЯ)

Город как результат эволюции различных типов человеческих поселений и особое явление организации общественной жизни отличается особым укладом жизни, спецификой политико-экономической, социокультурной и интеллектуальной деятельности, мировоззрением и мировосприятием различных слоев населения. Сегодня накопились новые археологические материалы и письменные информации, разработаны современные методологические подходы, что делают возможным более глубокое исследование вопросов становления и развития городской культуры. Изучение топографической структуры и системы обороны древних городов является одной из наиболее актуальных и сложных задач в исторической науке. Габала – один из древних городов Азербайджана с непростой и интересной историей, многие страницы которой до сих пор остаются не вполне ясными. В статье проведен анализ имеющихся письменных источников и материалов, полученных в результате многолетних археологических раскопок, что позволяет проследить непростую картину сложения топографии и формирования оборонительных систем города Габала.

Древние города Азербайджана, Габала, Гала, Сельбир, социальная структура городов, топография, оборонительные сооружения.

Впервые о городе Габале (Кабалаке) сообщают письменные источники во второй половине I в. Габала отождествляется с Кабалакой (Cavalaca) [28, с. 297] Плиния Старшего (23–79 гг.) и Хабалой (Chabala) Птолемея (70–147 гг.) [29, с. 254]. Плиний считает Габалу главным городом [28, с. 297] и неединственным (Pravalent oppida¹ – Albanioe – Cabalaca) [25, с. 122].

В VII в. город упоминается албанским историком Моисеем Каланкатуйским как Кавалаха [24, с. 57, 72, 120, 148, 172 и др.] и «Армянской географией» – как Кавагак (Кавалак) [2, с. 40]. Кага (Гала), отмечаемая историком VIII в. Гевондом, отождествляется также с Габалой [18, с. 92].

В период античности и раннего средневековья (до V в.) Габала была столицей Албании (Кавказской Албании), здесь находились дворец правителя страны и резиденция архиепископа [23, с. 160; 27, с. 15].

В VI в. в связи с опасностью с севера столица была перенесена в город Партав (Барда). В результате второй арабо-хазарской войны (около 722–737 гг.) Габала перешла под контроль арабов [21, с. 298–300].

Развалины Габалы находятся к востоку от современного села Чухур Габала на высоком холме между реками Гарачай и Джоурлучай. Территория города с площадью более 25 га разделена рвом на две части: часть города (12 га), расположенная к северу от рва, называется Сельбир, к югу – Гала (рис. 1). На севере город ограждается отрогами Большого Кавказа, а на юге – крупными террасами Кенделендага [17, с. 29]. Трудно восстановить первоначальный вид

восточной границы обеих частей города, что связано с разрушительными последствиями селевых потоков реки Джоурлучай. Площадь, занимаемая руинами города, имеет вытянутую, почти треугольную форму.

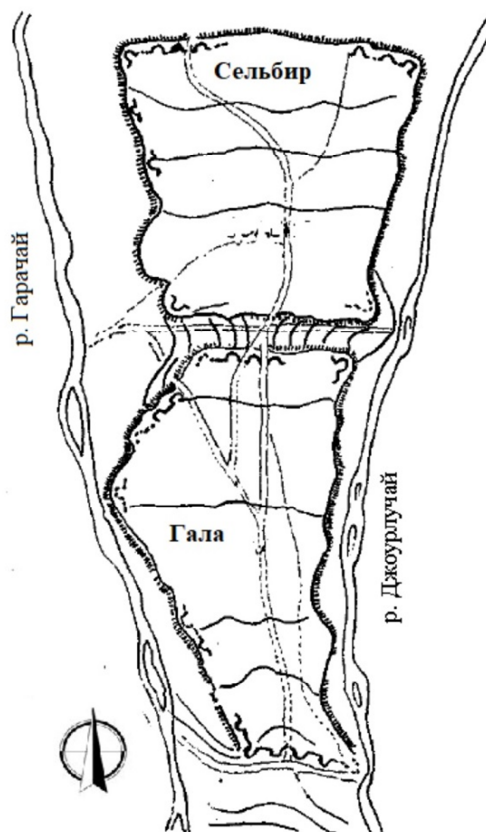

Рис. 1

¹ Римляне оппидумом называли свои периферийные города, имеющие оборонительные сооружения и все такие города варварского мира.

Археологические исследования позволяют считать Габалу городским комплексом, в который вошли не только Сельбир и Гала, но такие поселения городского характера, как Чаггаллы, Кямал тепе, Байыр шехер и Квартал ремесленников. К этому комплексу также относятся древние поселения недалеко от городища, такие как Сеидтала, Узунтала, Гафарлы, Гаратепе [1, с. 23–24].

Археологические раскопки древней Габалы начались с середины XIX в. (А. Яновский, Б. Дорн, Н. Караулов, Д. Шарифов, Р. Эфендиев, И. Джафарзаде и др.). На основе археологических изысканий, проведенных в начале XX века, исследователи считали, что Сельбир представляет собой развалины города Сирхарна [22, с. 41–43]. Первые разведочные археологические раскопки в Габале были произведены в 1926 г. под руководством Д. Шарифова [30, с. 174–185]. Значительные исследовательские работы были проведены в 1944–1945 гг., однако планомерные раскопки в городище были организованы в 1959 г. под руководством С.М. Казиева и в дальнейшем продолжались археологами О.Ш. Исмизаде, Г.М. Ахмедовым, И.А. Бабаевым, Ф.В. Гадировым, Г.Дж. Джабиевым и др. [3; 4; 5; 6; 7; 8–16].

На территории городища изучены культурные слои, образовавшиеся с I до середины XVIII в. Обнаруженные здесь четыре археологических слоя относятся к античному этапу и раннему, развитому, позднему средневековью [1, с. 25–26].

Несмотря на многолетние археологические раскопки на территории Габалы, сегодня нет единого мнения в определении местонахождения цитадели города и об исторической топографии его, структуре в раннесредневековый и средневековый периоды.

Исследователи предполагают, что античная Габала была расположена в 3–4 км к юго-востоку от развалин города, в местечке между реками Гарачай и Гочалан, именуемом Чаггаллы таласы (Шакалья поляна), и занимала площадь более 50 га [1, с. 24; 4, с. 45]. Более древняя часть города имела мощные укрепления, о чем свидетельствуют следы оборонительного земляного вала и рва². Допускается существование города на этом участке с конца IV в. до н.э. до конца I в. н.э. [6, с. 20; 7, с. 65], с конца I в. н.э. – на территории Сельбира и Галы. По другой версии, с самого начала (с III в. до н.э.) город находился на одном и том же месте (Сельбир и Гала) [1, с. 24; 13, с. 28], а в местечке Чаггаллы находились торговая площадь и храмы [20, с. 72].

Известный археолог И.А. Бабаев считал, что городище Габала в эллинистическую эпоху и на рубеже нашей эры находилось в Чаггаллы. Основаниями для такого вывода были многочисленные материалы, найденные на данной территории, достаточно обширное пространство (100 га) и наличие оборонительных сооружений [6, с. 19]. В то же время, опираясь на находки, полученные при археологическом изучении оборонительных стен Сельбира и Галы, Ф.В. Гадиров доказывает, что уже к I в. н.э. город имел укрепления. Это соответствует сообщению Плиния о Габале в I в.,

употребившем по отношению к ней термин «*oppidum*» [1, с. 28].

Какую из приведенных версий можно считать более правдивой? Можно ли допустить, что Гала-Сельбир и Чаггаллы являются остатками двух разных городов? Ответы на эти и другие вопросы дадут дальнейшие археологические исследования.

Здесь хочется отметить, что в раннесредневековый период многие города Азербайджана возникли недалеко от античных городов – «на новом, более удобном и укрепленном в оборонном отношении месте» [26, с. 90].

Нет сомнения, что средневековое городище Габала находилось на территории Сельбира и Галы. Однако о времени существования и назначении этих частей города также имеются разноречивые предположения. Самой древней частью города, по мнению большинства исследователей, является Сельбир. По С. Казиеву, Сельбир по времени охватывает период с I в. по X в. н.э. Начиная с IX в. городская жизнь продолжалась на территории Галы [20, с. 72–73]. Такого же мнения придерживались И. Бабаев и Г. Ахмедов – до IX в. люди жили в основном на территории Сельбира, а в IX в. и на территории Галы, примерно в XI в. в Сельбire жизнь прекратилась, а город продолжал существовать на территории Галы и ее окрестности до первой половины XVIII в. На основе результатов раскопок в 70–80-е годы XX в. на территории Галы, Г. Ахмедов пришел к выводу, что здесь жизнь началась не с IX в., как это предполагалось ими раньше, а с античного периода [4, с. 46–47].

По наблюдениям Ф. Гадирова, существование города на обеих частях начинается с III в. до н.э. Жизнь в Сельбire прекратилась в XII в., так как после XII в. на его территории не обнаружены материалы, относящиеся к этому времени [1, с. 32]. Территория Сельбира в это время использовалась под кладбище. Это подтверждают остатки мавзолеев на северо-востоке Сельбира и мусульманские погребения на самом верхнем слое городища [7, с. 22–23].

В Сельбire обнаружено три культурных слоя толщиной 2,5–3 м, охватывающих периоды: III в. до н.э. – V в. н.э., VI–X вв., XI–XII вв. Здесь выявлены христианские и мусульманские захоронения, относящиеся соответственно к VI и XI вв., что дает основание считать, что жизнь в Сельбire примерно в VII в., а затем в XI в. временно прекратилась [1, с. 25–26]. В последнем слое, образованном над мусульманскими захоронениями, обнаружены остатки насыщенной материальной культуры, что, по мнению Ф. Гадирова, говорит о богатой жизни Сельбира до прекращения здесь жизни (XII в.).

В Гале в культурном слое толщиной 5 м отсутствуют стерильные пласты. Здесь, в основном начиная с I в. н.э., прослеживается городская жизнь, если не считать незначительных материалов, относящихся к античному периоду.

Одним из интересных вопросов по топографии Габалы является вопрос о происхождении и назначении рва, который разделяет город на две части. Протяженность рва составляет около 350 м, глубина – около 18–20 м, ширина – в верхней части 30 м, а на дне 5 м [7, с. 22; 17, с. 31]. Ров, выходя к обоим рекам

² Существует мнение о том, что в этой части города находились храмовая зона и рыночная площадь [19, с. 19, 22].

(Джоурлучай и Гарачай), несколько округляется в сторону Галы (там, где Джорлучай смыл часть городища) [4, с. 46].

Одни исследователи считают, что ров был проведен в связи с защитой северной части Галы, другие – обеих частей города. Они допускают и наличие городской стены вдоль рва на каждой стороне [19; 32]. С.М. Казиев полагал, что Сельбир и Гала были связаны перекидным мостом через этот ров [19, с. 18].

Если анализировать вышеизложенные высказывания о времени существования города: по одной версии, до IX в. он охватывал только территорию Сельбира, а с IX в. – Сельбира и Галы; по другой – с I в. н.э. до XI–XII в. город занимал территорию обеих частей. Результаты археологических исследований свидетельствуют, что город и в раннем средневековье (IV–VIII вв.) и позже, примерно до X–XI вв., состоял из Сельбира и Галы внутри общей крепостной стены [1, с. 29, 32; 7, с. 25]. Возможно, в XI–XII вв. был проведен оборонительный ров для защиты северной стороны Галы, куда переходила основная городская жизнь.

Как видно, для топографии города Габалы характерна нечеткость по отношению к ее социальной структуре. Нечетко видны ее цитадель и шахристан, наличие которых характерно для многих городов Востока, в том числе Азербайджана. Выше было отмечено, что Габала была главным городом, столицей страны до перенесения ее отсюда в другой город – в Партав (Барду). Поэтому трудно представить город без цитадели. Период до XII в., по мнению Ф. Гадирова, вся территория городища (Сельбир и Гала – 25 га) была цитаделью [1, с. 26], а потом только Гала выполняла эту функцию [7, с. 40].

В раннем средневековье обе части города (Сельбир, Гала) были укреплены крепостными стенами и башнями, которые неоднократно разрушались, восстанавливались³, в результате чего элементы системы обороны города сильно изменились. По этой причине, для того чтобы с полной ясностью судить о характере развития фортификационных систем города на отдельных этапах его истории, нужны широкие археологические раскопки. Наземные части крепостных стен во многих местах, в основном в Сельбуре, сохранились плохо. О характере фортификации города можно судить по руинам фундаментов стен и башен и сохранившихся частей.

Остатки северной и западной сторон Сельбира сохранились в лучшем состоянии, чем восточной и южной сторон. Длина крепостных стен Сельбира составляет в периметре 1215 м – на севере 410 м, на западе 449 м и на востоке 357 м. Как указано выше, большая часть восточной окраины Сельбира размыва рекой, что создает трудность судить о ее первоначальном виде. О наличии крепостных стен на южной стороне существуют разные мнения: Ф. Гадиров, заложив шурф на стороне Сельбира вдоль рва, разделяющего город на две части, предположил, что южная сторона Сельбира тоже была укреплена оборонительными стенами длиной 210 м. Таким образом, он счи-

тал, что периметр городских стен Сельбира составляет 1425 м [1, с. 25; 12, с. 63–64].

Предполагалось наличие городских ворот на южной стороне. Но как показали археологические раскопки, заложенные на более широкой площади, остатки стен вдоль рва на стороне Сельбира, воспринятые как крепостные стены, на самом деле были остатками городских общественных сооружений [5, с. 54], отрезанных во время проведения рва. Таким образом, выяснилось, что Сельбир, кроме южной стороны, был окружен крепостными стенами.

Археологические раскопки на северной стене выявили полукруглую башню диаметром 3 м и было установлено, что башня сооружена из сырцового кирпича на глиняном растворе. Наружная часть стены и башни были облицованы сырцовыми кирпичами. Позже с внутренней стороны города к востоку от башен возведено дополнительное укрепление – вторичные стены в виде контрфорса (6 м) из камня и обожженного кирпича на известковом растворе.

Обнаруженная нижняя часть фрагмента крепости, выполненная из глинобитной массы («мохра» – «пахса»)⁴, характерная для раннесредневекового времени, дает основание считать, что башня возведена в V–VI вв. [20, с. 72].

На западной стороне Сельбира открыта оборонительная стена длиной 35 м. Стена толщиной 2,4 м и сохранившейся высотой 1 м построена из пористого камня на известковом растворе. Разрез, сделанный в северной части этой стены, показал, что в этой части стена возведена из глинобита. В 100 м к востоку от разреза опять лежала стена из пористого камня на известковом растворе. Такие каменные стены прослеживаются и на северной стороне [12, с. 63–64]. Обнаружение стены разного строительного характера затрудняет точную датировку и восстановление первоначального облика этих стен.

Возможно, стены из пористого камня относятся к более древнему периоду (античному), которые при сасанидах были восстановлены или построены заново на фундаменте старых.

На юго-западной части Сельбира были очищены остатки квадратной в плане башни высотой до 14 м, со сторонами 10 м. Башня возведена из тесаного булыжника на известковом растворе, облицована четырехугольными плитами из мягкого пористого камня (туфа). Верхняя часть башни не сохранилась. Выше уровня городища находилась верхняя пологая часть башни, где, вероятно, размещались защитники города. Строительные материалы фундамента западной стены высотой 0,5 м идентичны строительному материалу башни (Там же, с. 63). Под каменным полом обнаружены материалы Ялойлутепинской культуры (III–I вв. до н.э.). А. Гадиров, исследовавший эту башню, предполагал, что башня и крепостные стены построены в I в. до н.э.⁵ Если это так, тогда они существовали в раннем средневековье в отстроенном виде. Севернее дан-

⁴ Битая (прессованная) глина.

⁵ У основания стен в материковой части был обнаружен скелет быка или коровы, лежавший на левом боку, обращенный головой к северо-востоку. Предполагается, что это связано с жертвоприношением на церемонии по случаю завершения строительства крепостных стен [13, с. 28].

³ Самые крупные восстановительные работы были осуществлены в 80 г. XVI в.

ной башни были обнаружены остатки стены длиной 35 м, высотой 1 м и толщиной 2,4 м, на юго-восточной стороне Сельбира изучены руины мощной полукруглой башни.

Южная часть города – Гала укреплена сильнее, чем северная – Сельбир. Она была окружена со всех сторон крепостной стеной длиной 1600 м. Сравнительно неплохо сохранились наземные части пяти полукруглых башен и крепостных стен, окружавших Галу с юга (рис. 2). Сохранившаяся высота башен (10,7 м, 11,3 м, 14 м, 5 м) показывает, что они были более высокие. Толщина стен башен составляла 5 м, внутренний диаметр 5 м, наружная линия полуокружности – 27 м. Толщина крепостных стен (5 м) сохранившейся высотой 3–7 м еще раз свидетельствует о более укрепленной обороне Галы, так как толщина крепостных стен Сельбира составляла 2,5–3 м [17, с. 32].

Рис. 2. Башни города

Расстояние между башнями достигает 20–25 м; башни, расположенные по сторонам ворот, отделены расстоянием в 10,5 м. Видимо, такое усиление обороны южной части города было продиктовано наибольшей уязвимостью в этой части [31, с. 225–231]. Остатки разрушенных юго-восточных башен и стен Галы обнаружены в русле реки Джоурлучай. Следы северных и западных крепостных стен хорошо прослеживаются, несмотря на их плохую сохранность [1, с. 24].

Кроме крепостных стен город Габала был укреплен и оборонительными рвами. Опять же в связи с размывкой восточной окраины невозможно определить существование здесь рва. Хорошо прослеживается ров на северной стороне Сельбира, между крепостной стеной и глубоким оврагом. Здесь расположена широкая (5 м) земляная площадка, видимо, она была построена во время строительства крепостных стен. В некоторых местах, на самом крае этой площадки, шла линия насыпи оборонительного характера (Там же, с. 26). Такой же ров прослеживается между западной стеной Сельбира и оврагом Гарачая. Здесь ров (30 м) защищает города только с левой и правой стороны городских ворот. Что касается южной стороны Сельбира и северной Галы, они были защищены упомянутым выше искусственным рвом. Кроме оборонительной функции эти рвы выполняли и роль коллатора против эрозии крепостных стен.

Таким образом, средневековая Габала имела мощные оборонительные сооружения, сложную струк-

туру. Только дальнейшие обширные археологические исследования обеих частей городской территории, более детальное изучение градообразующих элементов (административные здания, рыночные площади, улицы, храмы и др.) создаст возможность с полной реконструировать топографическую структуру и характер фортификационной системы города.

Литература

1. Алиев, И. Г. Кабала / И. Г. Алиев, В. Ф. Гадиров. – Баку, Элм, 1985. – 86 с.
2. Армянская география VII века / перевод и примечания К. Патканова. – Санкт-Петербург, 1877. – 84 с.
3. Ахмедов, Г. М. Археологические раскопки на территории Калы городище Кабала / Г. М. Ахмедов // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1978 г.). – Баку : Элм, 1982. – С. 29–31.
4. Ахмедов, Г. М. О результатах раскопок на участке VII территории Кала городища Кабалы / Г. М. Ахмедов // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1985 г.). – Баку : Элм, 1986. – С. 45–47.
5. Ахмедов, Г. М. Результаты раскопок на территории городища Кабалы в 1986 г. / Г. М. Ахмедов // Великий Октябрь и развитие археологической науки в Азербайджане. – Баку, 1988. – С. 52–54.
6. Бабаев, И. А. Города Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.) / И. А. Бабаев. – Баку : Элм, 1990. – 236 с.
7. Бабаев, И. А. Кабала (Историко-археологический очерк) / И. А. Бабаев, Г. М. Ахмедов. – Баку : Элм, 1981. – 68 с.
8. Гадиров, Ф. В. Археологические раскопки 1977 г. в Кабале (Сельбире) / Ф. В. Гадиров // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1977 г.). – Баку : Элм, 1980. – С. 20–23.
9. Гадиров, Ф. В. Еще раз о датировке оборонительных стен Калы Кабалы / Ф. В. Гадиров // XI пятилетка и развитие советской археологии : тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. – Баку, 1985. – 409 с.
10. Гадиров, Ф. В. О полевых исследованиях Сельбирского (Кабалинского) археологического отряда / Ф. В. Гадиров // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1980–1981 гг.). – Баку : Элм, 1986. – С. 42–44.
11. Гадиров, Ф. В. Работа 1975 г. на городище Кабала / Ф. В. Гадиров // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. – Баку : Элм, 1978. – С. 40–42.
12. Гадиров, Ф. В. Раскопки на крепостных стенах Сельбира (Кабала) / Ф. В. Гадиров // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974 г.). – Баку : Элм, 1975. – С. 62–65.
13. Гадиров, Ф. В. Результаты археологических исследований в Кабале в 1982 г. (Сельбирский отряд) / Ф. В. Гадиров // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1982 г.). – Баку : Элм. – 1990. – С. 27–31.
14. Гадиров, Ф. В. Результаты раскопок на V участке (Кала) VII в Кабале, проведенных в 1985 г. / Ф. В. Гадиров // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. – Баку, 1986. – С. 48–49.
15. Гадиров, Ф. В. Северные оборонительные сооружения Азербайджана: (На основе памятников бывшего Кабалинского магала V–XIV вв.) / Ф. В. Гадиров. – Баку : Элм, 1984. – 151 с. (на азерб. яз.).
16. Гадиров, Ф. В. Исследования в Кабале / Ф. В. Гадиров // Археологические открытия 1983 г. – Москва : Наука, 1985. – С. 482–483.
17. Исмизаде, О. Ш. Кабала – столица древней Кавказской Албании / О. Ш. Исмизаде // Вопросы истории Кавказской Албании. – Баку : Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1962. – С. 29–38.

18. История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII века / перевод К. Патканова. – Санкт-Петербург, 1862. – Гл. 7. – 165 с.
19. Казиев, С. Историко-археологическое обследование городища Кабалы / С. Казиев // Материальная культура Азербайджана. – Баку, 1964. – Т. V. – С. 7–67.
20. Казиев, С. Итоги археологических раскопок в 1944 г. Кабалы / С. Казиев // Известия Института философии Академии наук Азербайджанской ССР. – 1945. – № 1. – С. 71–73.
21. Крымский, А. Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (Кавказская Албания (Кабала) / А. Е. Крымский // Сборник в честь С. В. Ольденбурга. – Ленинград, 1934. – С. 289–305.
22. Лалаян, Е. А. Раскопки в сел. Нидж и Варташен / Е. А. Лалаян // Известия Кавказского отдела Императорского Московского археологического общества. – Тифлис, 1919. – Вып. V. – С. 37–47.
23. Мамедова, Д. Дж. Политическая история, историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.) / Д. Дж. Мамедова. – Баку : Элм, 1986. – 284 с.
24. Моисей Каганкатвацци. История Агван / перевод К. Патканяна. – Санкт-Петербург, 1861. – Кн. 1, гл. V.
25. Нагиев, Г. Г. Письменные известия об укреплениях древних и средневековых городов Азербайджана / Г. Г. Нагиев // Актуальные проблемы средневековой истории Азербайджана : материалы Республиканской научно-практической конференции. – Баку, 2021. – С. 119–135.
26. Нагиев, Г. Г. Средневековый город Гянджа (о фортификации города и социальной структуре) / Г. Г. Нагиев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. – 2020. – № 4 (40). – С. 84–96.
27. Нагиев, Г. Г. Характерные особенности средневековой городской культуры Азербайджана / Г. Г. Нагиев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2017. – № 3–4 (64–65). – С. 15–23.
28. Плиний Секунд. Естественная история. Кн. VI, § 29 / Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть вторая. Латинские писатели // Вестник древней истории. – 1949. – № 2. – С. 269–356.
29. Птоломей. Географическое руководство. Кн. V, гл. 11 / Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть первая. Греческие писатели // Вестник древней истории. – 1948. – № 2. – С. 231–314.
30. Шарифов, Д. Обследование развалины Кабалы / Д. Шарифов // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. – Баку, 1927. – № 4. – С. 174–185.
31. Щерблюкин, И. П. Средневековые азербайджанские города Оленкала, Кабала / И. П. Щерблюкин // Низами. Т. 4. Баку : Азернешр, 1947. – С. 223–231.
32. Щерблюкин, И. П. Остатки крепостных стен Кабалы / И. П. Щерблюкин // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. – 1945. – Т. 1, № 2. – С. 90–94.

G.G. Nagiyev

THE MEDIEVAL CITY OF GABALA (TOPOGRAPHY AND FORTIFICATION)

The city as a result of evolution of various types of human settlements and phenomenon of social life organization is characterized by a special way of life, specific political, economic, socio-cultural and intellectual activity, world outlook and world perception by all social strata. Due to new archaeological materials, written sources and modern methodological approaches it becomes possible to study the issues of formation and development of urban culture on a deeper level. The study of the topographical structure and defense system of ancient cities is one of the most urgent and difficult tasks in historical science. Gabala is one of the ancient cities of Azerbaijan with a complicated and interesting history, much of it is still not clear enough. The article analyses the written sources and materials obtained as a result of years of archaeological excavations. The analysis helps to trace the complex ways the topography and defense systems of the city of Gabala were formed.

Ancient cities of Azerbaijan, Gabala, Gala, Selbir, social structure of cities, topography, defensive structures.

Ф.А. Некрашевич

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

БОРЬБА С ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВОМ КАК СПОСОБОМ УКЛОНЕНИЯ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1757–1874 ГГ.)

Членовредительство являлось одним из инструментов уклонения от военной службы в армии Российской империи. В данной статье рассматриваются мероприятия правительства по борьбе с членовредительством в 1757–1874 гг. среди лиц, состоявших на рекрутской очереди. Кроме того, рассматривается вопрос привлечения членовредителей к военной службе в российской императорской армии.

Российская империя, армия, рекрутская повинность, членовредительство, наказание.

Уклонение от службы в вооруженных силах всегда являлось серьезной проблемой для государства. В Российской империи, где армия до 1874 г. комплектовалась за счет рекрутской повинности, эта проблема была вдвойне актуальна. Огромные сроки службы, доходившие до 20 лет, вызывали нежелание подданных вступать в ряды вооруженных сил. Одним из популярных способов избежать рекрутчины было мышленное членовредительство.

Целью данной статьи является выявление основных подходов в политике российского правительства по борьбе с членовредительством среди лиц, состоявших на рекрутской очереди. Нижняя граница хронологических рамок исследования обусловлена введением в Российской империи в 1757 г. «Генерального учреждения о ежегодном сборе рекрут» 1757 г. (далее – Генеральное учреждение 1757 г.). Верхняя граница связана с окончательной отменой в 1874 г. рекрутской повинности и последовавшими в связи с этим изменениями системы комплектования.

Исследование построено на анализе российского законодательства, посвященного борьбе с членовредительством. Для выявления типичных травм, которые наносили себе уклонисты от военной службы, в статье использованы делопроизводственные материалы фонда Витебского гражданского губернатора Национального исторического архива Беларуси.

На протяжении рассматриваемого периода значение термина «членовредительство» менялось. Так, «Высочайше утвержденный устав рекрутский» 1831 г. (далее – Устав 1831 г.) определял членовредителей как «людей, которые, подлежа рекрутской повинности и быв во всем годны к военной службе, причинили себе увечье во избежание оной» [5, т. 6, № 4677]. «Свод Военных Постановлений 1869 г.» определял членовредительство как «умышленное причинение себе, непосредственно или через другое лицо, с целью уклонения от службы, увечья, или растравления своих ран, или же иного важного повреждения своему здоровью» [6, с. 30].

Следует отметить, что членовредительство являлось далеко не единственным способом уклонения от

рекрутчины. К другим распространенным способам можно отнести: бегство с места официальной прописки, искусственное разделение семейств с большим числом молодых мужчин на несколько небольших семейств, приписка к малым семействам «мертвых душ», а также подкуп медицинских чиновников.

Очевидно, что большинство из перечисленных способов были сопряжены с коррупцией, а значит, со значительными денежными расходами. Для бедных членов общины были доступны лишь два варианта: бегство и членовредительство. Бегство с места официальной прописки автоматически создавало уклонисту проблемы перед законом и местной общиной. Оно помогало лишь отсрочить поступление на военную службу. Членовредительство давало определенную надежду избежать рекрутчины и вести полноценную жизнь в качестве члена местной общины. В связи с этим перед членовредителем стояли две основные задачи. Во-первых, нанести себе травму, несовместимую с несением службы, но при этом не превращающую мужчину в калеку. Во-вторых, сделать все возможное, чтобы местная община и представители властей поверили в непреднамеренный характер травмы.

О типичных травмах, которые наносили себе членовредители, можно судить по материалам следственных дел нижних земских судов Витебской губ. Во-первых, это ампутация указательного пальца. Подобную травму в апреле 1828 г. нанес себе крестьянин Полоцкого уезда Демьян Яронкович, а в декабре 1833 г. – крестьянин Лепельского уезда Дмитрий Шилак [2, л. 12; 1, л. 14]. Подобным образом членовредители делались непригодными для стрельбы из огнестрельного оружия. Иной распространенной травмой было удаление передних зубов. Подобную травму в августе 1828 г. нанес себе крестьянин Динабургского уезда Иван Лавринович, выбивший себе несколько передних зубов нижней челюсти [2, л. 23]. В свою очередь крестьянин Лепельского уезда Нестор Кухта выбил себе в марте 1834 г. четыре передних зуба нижней челюсти [3, л. 15]. Количество выбитых зубов определялось требованиями Устава 1831 г. и состоянием

здоровья членовредителя. Устав 1831 г. гласил, что от рекрутской повинности освобождаются лица, у которых отсутствует 8 зубов обеих челюстей или же 6 зубов одной челюсти. Если лицо, желавшее уклониться от рекрутчины, уже было лишено нескольких зубов, то оставалось выбить себе ровно столько, сколько того требовали положения Устава 1831 г. [5, т. 6, № 4677, прил. VI]. Существовали и другие варианты нанесения себе травмы, несовместимой со службой (например, перелом конечностей), но они сопровождались большими рисками утраты способности к полноценному физическому труду.

Меры российского правительства по борьбе с членовредительством являлись одним из элементов политики по организации и проведению рекрутских наборов. Ключевым отличием рекрутчины от современной воинской повинности являлась основа правовых отношений, на которой эта политика строилась. Всеобщая воинская повинность является ярким примером правовых отношений между государством и индивидом, так как защита государства – это долг и обязанность гражданина. В случае с рекрутской повинностью сторонами правовых отношений выступали государство и локальные общины (далее – общины) податных слоев населения (например, сельские общины, еврейские кагалы, общины мещан христианского вероисповедания и т.д.). Государство на законодательном уровне устанавливало общие правила, которые определяли порядок выбора рекрутов, наказания уклонистов и т.д. Ответственность за поставку рекрутов нес не только подданный, но и сами общины. В связи с этим и санкции государство накладывало на провинившегося подданного и на общину. Такой характер правовых взаимоотношений определял непоследовательность и разнообразие наказаний за умышленное членовредительство.

Массовое членовредительство представляло собой действительно серьезную угрозу. Страна теряла не только солдат, но и рабочие руки в ключевых сферах экономики, поэтому правительство стремилось сделать все возможное для предотвращения членовредительства. Данная проблема имела комплексный характер, поэтому в принимаемых законах власти стремились ответить на ряд ключевых вопросов.

Во-первых, как нужно наказывать членовредителей и членов их семей? По мнению властей, жестокость наказания должна была играть профилактическую роль. Страх получить телесное наказание и быть отправленным в ссылку должен был сдерживать совершение преступлений. Законодатель придерживался мнения, что членовредители действовали не в одиночку, а с одобрения и при поддержке членов своих семей, не желавших терять близкого человека. В связи с этим перед местными властями ставилась задача установления степени причастности родственников к уклонению от военной службы.

Во-вторых, взывать ли штрафных рекрутов с общин, где были выявлены факты членовредительства? В качестве штрафа за членовредительство правительство порой принуждало общины отдавать в рекруты еще одного мужчину. Тем самым на многолетнюю службу мог быть отправлен человек, совершенно не причастный к преступлению, совершенному другим

членом общины. К подобной жесткой политике российские власти прибегали далеко не всегда и при определенных обстоятельствах.

В-третьих, направлять ли членовредителей на службу в вооруженные силы? Несмотря на то что российской армии требовались физически здоровые новобранцы, членовредители нередко направлялись на службу. Неотвратимость военной службы должна была внушить уклонистам, что причинение себе телесных повреждений не принесет желаемого результата. В российской армии существовала масса нестроевых должностей (денщики, писари, мастерские и т.д.), которые могли занимать военнослужащие с физическими недостатками. Вопрос заключался лишь в том, насколько военному командованию были необходимы такие новобранцы.

В-четвертых, нужно ли делать исключения из правил для отдельных групп населения? Законы, определявшие правила несения рекрутской повинности, имели исключения для различных социальных групп. Это было связано с разной подчиненностью представителей податных групп населения. Например, правительство имело полную власть над казенными крестьянами. В то же время исполнение рекрутчины помещичьи крестьянами регламентировалось не только государством, но и самими помещиками. Кроме того, правительство придерживалось мнения, что некоторые социальные группы более склонны к уклонению от рекрутчины, поэтому в их отношении требуется применение дополнительных мер. Например, такая политика проводилась в отношении евреев.

В действиях российских властей по борьбе с членовредительством в рассматриваемый период можно условно выделить ряд этапов:

1) содержание первого этапа (1757–1804 гг.) определялось положениями Генерального учреждения 1757 г.;

2) для второго этапа (1804–1831 гг.) характерно ужесточение наказаний за членовредительство;

3) на протяжении третьего этапа (1831–1855 гг.) происходит реализация положений Устава 1831 г., а также проведение жесткой политики в отношении еврейской диаспоры;

4) наконец, для заключительного этапа (1855–1874 гг.) характерен постепенный отказ от коллективной ответственности за членовредительство.

На протяжении первого периода российские власти в делах о членовредителях руководствовались п. 6 гл. 3 Генерального учреждения 1757 г. Данный документ предусматривал ряд санкций за умышленное членовредительство. Если нанесенная травма признавалась совместимой с несением службы, виновный назначался на службу в строевые подразделения или в извозчики (в зависимости от характера полученного увечья). Кроме того, он подвергался телесному наказанию шпицрутенами через строй в 500 чел. 3 раза. Если же членовредитель оказывался негодным к поступлению в рекруты, он подвергался телесному наказанию плетью «нещадно» и навсегда направлялся в крепостные работы. В обоих случаях членовредитель не засчитывался обществу за взятого рекрута [4, т. 14, № 10.786].

Тем не менее, подобная практика не привела к искоренению членовредительства как явления. Напро-

тив, армия пополнялась рекрутами с серьезными физическими недостатками. Все это способствовало разложению дисциплины в войсках. В связи с этим 18 февраля 1798 г. последовало решение сената Российской империи о прекращении приема в рекруты членовредителей. Вместо них общества должны были поставить здоровых новобранцев. При этом помещики сохраняли за собой право отправить членовредителей на поселение (в случае годности к военной службе) или каторжную работу (если к военной службе совсем не годны) [4, т. 25, № 18.388]. В обоих случаях членовредитель шел в зачет будущего рекрутского набора.

Как мы видим, правительство сделало существенные уступки по сравнению с Генеральным учреждением 1757 г., но подобная политика проводилась недолго. Уже 7 сентября 1804 г. вышел именной, данный сенату указ, ужесточивший наказание в отношении членовредителей из казенных крестьян. В семьях членовредителей следовало брать на службу не только самого уклониста, но и еще одного мужчину. В случае негодности к строевой службе оба члена семейства направлялись в нестроевые подразделения. Если же они были вообще негодны к военной службе, то их ждали крепостные работы. При этом второй член семейства не засчитывался общине за рекрута (Там же, т. 28, № 21.442). Этот указ ужесточал ответственность за членовредительство на трех уровнях: индивидуальном (принудительная отправка на службу), семейном (потеря второго члена семьи), общинном (потеря плательщика податей). В 1808 г. сила указа была распространена на мещан, а в 1809 г. – на все социальные группы, несущие рекрутскую повинность (Там же, т. 30, № 23.286, 23.758).

Уже в мае 1810 г. указ 1804 г. был отменен, а местным властям в делах о членовредителях было рекомендовано действовать в соответствии с указом от 18 февраля 1798 г. (Там же, т. 31, № 24.251). К сожалению, в законе не было разъяснены причины столько резких перемен. На это могла повлиять как позиция военного командования, недовольного массовым поступлением на службу деструктивных элементов, так и позиция гражданских властей, недовольных принудительным набором штрафных рекрутов.

Метания российского законодательства на этом не закончились. Ухудшение внешнеполитической обстановки в 1812 г. вынудило правительство вновь ужесточить свою политику. Согласно утвержденному императором мнению государственного совета от 4 марта 1812 г., с членовредителями из помещичьих крестьян следовало поступать в соответствии с Генеральным учреждением 1757 г. В отношении казенных крестьян была возвращена практика отправки на службу членовредителя и члена его семьи с зачетом обществу лишь одного рекрута. В случае негодности к военной службе рекруты направлялись в крепостные работы. В указе подчеркивалось, что семья членовредителя может избежать отправки на службу второго рекрута, если своевременно известит местные власти о том, что в их семье есть уклонист. В этом случае подобные семьи подвергались такому же наказанию, что и помещичьи крестьяне (Там же, т. 32, № 25.021). Здесь мы впервые видим стремление российского законодателя принудить подданных к выда-

че членовредителей в обмен на отмену взыскания штрафного рекрута. Впоследствии подобная практика будет продолжаться.

Улучшение внешнеполитической ситуации в 1815 г. вследствие окончательного поражения Наполеон Бонапарта привело к очередному витку либерализации политики в отношении членовредителей. Согласно сенатскому указу от 12 мая 1815 г., на членовредителей были распространены положения Манифеста 30 августа 1814 г. Тем самым семейства членовредителей освобождались от отдачи на военную службу второго рекрута, а наказание распространялось лишь на самого членовредителя. Вслед за этим сенатский указ 5 ноября 1815 г. уточнял, что за членовредителей необходимо считать лишь тех лиц, которые до нанесения себе увечья были годны к военной службе [4, т. 33, № 25.981]. Многие представители податных сословий, не зная толком ни о законодательных нормах, ни о состоянии своего здоровья, наносили себе травмы, даже не представляя, что они и так не годны к военной службе. Согласно данному указу, эти лица освобождались от ответственности.

Изменения в российской политике по отношению к членовредителям на этом не закончились. Уже в мае 1817 г. вновь вступил в силу указ от 4 марта 1812 г. о штрафных рекрутах в отношении казенных крестьян и действии Генерального учреждения 1757 г. в отношении помещичьих крестьян (Там же, т. 34, № 26.899). В 1827 г. политика правительства была вновь унифицирована – теперь со всеми членовредителями следовало поступать на основе «Генерального учреждения 1757 г.» [5, т. 2, № 1502].

Новый этап в истории борьбы российского правительства с членовредительством связан с принятием Устава 1831 г. В этом документе законодатель попытался решить проблемы, возникавшие в предыдущие годы при борьбе с членовредительством.

Во-первых, была сделана попытка регламентировать механизм доказательства факта совершения умышленного причинения лицом телесных повреждений с целью избежания рекрутства. Подданный, получивший неумышленное повреждение и состоящий на рекрутской очереди, должен был в течение трех дней заявить об этом руководству общины (мещанин или казенный крестьянин) или помещику (помещичий крестьянин). Затем общине (или помещику) давалось семь дней на рассмотрение этой ситуации. Если они считали, что на лицо факт умышленного членовредительства, то в установленные сроки необходимо было обратиться в полицию. Затем местные органы власти должны были установить, имело ли место умышленное членовредительство на самом деле. Если же заявление не было направлено в установленные сроки, то следствие не проводилось (Там же, т. 6, № 4677). Логика законодателя заключалась в том, что после истечения 10 дней с момента получения травмы установить все обстоятельства ее получения не представлялось возможным. В связи с этим местные власти требовали от помещиков и общин неукоснительного соблюдения указанных сроков (Там же, т. 20, № 18746). Тем самым государство создало условия, при которых общины и помещики были сами заинтересованы в выявлении фактов умышленного членовредительства.

Во-вторых, Устав 1831 г. отменял коллективное наказание за членовредительство и устанавливал индивидуальную ответственность. Признанного виновным ждала публичная порка плетью и отправка в арестантские роты (в случае годности к службе) или в Сибирь на поселение (в случае негодности к службе). Если виновный до нанесения себе увечий признавался годным к военной службе, то он шел в зачет общине за рекрута. Устав 1831 г. (с изменениями и дополнениями 1834 г.) в отношении лиц, содействовавших членовредителю в нанесении увечий, устанавливал лишь телесное наказание [5, т. 9, № 7536].

В-третьих, в Уставе 1831 г. значительное внимание было уделено медицинскому обоснованию преднамеренного членовредительства. В документе содержались развернутые приложения для отдатчиков с описанием болезней и телесных недостатков, с которыми был запрещен прием в рекруты, а также «наставление для медицинских чиновников в рекрутские присутствия к приему рекрут отряжаемым». Это должно было максимально упорядочить деятельность чиновников и избежать разночтений.

Время показало, что эти нововведения оказались эффективны. На протяжении следующих четырех десятилетий политика российского правительства в этом вопросе подвергалась лишь некоторым корректировкам. Так, в 1839 г. было внесено дополнение, согласно которому несовершеннолетних членовредителей следовало отдавать на службу в батальоны военных кантонистов (Там же, т. 12, № 10.308). В 1851 г. членовредителям было запрещено возвращаться на родину после отбытия наказания в арестантских ротах, так как их ждала либо служба в армии, либо ссылка на поселение в Сибирь (Там же, т. 26, № 25.291). Наконец, в 1852 г. было принято решение об отправке годных по здоровью членовредителей на военную службу на строевые и нестроевые должности (Там же, т. 27, № 26.356).

На наш взгляд, главным достижением Устава 1831 г. являлся отказ от варварской практики коллективной ответственности за членовредительство. Сам факт подобной практики, а также отсутствие четкого механизма доказывания вины неминуемо порождали страх и озлобленность среди семейств, состоявших на рекрутской очереди. Четкое понимание того, что за членовредительство ответственны только сами уклонисты, должно было повысить доверие населения в его желании сотрудничать с властями при проведении рекрутских наборов.

В Российской империи существовала одна социальная группа, на которую действия статей Устава 1831 г. в отношении членовредителей фактически не распространялись. Рекрутская повинность евреев, которые стали привлекаться к несению военной службы с 1827 г., регулировалась специально созданным для них рекрутским уставом. При выявлении факта членовредительства в отношении евреев применялись § 84–85 устава главы XII «О евреях беглецах». Согласно данному параграфу, членовредитель обращался в военную службу без зачета общине. Кроме того, община должна была заплатить в казну штраф в размере 1000 руб. (Там же, т. 2, № 1330).

Например, стоимость обмундирования одного рекрута в 1831 г. равнялась 33 руб. [5, т. 8, № 6362].

В 1837 г. российские власти отказались от практики наказания евреев длинным рублем. Согласно утвержденному императором мнению государственного совета, при выявлении факта членовредительства семейство преступника должно было поставить еще одного рекрута. Кроме того, в качестве наказания общине вменялся штраф в виде 1/3 рекрута (то есть, общество должно было поставить штрафного рекрута в случае трехкратного выявления фактов членовредительства) (Там же, т. 12, № 10.308). Тем самым в российском законодательстве наблюдались две параллельные тенденции. С одной стороны, в отношении подавляющего большинства подданных власти придерживались взвешенного подхода. С другой стороны, меры, принимаемые в отношении евреев, были даже жестче, чем в начале XIX ст.

Восшествие на престол Александра II знаменует собой начало заключительного этапа в политике российских властей по борьбе с членовредительством. В рамках общего курса правительства по постепенной отмене сословных ограничений и привилегий была пересмотрена политика в отношении евреев. Уже в 1857 г. репрессивный указ 1837 г. был отменен (Там же, т. 32, № 31.425). Отныне политика в отношении членовредителей евреев проводилась в соответствии с Уставом 1831 г.

Таким образом, на протяжении 1757–1874 гг. в действиях российского правительства по борьбе с членовредительством доминировали две противоположные тенденции. Одна из них заключалась в стремлении минимизировать коллективную ответственность за совершение членовредительства, ограничиваясь в основном наказанием в отношении самого преступника. Вторая тенденция заключалась в попытке сделать вину за членовредительство коллективной, принуждая общины пресекать подобные преступления под страхом потерять еще одни рабочие руки. Особенно ярко вторая тенденция проявлялась в отношении евреев, а также в период острой нехватки людских ресурсов для вооруженных сил. С 1831 г. происходит постепенный отказ от коллективной ответственности за совершение членовредительства и смена схемы правовых отношений от «государство – община» к «государство – подданный».

Источники и литература

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. № 4628. Дело о членовредительстве крестьянина Лепельского уезда Шилака во избежание рекрутской повинности. 03.02.1834 – 08.04.1834. – 23 л.
2. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. № 1171. Дело о рассмотрении нижними земскими судами следственных дел о членовредительстве во избежание рекрутства. 25.01.1828. – 26.01.1829. – 74 л.
3. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. № 4868. Дело о высылке в Сибирь крестьян помещика Хребтовича Ганкевича и Кухту за членовредительство во избежание рекрутства. 01.06.1834 – 22.01.1838. – 22 л.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 : с 1649 по 12 дек. 1825 г. : в 45 т. – Санкт-Петербург : Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1851. – 45 т.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г. : в 55 т. – Санкт-Петербург : Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. – 55 т.

6. Свод Военных Постановлений 1869 г. [Текст] : [в 6 ч.] : 1900 г. – Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1879–1912. – [Ч. 6]. – 1900. – 312, с.

P.A. Nekrashevich

**THE FIGHT AGAINST SELF-MUTILATION, A WAY OF EVASION OF MILITARY SERVICE
IN THE RUSSIAN EMPIRE (1757–1874)**

Self-mutilation was one of the ways to evade military service in the army of the Russian Empire. The article discusses the measures of the government to suppress self-mutilation in 1757–1874 among those who were to be recruited. In addition, the issue of recruiting self-mutilators into the Russian Imperial Army is considered.

Russian Empire, armed forces, recruitment, self-mutilation, punishment.

А.Д. Резанов
*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЖАНДАРМОВ И ЧИНОВ ПОЛИЦИИ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношений чинов корпуса жандармов и «гражданской» полиции в Архангельской губернии середины XIX – начала XX вв. Это как общие направления взаимодействия в рамках охраны порядка, политического сыска, межведомственной переписки, так и проблемные аспекты, находившие свое воплощение в служебной практике. Главной вехой в истории указанных ведомств нам представляются реформы Александра II. На фоне общих преобразований полицейских органов в 1860-е гг. с одной стороны и расширения полномочий жандармов с другой становится особенно заметным обострение в губернских межведомственных связях, что в итоге привлекает внимание столичных властей к ситуации в регионе. В дальнейшем антагонизм снижается, и общая система становится стабильной, но вплоть до 1917 г. между ведомствами будут возникать противоречия.

Архангельская губерния, Отдельный корпус жандармов, полиция, полицмейстер, уездные исправники, полицейская стража, политический сыск.

Вплоть до начала 1990-х гг. в советской историографии одним из главных направлений была история революционного движения, в том числе регионально-го. После распада советской системы тема социально-политического противостояния XIX – начала XX вв. уже не могла рассматриваться историками с сохранением прежнего подхода, в основе которого лежало изучение деятельности революционных организаций. Это привело к появлению трудов, посвященных непосредственным «противникам» революционеров, а именно – жандармам и полиции. В современной историографии, помимо прочих аспектов функционирования полицейской системы, видное положение занимает вопрос о взаимодействии полиции с чинами Отдельного корпуса жандармов, что особенно актуально для региональных исследователей [1; 25]. При этом среди различных губерний Российской империи состояние Архангельской губернии середины XIX – начала XX вв. в вопросе отношений местных жандармов с полицией не изучено.

Прежде чем их охарактеризовать, необходимо отметить, что жесткое разделение «репрессивных» органов на полицию и жандармерию как на две совершенно автономные структуры ошибочно, так как обе они являлись элементами общей полицейской системы. И.Т. Тарасов еще в 1885 г. исходил из того, что «в общем строе полиции» существует сыскная, ведающая «всеми вообще» преступлениями, и тайная, расследующая только политические дела [27, с. 85–86]. Ф.М. Лурье указывал, что полиция делится на уголовный розыск и политический сыск, то есть политическую полицию [23, с. 10]. В значительной степени такое деление необходимо для понимания особенностей устройства ведомств. Например, губернские жандармские управления (ГЖУ), созданные в 1867 г., имели военную организацию, в то время как

реформированная с конца 1862 г. общая полиция в виде городских и уездных управлений оставалась «гражданской».

Здесь также заметно, что именно реформы 1860-х гг. явились наиболее важным разделом в истории российской полицейской системы. До того чины земской полиции были перегружены массой самых разных обязанностей: они не только расследовали преступления, но также занимались розыском беглых крестьян и борьбой с бродяжничеством, взыскивали подати и недоимки, составляли для губернатора справки и собирали статистические данные [26, с. 18]. По сути, земская полиция исполняла функцию местного административного управления, что было свойственно модели «хорошо организованного полицейского государства» [30, с. 1656].

Что касается жандармской команды, будучи воинским формированием, она исполняла общий надзор за порядком в городе и привлекалась для охраны в местах массовых собраний [28, с. 11]. Губернский жандармский штаб-офицер к тому же имел полномочия развернуть наблюдательную деятельность и делать необходимые для государства выводы. Жандармам приходилось наблюдать не только за подозрительными личностями, но и за местной администрацией. Например, в 1837 г. губернский штаб-офицер С.Н. Сорокин в рапорте для А.Х. Бенкендорфа хорошо отзывался о губернаторе А.Н. Муравьеве (бывшем декабристе), но критиковал местную полицию, указывая на «непозволительные действия и лихоимства», которые и пресекал Муравьев [29, с. 152].

В начале правления Александра II повышается социальная напряженность, что было вызвано поражением в Крымской войне, неурожаем, крестьянскими восстаниями, либерально-оппозиционным движением в дворянской среде, брожением среди студен-

чества [20, с. 142]. На фоне «Великих реформ», призванных разрешить противоречия между сословиями, проходит также реорганизация полицейской системы. С конца 1862 г. общая полиция видоизменяется: вместо чинов земских судов отныне в уездах полицейские функции должны были исполнять уездные управления во главе с исправниками, в то время как в губернском городе сохранялась должность полицмейстера. Полицейские управления открывались во всех уездах Архангельской губернии [2, л. 31–38]. Затем, в 1867 г., на основе жандармской команды утверждался строевой состав губернского жандармского управления, а вместо упраздненной должности губернского штаб-офицера местный политический сыск возглавлял начальник ГЖУ. То есть, в усложнившейся обстановке и при постепенном возрастании массовости оппозиционного движения, власти были намерены более четко закрепить полномочия и функции жандармов ради повышения контроля за всеми сословиями.

Это обстоятельство привело к серьезным трениям между Архангельским ГЖУ, губернатором и уездными исправниками. Оно было тесно связано с политическими ссыльными в губернии, число которых заметно росло с 1864 г. за счет участников польского восстания. Многие ссыльные к тому же принадлежали к образованному дворянству, что обеспечивало им благосклонность губернаторов и даже должности в государственных учреждениях. Очевидно, это сильно волновало начальника АГЖУ А.О. Заранека, который был обязан бдительно наблюдать за ссыльными.

Весной 1868 г. его помощник капитан Н.И. Бобков, собирая данные о ссыльных в Архангельском уезде, натолкнулся на сопротивление уездного исправника, который считал, что жандарм превысил полномочия [17, л. 6]. Полиция, таким образом, отказалась сотрудничать с АГЖУ, что дало повод шефу жандармов П.А. Шувалову писать министру внутренних дел А.Е. Тимашеву о том, что в губернии «с особенными затруднениями устраиваются правильные отношения» между ГЖУ и местной администрацией (Там же, л. 2–4). То, что исправники не предоставляют жандармам необходимые данные, вызывало, по мнению графа Шувалова, недоумение. Он также информировал МВД, что архангельский губернатор князь С.П. Гагарин «ищет орудие» для себя в лице ссыльных.

Очевидно, проблема на тот момент заключалась в недостаточном понимании губернатором (а значит, и уездной полицией) сущности задач АГЖУ в новых условиях: жандармы были обязаны усиливать надзор и сбор данных по всем действиям ссыльных, что расходилось с прежним положением дел в губернии. Ситуация приходила к порядку постепенно: губернатор Н.П. Игнатьев в 1871 г., когда чины ГЖУ получали право вести дознания по делам о государственных преступлениях, приказал полицмейстеру М.И. Клокачеву и исправникам усилить меры к предупреждению побегов ссыльных, а также установить «действительный надзор» за их передвижениями [3, л. 3].

Дальнейшее развитие отношений между жандармами и уездными исправниками было неотделимо от процесса усиления полиции. Гибель Александра II поставила власти перед необходимостью быстро и жестко подавить революционеров, в частности наро-

довольцев. В марте 1880 г. Верховная распорядительная комиссия М.Т. Лорис-Меликова объявляла губернаторам о необходимости установления «единства действий между органами различных ведомств, призванных осуществлять охрану государственного порядка и общественного спокойствия» [4, л. 38]. Формально такое единство было достигнуто в августе того же года с образованием Департамента полиции, которому подчинялись как чины ОКЖ в своей розыскной деятельности, так и городская и уездная полиция. Новые условия даже в отношении «тихих» губерниях, к которым относилась и Архангельская, привели к более ответственному подходу в межведомственном сотрудничестве, хотя бы потому, что при едином начальстве оно стало обязательно.

В течение 1880–1890-х гг. МВД регулярно рассылало циркуляры, где так или иначе подчеркивалась важность координации действий полиции и жандармов. Например, урядники обязывались своевременно сообщать начальнику ГЖУ о разыскиваемых лицах и их приметах [5, л. 3]. Исправники и становые приставы сообщали ему же о побеге поднадзорных. В целом полиция должна «оказывать полное содействие чинам ОКЖ по исполнению ими служебных обязанностей» [6, л. 21]. Например, в Печорском уезде Архангельской губернии (за неимением там жандармского помощника), уездный исправник направлял начальнику АГЖУ ведомости о состоящих под негласным надзором полиции [7, л. 59].

На тот момент основной проблемой в вопросах политического контроля оставалась недостаточная эффективность общей полиции в губернии. Например, в 1884 г. губернский прокурор Р.К. Краус писал губернатору К.И. Пашенко, что чины полиции либо извещают АГЖУ о государственных преступлениях лишь кратко, либо вообще не извещают, а один из исправников в начале следствия не передал дело об оскорблении императора в АГЖУ, а сам стал им заниматься [8, л. 11]. В политическом обзоре 1883 г. начальник АГЖУ А.Н. Щетинин критиковал службу полицмейстера Г.Н. Ахвердова [18, л. 6].

Позже, в 1897 г., начальник АГЖУ М.А. Роменский отмечал, что полицейские чины самовольно возбуждают дознания по государственным преступлениям, то есть нарушают Устав уголовного судопроизводства, хотя в ответ губернские власти указали, что Роменский не представил конкретных фактов [9, л. 411]. Ссыльный А.А. Дивильковский отмечал, что в 1904 г. из-за попыток ДП заслать в губернию собственных агентов, между ведомствами «пошла расти и ветвиться сугубая кутерьма недоразумений» [21, с. 258]. В целом подобные нюансы не выходили за рамки стандартных бюрократических отношений в правоохранительной системе, а проблемы взаимопонимания «гражданской» полиции и жандармов если и сохранялись, то явно не были сравнимы с ситуацией 1860-х гг.

Новый этап обострения проблем в служебных связях приходится на период 1905–1907 гг. Несмотря на то что при проведении многочисленных обысков у политических ссыльных в революционный период полицейские и жандармские чины действовали совместно и слаженно, натянутые отношения между ве-

домствами сохранялись. В частности, начальник АГЖУ А.Ф. Соболев просил губернатора Н.Н. Качалова пресечь «неоднократно повторяющиеся отказы в грубой форме» шенкурского исправника оказывать содействие жандармам при обращении за справками, а также безотлагательно сообщать о всяком перемещении поднадзорных [10, л. 10]. Встречались и обратные случаи. К примеру, когда жандармы вызвали на допрос в АГЖУ околоточных надзирателей, адъютант Л.Ф. Бетковский завел их в прокуренную кухню. Возмущенный таким отношением, один надзиратель ушел [19, с. 4]. Однако полиция признавала достоинства жандармов: онежский исправник в апреле 1907 г. отмечал, что надлежащий надзор возможен, лишь если на 5 ссыльных придется один наблюдающий, «хорошо обученный, вооруженный и дисциплинированный как, например, жандармы». Он заметил, что притом нижние чины полиции проявляют слабость и безоружны [11, л. 10].

Революционные события показали, что местной полиции категорически не хватает численности нижних чинов для пресечения общественных беспорядков. Хотя еще в 1903 г. с этой целью была учреждена полицейская стража, в Архангельской губернии она вводилась с 1 января 1906 г. Непосредственными командирами стражников были урядники, а как таковая стража подчинялась исправнику (в уезде) и становой приставу (в области стана). Что касается жандармов, с февраля 1906 г. на них ложилось заведование строевой частью полицейской стражи, а начальник ГЖУ становился ее инспектором [24, с. 342–343]. Также жандармы расценивались губернатором как «непосредственные начальники» стражников в случаях подавления беспорядков и народных волнений [12, л. 1].

Так необходимое расширение полицейского аппарата для противодействия массовым беспорядкам приводило к усложнению отношений между губернатором, ГЖУ и общей полицией. Поэтому конфликты были неминуемы. К примеру, в начале 1907 г. А.Ф. Соболев был возмущен тем, что мезенский исправник А.Н. Репин распорядился, «чтобы полицейские чины и стражники не вступали в сношения с жандармами и не пускали их к себе в казармы». Помощник Соболева получил приказ вести расследование, по итогам которого начальник АГЖУ намеревался обращаться в ДП [13, л. 65].

Не был удовлетворен работой полиции и следующий начальник АГЖУ – Н.И. Мочалов. В конце 1908 г. он отмечал, что холмогорский исправник Н.Е. Попов выслал из города отправленного жандармерией агента, а работа городских не выдерживает критики [14, л. 18–21]. Но в целом в 1907–1914 гг. общее положение вновь пришло к стабильному формату, и межведомственные связи оставались в привычных рамках. Уездные исправники отчитывались перед АГЖУ об установлении надзора за новыми ссыльными, полицмейстер присылал жандармскому помощнику списки этапированных и мог уведомить начальника ГЖУ о любых перемещениях поднадзорных. В свою очередь, жандармы продолжали вести дознания по делам о государственных преступлениях, надзирали за качеством работы полиции.

В 1907–1914 гг. существовали проекты полного объединения общей полиции и ОКЖ, что привело бы к завершению централизации управления. Однако любые условия подобного объединения значили бы потерю независимости ГЖУ от региональной власти, что ослабило бы контроль правительства над руководителями губерний [1, с. 54]. Так жандармы перестали бы являться «посланцами государя», утратив традиционный статус.

Поэтому проблемы, свойственные местной полиции (малочисленность, инертность, негосударственное мышление), сохранялись и в период Первой мировой войны. Например, еще в январе 1914 г. губернатор С.Д. Бибилов обращался в МВД с ходатайством об учреждении дополнительных 99 должностей полицейских стражников [22, с. 13]. В 1916 г. начальник АГЖУ Е.П. Флоринский писал губернатору, что чины общей полиции относятся к запросам жандармов «невнимательно и небрежно», а также просил напомнить им о должном отношении к работе, так как собственные разговоры с уездными исправниками результатов не дали. После того как С.Д. Бибилов обещал принять участие в этом вопросе, Флоринскому рапортовал об укреплении ответственности печорский исправник Л. Е. Паршенский [15, л. 123, 328]. Оставались при этом востребованными формы сотрудничества в чрезвычайных ситуациях. Так, после взрыва в порту на пароходе «Семен Челюскин» в начале 1917 г. АГЖУ подавало запросы о членах экипажа уездным исправникам и получало справки урядников [16, л. 50].

После Февральской революции 1917 г. все жандармско-полицейские структуры были отменены и расформированы. На примере Архангельской губернии мы можем сделать вывод о том, что единая и окончательно централизованная система полиции, которая могла бы быть высоко эффективной в борьбе с внутренними угрозами, в Российской империи так и не была создана. Главные факторы, способствовавшие отягчению сотрудничества между жандармскими и полицейскими чинами, носили различный характер. К объективным относятся расширение и изменение состава политической ссылки в губернию, что привело к формированию новой социальной ситуации, большие расстояния и неудобство координации между ведомствами. Субъективными факторами являлись неточные представления чинов общей полиции о функциях жандармов, а также роль в конфликтных случаях губернаторской власти, которая часто тяготела к тому, чтобы не делать местные проблемы достоянием правительства.

Литература

1. Бакшт, Д. А. Взаимодействие полиции и жандармерии (на материалах Енисейской губернии, 1881–1917) / Д. А. Бакшт // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1 (61). – С. 50–55.
2. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 790. Л. 31–38.
3. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2173. Л. 3.
4. ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 533. Л. 38.
5. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
6. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.
7. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 92. Л. 59.
8. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2783. Л. 1–2, 11.

9. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 83. Л. 411.
10. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1202. Л. 10.
11. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1334. Л. 10.
12. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5333. Л. 1.
13. ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 79. Л. 65.
14. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 505. Л. 18–21.
15. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 1. Л. 123, 328.
16. ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 668. Л. 50.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3а. Д. 132. Л. 2–4, 6.
18. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 80. Д. 88. Ч. 34. Л. 6.
19. Голос Севера. – 1907. – 13 марта. – С. 4
20. Гурлев, И. В. Взаимодействие полиции и корпуса жандармов в Российской империи / И. В. Гурлев // Власть. – 2017. – № 7. – С. 142–148.
21. Дивильковский, А. А. Архангелогородское сидение / А. А. Дивильковский // Вестник Европы. – 1911. – Кн. 9. – С. 231–262.
22. Димони, Т. М. Особенности деятельности полиции Архангельской губернии в условиях нарастания военной угрозы и в период Первой мировой войны / Т. М. Димони // Вестник Вологодского государственного университета. Серия Исторические и филологические науки. – 2019. – № 2 (13). – С. 12–16.
23. Лурье, Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649–1917 / Ф. М. Лурье. – Москва : ТЕРРА, 1998. – 352 с.
24. Невский, С. А. Уездная полицейская стража в России в начале XX в. / С. А. Невский, Е. А. Сычев, С. Ю. Можав // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. – № 4. – С. 342–346.
25. Перегудов, А. В. Уездная полицейская стража Воронежской губернии, формирование и взаимодействие с жандармским управлением / А. В. Перегудов, Л. В. Страхов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 17–22.
26. Плех, О. А. Земская полиция в северных губерниях Российской империи в первой половине XIX в.: численность и состав / О. А. Плех // Historia Provinciae – журнал региональной истории. – 2019. – № 1. – С. 15–52.
27. Тарасов, И. Т. Полиция в эпоху реформ / И. Т. Тарасов. – Москва : типография А. И. Мамонтова и Ко, 1885. – 160 с.
28. Трофименко, В. Г. Архангельское губернское жандармское управление в XIX – начале XX вв. / В. Г. Трофименко // История органов государственной безопасности на Севере России. – Архангельск : ОАО «ИПП «Правда Севера», 2014. – С. 9–17.
29. Фруменков, Г. Г. Декабристы на Севере / Г. Г. Фруменков, В. А. Волынская. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1986. – 222 с.
30. Frame, M. Concepts of Policing during the Russian Revolution, 1917–18 / M. Frame // Europe-Asia Studies. – 2016. – № 10. – P. 1654–1671.

A.D. Rezanov

INTERACTION BETWEEN GENDARMES AND POLICE OFFICERS IN ARKHANGELSK PROVINCE IN THE MID 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

The article considers the formation and development of Special Gendarme Corps in Arkhangelsk Province and interaction between its members and the civilian police. It touches upon both general areas of interaction in law enforcement, political investigation, interdepartmental correspondence, and problematic aspects. The main milestone in the history of these departments seems to be the reforms of Alexander II. Against the background of the general transformations of the police service in the 1860s on the one hand, and the expansion of the powers of gendarmes on the other, the aggravation in provincial interdepartmental relations becomes especially noticeable, which eventually attracts the metropolitan authorities' attention to the situation in the region. Later the antagonism decreases, and the overall system becomes stable. However, contradictions between the departments arise till 1917.

Arkhangelsk Province, Special Gendarme Corps, police, police chief, district police officers, police guards, political investigation.

*О.Н. Сувалов**Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь*

**ТРАКТОВКА ЭТНОГЕНЕЗА БЕЛОРУСОВ Н.И. ЕРМОЛОВИЧЕМ
В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
КОНЦА 60-Х – НАЧАЛА 80-Х ГГ. XX ВЕКА**

В статье рассматриваются подходы и взгляды на проблему происхождения и этническую историю белорусов одного из знаковых для белорусской историографии 60–80-х гг. XX века исследователей – Николая Ивановича Ермоловича. Анализируются основные концепции этногенеза белорусов того времени, методологические подходы к рассмотрению этой проблемы, позиции отдельных специалистов, а также влияние ненаучных факторов, таких как идеология и политическая конъюнктура, на научные исследования и опубликование результатов работы ученых.

Белорусы, этногенез, субстрат, историография, научная концепция, этнос, древнерусская народность, Н.И. Ермолович.

Период конца 60-х – 70-х гг. XX в. характеризуется рядом важных тенденций в изучении проблемы этногенеза белорусов в историографии БССР.

Первой и доминирующей выступала тенденция общего застоя в развитии исторической науки Беларуси в целом и исследования проблемы этногенеза белорусов в частности. При этом застой исторической науки не нужно понимать в варианте исключительно проблемы идеологического контроля и не всегда научной оценки событий прошлого только с позиций классовости и партийности. Застой проявлялся в отсутствии новых проблем в исторической науке (основной акцент сохранялся на изучении проблем классовой борьбы и роли различных социальных групп в строительстве коммунистического будущего, а также исследовании социально-экономических процессов в разные периоды времени); в отсутствии новых подходов к изучаемым проблемам (научные проекты в основном касались уточнения и дополнительного научного обоснования отдельных моментов «уже давно установленных и доказанных советской наукой» тем); в отсутствии новых теорий и живой научной дискуссии сторонников различных подходов к рассмотрению или решению определенных исторических проблем; в торможении или слабом развитии исторической науки в плане использования при проведении исследований результатов разработок каких-либо научных дисциплин, ранее не использовавшихся при построениях научных теорий, или обоснования авторских позиций.

Вторая, не менее существенная тенденция – кадровая проблема или проблема отсутствия научной преемственности в исторической науке Беларуси, отсутствия в БССР этого периода классических исторических школ. Массовые репрессии конца 20-х – 30-х гг. XX в., время Второй мировой войны и период так называемого брежневского застоя стали причиной указанных процессов в советской исторической науке Беларуси.

В этот период появляются исследования по истории исторической науки в России и Беларуси, издаются труды, посвященные выдающимся ученым, переиздаются некоторые дореволюционные исследования (например, отдельные труды автора первой научной концепции этногенеза белорусов, единственного российского дореволюционного академика из числа белорусов Е.Ф. Карского).

Ситуация с изучением проблемы этногенеза белорусов в конце 60-х – 70-х гг. XX в. в научном плане имела ту особенность, что она относилась к числу «решенных вопросов». В начале 50-х гг. XX века Институт истории Академии наук БССР развернул комплексное изучение проблемы происхождения белорусов. 1960-е и 1970-е годы ознаменовались публикацией довольно большого количества монографий и статей по этой тематике. Наиболее значимые публикации принадлежали таким ученым, как М.Я. Гринблат [1], Е.И. Корнейчик [8], В.В. Седов [13–15], В.А. Жучкевич [7, с. 107–113], Г.А. Хабургаев [20, с. 85–99]. Эти публикации наиболее ярко характеризуют процессы, происходившие в целом в советской исторической науке того времени.

Основное содержание опубликованных исследований (за исключением материалов Н.И. Ермоловича, В.В. Седова и некоторых других) сводилось к подтверждению позиций и подходов ведущих советских ученых, таких как Н.С. Державин [2], М.Н. Тихомиров [16, с. 19–26], П.Н. Третьяков [17, с. 108–118], В.В. Мавродин [9; 10], Б.А. Рыбаков [12] и др. [11]. Благодаря их вкладу в советскую историческую науку послевоенного периода закрепляется идея о древнерусской народности как этнической колыбели трех восточнославянских народов (великорусов, украинцев и белорусов) и вырабатывается схема основных этапов этнического развития славян Восточной Европы [16, с. 19–26; 11, с. 103]. Так, славяне большинством исследователей послевоенного периода рассматривались

как пришлый элемент на этой территории. Из-за дискуссионности проблемы точной локализации праславянской территории допускалась возможность включения некоторых частей Восточной Европы (в том числе, юго-запад современной Беларуси) в границы прародины славян. В указанный период отечественная наука признавала, что основная часть территорий Восточной Европы, где позже селились славяне, до их прихода принадлежала различным неславянским этносам. Таким образом, признавалось, что славяне пришли на указанные территории в результате их участия в так называемом «Великом переселении народов». Хронологически время прихода обозначалось довольно неопределенно, что логично объяснялось трудностью фиксации начала такого процесса, а также длительностью славянского проникновения и закрепления их на разных территориях Восточной Европы.

Исследования древних летописей (прежде всего списков «Повести временных лет») позволяло определить время проникновения славян на территорию Восточной Европы, время возникновения первых государственных образований у восточных славян, определить период существования древнерусской народности и начало формирования трех восточнославянских народностей – великорусов, украинцев и белорусов.

Признаками или обязательными атрибутами народности назывались общность территории, общность материальной и духовной культуры, национальное самосознание и общность языка. Трудность фиксации выше указанных признаков в раннефеодальное время (наличие прямых указаний в «Повести временных лет» на разницу в материальной культуре восточнославянских союзов племен и в их духовной традиции, использование в качестве общего литературного языка Восточной Европы южно-болгарского (солунского) диалекта болгарского языка, известного как церковнославянский или просто славянский язык и т.д.) приводила к различным трактовкам времени возникновения и периода существования древнерусской народности.

Окончательно не был решен и вопрос о степени этнического единства древнерусской народности. Наиболее распространенными были две позиции в решении этого вопроса. Первая рассматривала древнерусскую народность в качестве лишь исторической общности восточных славян. Данная позиция не требовала поиска наличия у восточных славян признаков этнического единства древнерусской народности. Вторая утверждала, что древнерусская народность – это собственно этническая колыбель великорусов, украинцев и белорусов, которая представляла собой единую общность. Указанная позиция должна была быть подкреплена доказательствами наличия единства в территории, материальной и духовной культуре, национальном самосознании и литературном языке.

Согласно господствующим в историографии БССР и СССР того времени взглядам, распад древнерусской народности стал результатом дальнейшего экономического и политического развития. Марксистская трактовка процессов исторического развития последовательно придерживалась постулата детерминированности политических явлений экономикой. Именно дальнейшее экономическое развитие фео-

дальных отношений и укрепление локальных рынков стало основанием изменения направлений политических и этнических процессов на территории Восточной Европы. Развитие этнических (как и языковых) процессов рассматривалось в направлении постепенного распада единого целого на более дробные составляющие: сначала единое славянство распадается на западных, восточных и южных славян; затем единое восточное славянство (древнерусская народность) – на русские (великорусов), украинцев и белорусов.

Процессы, происходящие в политической сфере, закрепляли начавшийся распад. Речь в данном случае шла о включении территорий бывшей Киевской Руси (в ее широком понимании) в состав различных политических образований: Золотой Орды (будущая Московская Русь) и Великого Княжества Литовского (ВКЛ), а позже Речи Посполитой обоих народов Короны Польской и Великого Княжества Литовского (в границах этих государственных полиэтнических образованиях сформировались белорусы и украинцы). Таким образом, именно внешнеполитический фактор (вхождение частей ранее единой древнерусской народности в ряд различных государств) привел к окончательному распаду единства указанной народности и поспособствовал возникновению хоть и близких между собой, но все же разных народностей – великорусов, украинцев и белорусов.

Важный аспект: сторонники трактовки древнерусской народности в качестве этнически единого образования стремились доказать, что разделение на новые этносы (народности) происходило не по прежним границам старых восточнославянских союзов племен. Признание распада по старым границам союзов племен стало бы косвенным доказательством отсутствия реального единства самой древнерусской народности, или, по крайней мере, отсутствия завершения в формировании ее единства. Поэтому отдельно подчеркивалось, что разделение происходило по диалектным и этнографическим зонам собственно самой древнерусской народности.

На фоне вышеуказанных позиций, взглядов и тенденций развития исторической науки становится более понятным место и значение исследований Н.И. Ермоловича [3–6].

Николай Иванович Ермолович стал автором оригинальной концепции возникновения Великого Княжества Литовского, центром образования которого была так называемая «летописная Литва», или «Литва Миндовга». Первая публикация автора, имеющая непосредственное отношение к проблеме этногенеза белорусов, появилась в 1969 г. и была посвящена локализации первичного центра возникновения ВКЛ («летописной Литвы», или «Литвы Миндовга»). На основе собственного анализа доступных письменных источников исследователь пришел к выводу, что территории, с которых началось образование и формирование ВКЛ, находились не в границах современной Литвы (на то время Литовской Советской Социалистической Республики), а на западе Беларуси с центром в г. Новогрудке (Новгородке) [6, с. 233–238].

В связи с этим Н.И. Ермолович предлагал переосмыслить и существующие на то время подходы к вопросу славянского заселения территории Беларуси.

Исследователь, проанализировав письменные источники (речь идет, прежде всего, о восточнославянских летописях), пришел к ряду выводов, имеющих прямое отношение к проблеме этногенеза белорусов.

Первый из выводов поддерживал позиции ученых, которые не считали славян автохтонным населением Восточной Европы. До прихода славян примерно тысячу лет на территории Беларуси проживали балты – население, родственное современным литовцам, латышам и древним пруссам. В советской исторической науке с послевоенного времени бытовали представления, согласно которым славяне в своем движении вытеснили балтов с территорий Восточной Европы (собственно говоря, с территории современной Беларуси и близ лежащих к ней земель). Регион юго-запада современной Беларуси (Брестская область к западу от реки Горынь) рассматривался, как правило, как часть территорий, на которых проходил этногенез славян.

Второй, он же основной вывод Н.И. Ермоловича, напрямую связывал этногенез белорусов с местным дославянским балтским населением. Белорусы, по его мнению, – это результат взаимодействия славянского и балтского населения. При том, что современные белорусы отождествляют себя со славянами, Н.И. Ермолович не был окончательно убежден в господстве именно славянского элемента в этногенезе белорусов. Последние «скорее всего являются не сбалтизированными славянами, а славянизированными балтами» [3, с. 46].

По его утверждению, по крайней мере до XIII в. на территории Беларуси (особенно это было заметно на ее западе) имелись еще довольно большие островки с доминирующим балтским населением, которое пока не было окончательно ассимилировано пришлыми славянами. На основе территорий этих балтов, которые только в более поздние времена были ассимилированы славянами и стали составляющей частью белорусов, и начинается формирование ВКЛ («летописной Литвы», или «Литвы Миндовга»).

С научной точки зрения в признании Н.И. Ермоловичем участия балтского населения в этногенезе белорусов не было ничего сверх революционного или прорывного. Предположения об участии неславянского, в том числе балтского, элемента в этногенезе восточнославянского населения выказывались и ранее. Реакция на публикации Н.И. Ермоловича, в том числе ситуация с подготовкой, а затем запретом научной конференции 1973 г., посвященной проблеме этногенеза белорусов, – это реакция, прежде всего, не научных кругов Беларуси, а тогдашней советской и партийной номенклатуры республики (в лице фактического руководителя БССР того времени П.М. Машерова). Партийная номенклатура увидела во взглядах Н.И. Ермоловича идеологически опасную интерпретацию исторического прошлого белорусского народа – интерпретацию, при которой белорусы якобы отделялись от братских русских (великорусов) и украинцев. Признание участия балтов в этногенезе белорусов подвергало сомнению факт существования древнерусской народности как общей колыбели трех восточнославянских народов. Подтверждением этому тезису является запрет упомянутой конференции 1973 года, по-

скольку значительное количество публикуемых тезисов подтверждало правоту взглядов Н.И. Ермоловича. И это при том, что сами авторы опубликованных к началу конференции тезисов не намеревались предлагать что-то революционное. Их тезисы просто отражали тогдашний уровень достижений отечественных археологии, антропологии, истории и других смежных дисциплин без привязки к выводам Н.И. Ермоловича. Тем не менее, конференцию запретили, а уже изданные тезисы изъяли и около 20-ти лет они были недоступны для научного мира.

Положительной тенденцией развития советской исторической науки послевоенного периода стало более широкое использование результатов исследований археологов при построении этногенетических гипотез и концепций. Например, археологические исследования московского археолога В.В. Седова использовались при выяснении направлений славянского заселения территории Прибалтики, в частности бассейна Западной Двины. Помимо археологических данных при рассмотрении проблемы этногенеза белорусов начали использовать результаты краниологических и антропологических исследований. Менее широко в то время, но все же использовались и материалы по остиометрии.

Таким образом, развитие исследований по проблеме этногенеза белорусов в рассматриваемый период характеризовалось следующими тенденциями и явлениями. Во-первых, расширение научной базы традиционных исследований. Постепенный, замедленный, но все же выход этногенетических исследований на уровень монографического осмысления и обобщения после упадка времен революции, гражданской войны, советско-польской войны, сталинских репрессий и периода Второй мировой войны.

Во-вторых, привлечение к рассмотрению проблемы данных научных дисциплин, прежде всего, таких как археология и антропология.

В-третьих, особенностью не только этого периода, но и всего времени развития историографии Беларуси периода БССР является неиспользование (на уровне полного игнорирования) научных исследований ученых белорусского зарубежья (П. Урбан [19] и др.) по проблеме этногенеза белорусов. Последнее было связано с исключительно идеологической и политической составляющими, а не с уровнем научной ценности зарубежных исследований.

Сохранялись традиционные для советской исторической науки методы исследования на основе принципов историзма, классовости и партийности. Выход за пределы указанной методологии для советского исследователя приводил к идеологическому обвинению отдельных авторов в несоветскости или низкопоклонстве перед буржуазным Западом. Репрессий уровня периода правления И.В. Сталина уже не было, но потеря возможности публикаций выступала достаточным стимулом придерживаться ранее установленных канонов, не рассматривать и даже не затрагивать неудобные темы, не стремиться пересматривать «давно решенные вопросы».

Н.И. Ермолович, не являясь дипломированным историком, сумел профессионально разработать соб-

ственную концепцию происхождения ВКЛ («Литвы Миндовга») на территории Западной Беларуси с центром в г. Новогрудке (Новгородке). Параллельно исследователь дал свою трактовку процессу этногенеза белорусов. Суть ее: белорусы – это результат балто-славянской миксации, более поздней ассимиляции пришлыми славянами балтского автохтонного населения. Исследователь предполагал, что количественно балты составили большинство предков белорусов по сравнению с пришлыми славянами. Славянские предки белорусов – кривичи, дреговичи (драговичи), радимичи и частично иные славянские племена – вошли в состав белорусского этноса, минуя этап древнерусской народности. Игнорирование древнерусской народности как общей этнической колыбели трех восточнославянских народов (великорусов, украинцев и белорусов) стало главной причиной возникновения претензий к ученому как со стороны сторонников официальной историографии, так и со стороны советских и партийных структур Беларуси. Последние видели во взглядах Н.И. Ермоловича подрыв идеологического обоснования формирования новой исторической общности – «советского народа».

Попытки пересмотра существующих схем, совершенные Н.И. Ермоловичем, В.В. Седовым и др., приводили ученых к необходимости ревизии не только господствующих концепций этногенеза и этнической истории белорусов, но и к переоценке взглядов предшественников, в том числе и ученых белорусского зарубежья.

Литература

1. Гринблат, М. Я. Белорусы: очерки происхождения и этнической истории / М. Я. Гринблат. – Минск : Наука и техника, 1968. – 287 с.
2. Державин, Н. С. Происхождение русского народа: великорусского, украинского, белорусского. Славяне в древности / Н. С. Державин. – Москва ; Минск : Русская Правда, 2010. – 320 с.
3. Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мінск : Беллітфонд, 2000. – 448 с.
4. Ермаловіч, М. Па слядах аднаго міфа / М. Ермаловіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 94 с.
5. Ермаловіч, М. І. Старажытная Беларусь: Полацкі і Навагародскі перыяды / М. І. Ермаловіч. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 366 с.
6. Ермолович, Н. И. Где была летописная Литва? / Н. И. Ермолович // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. – Минск, 1969. – С. 233–238.
7. Жучкевич, В. А. К вопросу о балтийском субстрате в этногенезе белорусов / В. А. Жучкевич // Советская этнография. – 1968. – № 1. – С. 107–113.
8. Карнейчык, Я. І. Беларуская нацыя: гіст. нарыс / Я. І. Карнейчык. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 309 с.
9. Мавродин, В. В. Древняя Русь : происхождение русского народа и образование Киевского государства / В. В. Мавродин. – Москва : ОГИЗ. Госполитиздат, 1946. – 312, [24] с.
10. Мавродин, В. В. Образование русского национального государства / В. В. Мавродин. – 2-е изд. – Москва : ОГИЗ. Госполитиздат, 1941. – 208 с.
11. Народы Европейской части СССР : в 2 томах / Академия наук СССР ; Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая ; под редакцией В. А. Александрова [и др.]. – Москва : Наука, 1964. – Т. 1. – 984 с.
12. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1982. – 590 с.
13. Седов, В. В. О происхождении белорусов / В. В. Седов // Древности Белоруссии : материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий / Академия наук БССР, Отделение общественных наук, Институт истории ; под редакцией В. Ф. Исаенко [и др.]. – Минск, 1966. – С. 301–309.
14. Седов, В. В. К происхождению белорусов (проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов) / В. В. Седов // Советская этнография. – 1967. – № 2. – С. 112–129.
15. Седов, В. В. Еще раз о происхождении белорусов / В. В. Седов // Советская этнография. – 1969. – № 1. – С. 105–121.
16. Тихомиров, М. Н. Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов / М. Н. Тихомиров // Вопросы истории. – 1954. – № 6. – С. 19–26.
17. Третьяков, П. Н. Восточные славяне и балтский субстрат / П. Н. Третьяков // Советская этнография. – 1967. – № 4. – С. 108–118.
18. Третьяков, П. Н. У истоков древнерусской народности / П. Н. Третьяков. – Ленинград : Наука, 1970. – 160 с.
19. Урбан, П. Да пытання этнічнай прыналежнасці старажытных ліцьвіноў / П. Урбан. – Мінск : Бацькаўшчына, 1994. – 107 с.
20. Хабургаев, Г. А. Этнический состав Древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей (логические и лингвистические замечания к обсуждению «первопричины» образования белорусской народности) / Г. А. Хабургаев // Совет. этнография. – 1972. – № 1. – С. 85–99.
21. Этногенез белорусов : тезисы докладов на научной конференции (Минск, 3–6 декабря 1973 г.) / АН БССР, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора. – Минск, 1973. – 243 с.

O.N. Suvalov

N.I. YERMOLOVICH'S INTERPRETATION OF ETHNOGENESIS OF BELARUSIANS IN THE CONTEXT OF SOVIET HISTORIOGRAPHY IN THE LATE 60S –EARLY 80S OF THE 20TH CENTURY

The article deals with the approaches and views on the origin and ethnic history of Belarusians by Nikolai Ivanovich Ermolovich, an outstanding scholar in Belarusian historiography of the 60s–80s of the 20th century. The article considers the main concepts of ethnogenesis of Belarusians of that time, methodological approaches to the topic, and the views of the specialists. It also takes into consideration the influence of non-scientific factors, such as ideology and political conjuncture, on scientific researches and publication of their results.

Belarusians, ethnogenesis, substratum, historiography, scientific concept, ethnos, ancient Russian nationality, N.I. Ermolovich.

А.С. Столетова

*Вологодский государственный университет,
Вологодская государственная молочнохозяйственная
академия им. Н.В. Верещагина
Северо-Западный институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ОТ СТАНКА К ПИСАТЕЛЬСКОМУ СТОЛУ: О ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ ПОЭТА А.А. СУХАРЕВА

В статье показано, как рабочий завода Аркадий Алексеевич Сухарев приобщился к литературному труду в 1920-е гг., стал издавать поэтические произведения и был включен в члены Союза Писателей в 1930-е гг., а также развил производственную тематику творчества на вологодской земле в 1950–1960-е гг. Исследователь приходит к выводу, что, несмотря на лагерное прошлое, поэт занимал довольно значимое положение в рядах Вологодской писательской организации. Автор являлся знатоком множества рабочих специальностей, ввиду чего активно чествовал тружеников народного хозяйства.

А.А. Сухарев, Вологодская писательская организация, рабочая повседневность, производственный социум, советский образ жизни, ментальность.

Вологодчина считается родиной родоначальников и лидеров художественного направления «деревенская проза», связанного с описанием сельского мира, его традиционных ценностей, семейного быта, исторической памяти. Однако жизнь северян, шагающих со всей страной в индустриальное будущее, давала литераторам иные темы и конфликты [11]. В 1930-е гг. началось строительство Вологодского станкозавода. В послевоенное время начал работу Вологодский машиностроительный завод. В начале 1960-х гг. продолжал расширяться Череповецкий металлургический гигант, новые цехи вырастали на льнокомбинате, строились шлюзы Волго-Балта. В конце 1960-х гг. в Вологде велось строительство Государственного подшипникового завода. В 1968 г. был основан завод «Электротехмаш» и т.д. Кроме того, в области работало множество предприятий лесопромышленного комплекса, а также фабрики и заводы легкой и пищевой индустрии. Поэтому наряду с разработкой тем, посвященных жизни деревни, региональные писатели освещали деятельность работников предприятий, рабочих промышленности. Тема рабочего класса зазвучала в поэзии П. Кустова, И. Тихонова, А. Сухарева, В. Коротаяева. Образ молодого современника – строителя и металлурга – волновал череповчан, в частности писателей В. Богданова и И. Бодренкова¹. Первые стихи появились у токаря металлургического завода В. Козлова и шихтовщика мартеновского цеха Э. Смирнова. Рабочий А. Ивлев опубликовал очерки об искателях и новаторах [3]. Автором поэтической книжки «Азимут» являлся рабочий вологодского паровозового ремонтного завода Г. Крутов². В конце 1960-х гг. в Москве готовился к печати сборник его стихов «Кладка»³ [16]. Однако настоящим певцом рабочего

класса считался А.А. Сухарев. Поэтому рассмотрение деятельности и творчества этого писателя считаем важной составляющей в деле изучения производственной среды XX столетия (стереотипов сознания, стимулов и стратегий общественного поведения, повседневных представлений, мировоззрения), а также идейных замыслов произведений, идеологических задач и литературной критики. В стороне остается вопрос общественного восприятия и мнения о производственном эпосе. Данная проблема будет значиться в числе последующих задач при организации научно-го поиска.

О детстве А.А. Сухарева (1912–1978) известны немногие факты: сын сельской учительницы Прасковьи Александровны и солдата Алексея Ивановича⁴. Родился 3 ноября 1912 г. в деревне Шитово Вороновской волости Подольского уезда (ныне – Московская область, г. Подольск) [8; 15, с. 232].

Творческий путь Аркадия Алексеевича Сухарева начался в конце 1920-х гг., когда, работая токарем по металлу на Подольском крекинго-электровозостроительном заводе (КЭС)⁵, он пробовал себя в качестве поэта. Первые его стихи появились в 1927 г. [9, с. 2]. Автор печатался в многотиражке завода ПМЗ им. М.И. Калинина «Наша правда», многотиражке Подольского машиностроительного завода им. Орджоникидзе «КЭСовец»⁶ и районной газете «Подольский рабо-

¹ Бодренков И.М. Искры не гаснут: Повесть. Вологда: Книжное издательство, 1964. 224 с.

² Крутов Г.В. Азимут: [стихи]. Вологда: Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение, 1964. 63] с.

³ Крутов Г.В. Кладка: стихи. Москва: Молодая гвардия, 1967. 64 с.

⁴ В статье И. Полуянова – Отец Сухарева значится как участник II исторического съезда Советов, провозгласившего Советскую власть; в статье сына поэта (Сухарев А. Поэзией призванный: к 100-летию со дня рождения Аркадия Сухарева // Вологодский ЛАД: литературно-художественный журнал. Вологда, 2013. № 1 (26). С. 232) – съезд обозначен, как XI Всероссийский съезд Советов.

⁵ 8 апреля 1939 г. Подольскому крекинго-электровозостроительному заводу было присвоено имя наркома тяжелой промышленности Григория Константиновича Орджоникидзе (1886–1937), он стал называться Подольский крекинго-электровозостроительный завод им. Орджоникидзе; с 1945 г. – Машиностроительный завод им. Орджоникидзе (ЗИО).

⁶ Впоследствии – «Знамя стахановца», «Знамя труда».

чий». В 1929 г., в гремящее время напряженных строительных будней, вышел коллективный сборник стихов молодых рабочих поэтов «За новую жизнь» (Подольск, 1929 г.), в котором А. Сухарев был представлен значительной подборкой стихов. Было ясно, как позднее писал писатель И. Полуянов, в литературу входит своеобразный талант. Поэт важнейшей для того времени – темы рабочего класса, романтики заводского труда, пафоса рабочих будней, ежедневного героизма людей. В творческие командировки для встреч со своими героями поэту ездить было не нужно. Стихия большого коллективного труда и ритм станков ложились в стихи. Суровая жизнь с перловой кашей в рабочей столовке и тесными бараками общежития, Турксиб, Днепрогрэс, Магнитка, новые города на месте пустырей и трактор, запахивающий одиноличные межи, – время, ставшее поэзией и романтикой для многих поколений [8].

Аркадий Алексеевич Сухарев

А. Сухарев являлся организатором литературного объединения «Мотор» при заводском клубе им. Лепсе в Подольске. Он ставил себе задачу: «Хочу объединить творческую молодежь ПМЗ, пароремонтного (впоследствии – завод им. С. Орджоникидзе), афинерного, цементного» [5]. Уже в тот период становления А. Сухарева критик Михаил Беккер, заметив самобытный талант, восхищался его стихами и пророчил поэту блестящее будущее. «Какая прелесть! Какая свежесть! А ведь это рабочий парень с семилетним образованием. Послушайте его эпиграмму заводу швейных машин, не выполняющему производственно-финансовый план⁷:

Он встал предо мной, расточающий рокот,
Струящий по трубам потоки тепла,
Горячим кошмаром, гигантским упреком,
Завод, недовыполнивший промфинплан... [5].

Кроме М. Беккера на литзанятия из Москвы приезжали поэты Маргарита Алигер и Василий Казин. Они одобрительно отзывались о творчестве А. Сухарева. Так, В. Казин после чтения Аркадием Сухаревым стиха «Две песни» отмечал: «Да ты, брат,

и меня, старика перещеголял» [6]. Дело в том, что творчество юного писателя отвечало времени. В заводской многотиражке «Наша правда» автор чаще всего обращался к заводской комсомолки, гордился передовиками-энтузиастами и рвался вперед:

И безусый, а «батеи» прозван.
Не пришлось ему слышать залпа...
На лесах загорел до бронзы,
Даже звонкий – на пьедестал бы!
Побратался с рабочей кельмой,
А в ресницах родство хранится
С нашим небом крупнопанельным... [5].

Совместно с А. Сурковым А. Сухарев участвовал в движении «Ударники в литературу», даровитая молодежь (Я. Смеляков, В. Ручьев, С. Поделков, С. Васильев – вместе с которыми состояли в литобъединениях «Напостовская смена», «Новая кузница» [7, с. 344]) шла от станка к писательскому столу. Это певцы поколения, о котором сам А. Сухарев писал: «Мы идущие в жизнь напролом, не гладкой дорожкой» [12]. В стихотворении «Гвозди», 1932 года издания, автор демонстрировал нормы поведения людей, намекая на необходимость установления и развития новых форм и фундамента общественной жизни («советского образа жизни»). Герой уносит из цеха десяток гвоздей для починки стола (т.е. на личные нужды):

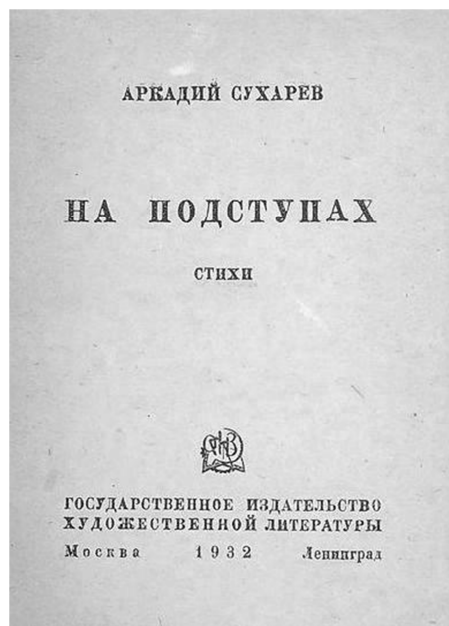
А после
я мерил шагами жилплощадь,
И следом за мною ходила тоска,
Потом из стола в полумраке, на ощупь,
Я гвозди клещами, как зубы, таскал,
Чтоб нашему цеху, гудящему мощно,
В нелегкой работе на благо людей,
Дымящему трубами денно и мощно,
Обратно отдать эти десять гвоздей [12].

В начале 1930-х гг. стихи и очерки А. Сухарева публиковали центральные журналы «Октябрь», «Огонек», «Смена», «Рост» и др. «Рост», по данным П. Кокошкина, вывел А. Сухарева на всесоюзную арену [6]. А.А. Сухарев был избран делегатом съезда Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), а с 1931 г. – стал членом этой организации. В 1932 г. в Москве, в Государственном издательстве художественной литературы вышел первый значительный сборник стихов. Книга «На подступах»⁸ была проникнута энтузиазмом строителей первой пятилетки [9]. За год до выхода данного издания, внимание ведущего критика той поры А. Селивановского привлекла поэма А. Сухарева «Класс и право на смерть» (статья о которой опубликована в журнале «Рост», № 7). Аркадий Алексеевич запечатлел особенности героики времени, заключавшиеся не только в размахе индустриализации, но в первую очередь в том, что рабочий класс закладывал фундамент новой нравственности, отношения к труду как к потребности [18]. Интересно, что автор погружался в глубины ста-

⁷ Из стихотворения «Гвозди», 1932 г. Очевидно имеется в виду – Подольский механический завод (ПМЗ) имени М.И. Калинина.

⁸ Сухарев А. На подступах: стихи. Москва; Ленинград : ОГИЗ, 1932. 47 с.

новления производственного уклада. В 1933 г. он опубликовал книгу «Лахен под Москвой» по истории подольского завода «Зингер»⁹ (корректурой руководил М. Горький) [15, с. 233].

Сухарев А. А. На подступах : Стихи. Москва : ГИХЛ, 1932. 47 с.

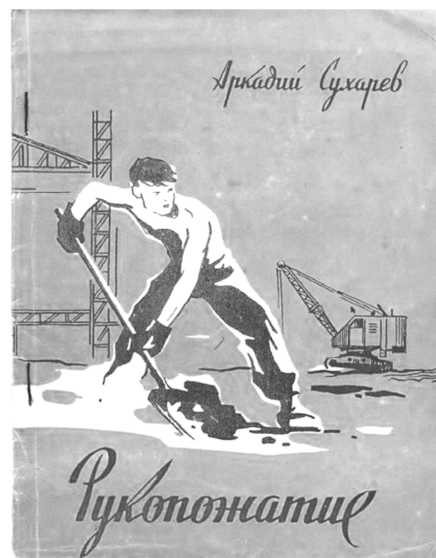
В 1934 г. Аркадий Сухарев был принят в члены Союза Писателей СССР. В тот период поэт трудился в должности секретаря в редакции газеты Московской окружной железной дороги «Сигнал». В том же году по клеветническому доносу в день убийства С.М. Кирова был осужден¹⁰, после чего провел в заключении 8 лет. В Вологде находился в ссылке в 1939–1942 гг. Как вспоминал поэт Б. Чулков, А. Сухарев «Никогда не вспоминал, не говорил о своем лагерном прошлом. Видимо, опасался... Читая и перечитывая его книги, сознаешь и прозреваешь, что кое-что в них было порождено лагерным трудом и бытом, только тогда нельзя было назвать это своими именами» [17]. Будучи ссылкой, А. Сухарев работал главным бухгалтером, затем директором Вологодской областной конторы «Главвторчермет», а впоследствии зеркальщиком, часовщиком, механиком стройтреста, инженером проектной группы, инженером-конструктором мебели на Вологодской мебельной фабрике. В 1950-х гг. Аркадий Алексеевич занимал должность главного механика треста «Вологдастрой». Специфика многих рабочих специальностей, богатейшая трудовая биография и рабочая повседневность выливалась в стихи. Тому способствовал XX съезд КПСС (февраль 1956 г.) и литературная «оттепель». А. Сухарев перешел на работу литсотрудника в районную газету «Маяк», в которой вел отдел местного радиовещания [15, с. 233].

⁹ Подольский механический завод им. М. И. Калинина.

¹⁰ ГАРФ. Архивно-следственное дело. П-69236. Есть версия, что осужден по делу о подготовке теракта против Ягоды. Об этом подробнее: Палладин А.И. Зарубки на сердце (глава «Литературное ученичество»).

С Вологдой связана значимая веха жизненного пути А.А. Сухарева. Именно здесь поэт написал большинство своих произведений. В 1950 – начале 1970-х гг. автор публиковался в газетах «Красный Север», «Вологодский комсомолец», «Знамя труда», «Правда Севера», «Литературная газета», «Ленинградская правда», «Литература и жизнь», а также в альманахе «Литературная Вологда», сборниках «День поэзии Севера», журналах «Север», «Москва», «Нева». Аркадий Алексеевич являлся одним из первых членов Вологодской писательской организации (1961 г.), до образования которой от действующего литобъединения посетил в 1958 г. республиканский семинар поэзии в Смоленске. Мероприятие вели опытные Я. Смеляков, М. Дудин, С. Орлов и др. Встреча завершилась публикацией коллективного поэтического сборника, в котором представлено и имя А. Сухарева [2, с. 375].

Наставник вологодской литературной школы А.Я. Яшин отзывался о поэте следующим образом: «И, хотя А. Сухарев пишет, что ему жаль “годившийся на дело, но зря сгоревший в юности металл”¹¹, мне кажется, металл не сгорел, а только закалился и стал еще прочнее» [9]. Так Александр Яшин отметил литературную активность автора. В 1960 г. был издан авторский сборник «Опять весна», а затем в Вологде и Архангельске вышли в свет книги стихов «Рукопожатие»¹² (1960), «Пульс»¹³ (1962), «Новоселье»¹⁴ (1967), «Березовый сок»¹⁵ (1972). Аркадий Сухарев остался верен теме рабочего заводского человека. Он писал о стройке Волго-Балта, о рабочих, роющих котлован, о ткацком челноке, знаменитых вологодских кружевницах, о каменщиках, токарях, механиках, электриках, гидрологах, крановщиках, мостостроителях и т.д. [8; 18].

Сухарев А.А. Рукопожатие: стихи. Вологда: Книжное издательство, 1960. 31 с.

¹¹ Имеется в виду стихотворение А. Сухарева «На закате».

¹² Сухарев А.А. Рукопожатие: стихи. Вологда: Книжное издательство, 1960. 31 с.

¹³ Сухарев А.А. Пульс: Стихи. Вологда: Кн. изд-во, 1962. 95 с.

¹⁴ Сухарев А.А. Новоселье: Стихи. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967. 79 с.

¹⁵ Сухарев А.А. Березовый сок: [стихи]. Вологда: Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение, 1972. 64 с.

В 1960 г. А.А. Сухарев был принят (восстановлен) в члены Союза писателей, в 1963 г. реабилитирован полностью, а впоследствии утвержден уполномоченным Литфонда СП СССР по Вологодской области. Известен писатель не только стихами, из-под его пера выходили также очерки, поэмы, рассказы. К примеру, в 1959 г. в «Литературной Вологде» (1959. № 5) был опубликован рассказ «Выговор»¹⁶, в 1960 г. в «Вологодском комсомольце» часть поэмы «Землекопы»¹⁷, а в «Красном Севере» в 1963 г. – очерк «Деревенская улица». Типичной чертой творчества Аркадия Сухарева являлся анализ производственной составляющей, что несколько отличало от прозы коренных писателей-вологжан, склонявшихся к описанию быта, колхозной действительности, традиций деревни и судеб ее жителей. Проза и поэзия А. Сухарева демонстрирует динамизм, решительность, предприимчивость, инициативность, которую автор видел в обычных людях. Так, иллюстрируя трудовой день, писатель акцентировал внимание на неутомимой деятельности тружеников и рабочих: «Солнце над Чушевицами встало из-за лесистого холма... в бывшей церкви, где теперь межколхозная тракторная мастерская... замурылькали тракторные дизели. Здесь ремонтировали машины для соседнего колхоза... Здесь спать ложатся рано, и к вечеру улица быстро стихает. Светятся окна в клубе и у кружевниц, стучит движок, а на улице в сумерки – ни души, кругом на десятки верст тихо-тихо. Потом гаснет свет и по улице последним проходит моторист электростанции. В 12 часов ночи он глушит движок и идет по сугробам в полной темноте»¹⁸.

Талант писателя и его вклад в развитие литературы признавали многие воложане. Л. Владимиров отмечал, что А. Сухарев умел видеть великое в будничных днях, умел бороться за новое средствами художественного слова [9]. Б. Чулков вспоминал, что «А.А. Сухареву не было и пятидесяти, но мы [вологодские писатели] смотрели на него как на патриарха. Однако жил он тогда в деревянном доме на улице Калинина¹⁹ в тесной квартирке на первом этаже, жил с семьей, бедно, скромно, достатки были не ахти какие» [17]. Отметил А. Сухарева и литературный критик В.В. Гура. В заметке от 1961 г. он высказался о необходимости авторского поиска художественных форм, но и выделял Аркадия Алексеевича за поднятие тем рабочей гордости и радости переделки мира [4].

Примечательно, что Василий Иванович Белов высоко ценил поэтический дар Аркадия Алексеевича. В 1968 г. он посвятил Сухареву стихотворение:

Аркадий, добрый Друг Аркадий,
Твой умный взгляд в душе ношу,
И ты прости мне, бога ради,
Что так порывисто дышу:
Уже давно бурлит желанье
Всю душу выплеснуть до дна,

¹⁶ Сухарев А. Выговор // Литературная Вологда. 1959. № 5. С. 72–80.

¹⁷ Сухарев А. Песни на берегу (Глава из поэмы «Землекопы») // Вологодский комсомолец. 1960. 24 мая. С. 4.

¹⁸ Сухарев А. Деревенская улица (Очерк) // Красный Север. 1963. 29 декабря. С. 4.

¹⁹ Ныне ул. Зосимовская.

Так удостою меня вниманьем
За чаркой светлого вина.
Пусть будет возглас одобренья
Иль сокрушительный разнос,
Раскрою честно точку зренья
На «поэтический вопрос»²⁰.

Поэт А. Романов, анализируя творчество А. Сухарева и тематику будничной героики индустрии, писал: «Надо уметь слушать металл, чувствовать биение рабочих сердец, видеть красоту кирпича и железобетона. Строительная романтика первых пятилеток, взволновавшая его когда-то, на всю жизнь осталась в нем... В строках, завинченных крепко, как гайки, слышится гул цехов, “звон калиброванной стали”, доносятся голоса из далеких общежитий, где “вечером валенки сушит жена на теплых локтях батареи”, вспыхивают кумачовые краски знамен» [10]. Еще мощнее технологический гул звучал в стихах «У плотины», «О счастье», «Подкова», «Землекопы», «На закате», «Болотная ягода». Характерно, что на природу автор смотрел также глазами рабочего. Закат он сравнивал с ярким разливом горячего сплава, в котором “все металлы, и найдешь любой – их недогрели чуть и не смешали, и каждый остывает сам собой...” (Там же).

А.Н. Макаров отзывался об А. Сухареве как личности, сердечно привязанной к токарям, арматурщикам, строителям, землекопам, лесорубам, пилостам, грабарям, бутоломам и труду, трансформирующему жизнь, его моральному содержанию. Поэт стремился распознать характеры людей в их сложности, психологию трудовой среды. Так, в поэме «Любовь бригадира»²¹ главный герой предстает перед читателем как бескорыстный человек, самоотверженно относящийся к труду, и, напротив, у его соперника проявлялась корыстная, несовестливая, потребительская позиция. При этом производственная деталь становилась рабочей деталью стиха, что в свою очередь формировало особое «индустриальное видение» [7, с. 346–348]. Описание процесса работы давало читателю «чувствование» обыденности жизни рабочего человека, героического образа патриота и творца, с широким жизненным кругозором. Человек открывался как коллективист с твердым характером, передающим традиции потомственных мастеров из поколения в поколение [1].

Нельзя не отметить, что в газетных и архивных материалах можно встретить критические замечания касательно творчества, общественного поведения и культурно-массовой деятельности А. Сухарева²². На этих моментах специально останавливаться мы не будем и не ставим целью выяснение характера данных сообщений. Читатель может ознакомиться с ними самостоятельно, тем самым продолжив изучение сложностей творческой судьбы автора.

²⁰ Об этом в книге: Палладин А.И. Зарубки на сердце (глава «Памяти Аркадия Алексеевича Сухарева»).

²¹ Сухарев А. Любовь бригадира (Отрывок из поэмы) // Вологодский комсомолец. 1960. 24 декабря. С. 3.

²² См.: РГАЛИ. Ф. 2938. Оп. 2. Д. 538. Л. 9; Савинов Е. Возвращение весны (заметки о стихах А. Сухарева) // Красный Север. 1960. 9 октября. С. 2; Рассохин В.П., Чухина Н.В., Калягина А.Ф., Удальцова Т.М. Кто же к нам приезжал? (Письмо в редакцию) // Красный Север. 1967. 7 марта. С. 3.

В канун 60-летнего юбилея, в 1972 г., А. Сухарев был болен – в результате инсульта прикован к постели [8]. В 1978 г., на 66-м году жизни, поэт скончался. Осталась незаконченной его поэма о соратнике В.И. Ленина – Иване Бабушкине. Обратим внимание на тот факт, что на протяжении всего творческого пути сообразно времени писатель не раз обращался к образу Ильича (стихи «О Ленине»²³, «Костер»²⁴, «Под кумачом»²⁵ и др.). Но главным сюжетом множества хвалебных произведений А.А. Сухарева оставалась тема рабочей повседневности. Приведем в пример стихотворение, в котором отражено бодрое, энергичное настроение автора, его поэтическое кредо:

Если я ослабел и в поход не готов,
если бодрость ушла на градус,
пусть придут комсомольцы двадцатых годов,
пусть придут комсомольцы тридцатых годов
мне на память, на помощь, на радость.
Допускаю, что это не нужно иным,
но овеваны дымной грозью,
пусть пройдут строевым комсомольцы войны,
побратимы Олега и Зои.
Сапогами затопчут лоскутья огня
пехотинцы, танкисты, матросы,
и, быть может, заметит, окликнет меня
рядовой комсомола Матросов.
Он у нас и теперь на переднем краю,
хоть у сердца сочится сквозная.
И тогда я найду свое место в строю,
это место пустует, я знаю... [5].

В завершение сказанного обозначим строки поэта, свидетельствующие о его глубокой привязанности к представителям рабочего класса.

...Да, я люблю их, мастеров
И подмастерьев будней.
Им нитку дергать в челноки,
Мозоли рвать о черенки
И заливать опоки,
А мне писать черновики.
Черновики эпохи...

Деятельность рабочих, ее напряжение, нагрузка и созидание, вехи рядовых жизненных траекторий прославлены в наследии Аркадия Алексеевича Сухарева. Прав и точен был уже упоминаемый нами советский критик А.Н. Макаров, определявший суть творчества А. Сухарева в трактовке труда, перестраивающего жизнь, как насущной необходимости и основе благородного поведения рядовых рабочих, образы которых он окружал глубоким поэтическим сочувствием [18]. И недаром А. Романов обозначал, что у А. Сухарева есть свой читатель, прошедший, как и поэт, суровую школу жизни [10]. Без всякого сомнения, писатель внес определенный вклад в эмоционально-психологическое самочувствие и тонус населения России, его

мировоззренчество и мировосприятие, складывание поведенческих характеристик и практик. Многие черты мировидения параллельно установлению (благодаря социально-экономическим процессам) будут испытывать слом, преломление, трансформационные колебания и, наконец, предопределят качественный сдвиг общественного сознания конца 1980-х – начала 1990-х гг. [13; 14]. Но Аркадий Алексеевич останется человеком своего времени и поколения, с присущими ему установками, взглядами и стремлениями.

Обратим внимание на то, что А. Сухарев восславлял такие качества и социально-психологические характеристики личности, как разносторонность, техническая грамотность, выдержка, подвижничество и увлеченность профессией. Он создавал мужественный образ патриота, для которого рабочее мастерство являлось потребностью, а коллективизм данностью. Особым маркером лирики Аркадия Сухарева являлась любовь к Родине, свойства которой раскрыты перед читателем в стихотворении «Березовый сок»:

Обгону по пути телеги,
и откуда возьмется мысль:
где-то бродят здесь
печенег –
не прокис ли у них кумыс?
Где-то половцы
здесь кружили –
чуть надломленная бровь,
припадут к рассеченной жиле
и сосут жеребьячью кровь...
Я не так
утоляю жажду.
Я, немного наискосок,
бересту надрезаю дважды
и глотаю весенний сок.
Штапель клетчатый свой
залью я,
захлебнусь
и прильну опять.
И сочнее нет поцелуя,
молчаливого поцелуя,
губы в губы
Россию – мать²⁶.

Безусловно, литературные сочинения, соответствующие идеологической заданности и гармонизированные с социалистической концепцией устройства общества, поддерживались государством. Укрепление трудовой дисциплины и мотивации к труду – одна из задач, поставленная властью перед всеми общественными организациями и хозяйственными руководителями, в т.ч. и литераторами. Осознание рабочего ритма, вызревшего из крестьянского сознания, обмен передовым опытом, движение ударников, коммунарный образ жизни, коммунистический характер и пролетарская совесть, базирующиеся на идее не только о пользе, но и радости от рабочей деятельности, стали основой выстраиваемой культуры производства. А. Сухарев, разделяя эти ценностные установки и идеалы,

²³ См. Сухарев А. О Ленине // Красный Север. 1960. 15 апреля. С. 1.

²⁴ Сухарев А. Костер // День поэзии Севера, 1968: [Сборник / Ред. Ш. Галимов и др.]. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1968. С. 211–212.

²⁵ См. Сухарев А. Под кумачом // Красный Север. 1960. 1 мая. С. 3.

²⁶ Сухарев А. Березовый сок // Красный Север. 1963. 14 сентября. С. 4.

принял в данном движении активное участие и занял одно из видных мест в литературной среде, а вместе с тем и исторической памяти.

Литература

1. Аркадий Сухарев // Ленинское знамя. – 1972. – 3 ноября. – С. 4.
2. В сиянии северных звезд : антология поэзии разных веков / автор проекта, редактор-составитель А. Цыганов. – Вологда : Родники, 2023. – 396 с.
3. Викулов, В. Литературный Череповец / В. Викулов // Вологодский комсомолец. – 1962. – 24 октября. – С. 4.
4. Гура, В. Вологодские писатели сегодня / В. Гура // Вологодский комсомолец. – 1961. – 25 июля. – С. 3.
5. Кокошкин, П. Певец трудовой героики / П. Кокошкин, Л. Садовский // Подольский рабочий. – 1984. – 22 декабря. – С. 3.
6. Кокошкин, П. Стартовая площадка. О поэзии А. Сухарева / П. Кокошкин // Красный Север. – 1974. – 9 февраля. – С. 3.
7. Макаров, А. Н. Во глубине России / А. Н. Макаров. – Москва : Современник, 1973. – 462 с.
8. Полуянов, И. Д. Свое слово / И. Д. Полуянов // Красный Север. – 1972. – 3 ноября. – С. 4.
9. Правoffланговые вологодских писателей. Пути и планы // Вологодский комсомолец. – 1961. – 25 июля. – С. 2–3.
10. Романов, А. А. Мастерам будней / А. А. Романов // ГАВО. Ф. Р-1735. Оп. 3. Д. 14. [газетная вырезка].
11. Романов, А. А. Чтоб слышала вся страна... / А. А. Романов // Вологодский комсомолец. – 1960. – 4 февраля. – С. 1.
12. Савинов, Е. Возвращение весны / Е. Савинов // ГАВО. Ф. Р-1735. Оп. 3. Д. 14. [газетная вырезка] или Савинов, Е. Возвращение весны (заметки о стихах А. Сухарева) / Е. Савинов // Красный Север. – 1960. – 9 октября. – С. 2.
13. Столетова, А. С. Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950–1980-х годов (документальные свидетельства эволюции) / А. С. Столетова // Научный диалог. – 2021. – № 10. – С. 480–498. – DOI 10.24224/2227-1295-2021-10-481-498.
14. Столетова, А. С. Обычай и менталитет производственного социума в реалиях повседневности 1960–80-х гг. (на примере интерпретации архивных материалов фонда РГАНИ) / А. С. Столетова // Вестник Костромского государственного университета. – 2021. – Т. 27, № 3. – С. 61–70. – DOI 10.34216/1998-0817-2021-27-3-61-70.
15. Сухарев, А. Поэзией призванный : к 100-летию со дня рождения Аркадия Сухарева / А. Сухарев // Вологодский ЛАД : литературно-художественный журнал. – Вологда, 2013. – № 1(26). – С. 232–234.
16. Сушинов, А. У писателей Вологды / А. Сушинов // Красный Север. – 1967. – 12 декабря. – С. 4.
17. Чулков, Б. «Меня за лесом ждет дорожный ветер...»: К 80-летию поэта Аркадия Сухарева / Б. Чулков // Красный Север. – 1992. – 20 октября. – С. 3.
18. Чухин, С. Пульс времени: К 70-летию со дня рождения поэта нашего земляка А.А. Сухарева / С. Чухин // Вологодский комсомолец. – 1982. – 12 ноября. – С. 4.

A.S. Stoletova

FROM THE MACHINE TO THE WRITING DESK: ABOUT THE CREATIVE PATH OF THE POET A.A. SUKHAREV

The article tells how a factory worker Arkady Alekseevich Sukharev became involved in literary work in the 1920s, began publishing poetic works, became a member of the Union of Writers in the 1930s, and also developed the topic of production in literature in Vologda Region in 1950–1960s. The author comes to the conclusion that despite his prison camp past, A.A. Sukharev ranked among the members of the Vologda Writers' Organization. The poet was an expert in many trades, that is why he actively honored ordinary workers of the national economy.

A.A. Sukharev, Vologda Regional Writers' Organization, working routine, industrial society, Soviet way of life, mentality.

И.С. Тряхов

*Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ)*

А.В. Ляпанов

Владимирский юридический институт ФСИИ России

Е.М. Петровичева

*Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ)*

КИНООБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ И ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

В работе рассматривается развитие системы кинообслуживания в годы Великой Отечественной войны во Владимирской и Ивановской областях. Эти регионы, занимающие специфическое географическое и транспортное положение в условиях военного лихолетья, территориально близки к столице советского государства – Москве. В статье показаны количественные и качественные изменения, произошедшие в этой сфере в течение военных лет. Выявлены основные трудности, с которыми сталкивалась сфера кинообслуживания в военный период. Дефицит кадров и нового оборудования были главными проблемами, не позволявшими в полной мере реализовать потребность населения в просмотре кино, которое было даже в условиях войны весьма популярно. Обращается внимание, что успешность кино как пропагандистского инструмента на региональном уровне во многом зависела от энтузиазма, активности и заинтересованности киномехаников, непосредственно работавших с населением.

Великая Отечественная война, кинофикация, кинообслуживание, зрители, тыл, пропаганда.

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино» – эта известная фраза основателя советского государства В.И. Ленина в немалой степени стала базой для широкого внимания власти к кинематографу. В условиях Великой Отечественной войны кино, как и в предшествующие годы, продолжало служить важным пропагандистским функциям [23]. Кинематограф должен был как способствовать созданию для советских граждан образа врага, так и быть одним из немногих видов досуга.

Исследователи советского периода отечественной истории в определенной степени затрагивали тему кинофикации, но были ограничены в своих работах как идеологическими рамками, так и кругом источников, немалая часть которых вплоть до последних десятилетий оставалась засекреченной [29]. В современной историографии тема кинообслуживания представляет определенный интерес для историков – такие исследования носят преимущественно региональный характер [3; 28; 33; 34; 36]. Ученые изучают проблему кинофикации в рамках организации досуга [30; 31; 32; 33; 38] и развития киносети [1; 23; 24; 25; 26; 27] в годы Великой Отечественной войны. Историки уделяют внимание как формальным показателям в развитии киносети, так и их качественному содержанию [37; 39; 40]. Среди обобщающих исследований, рассматривающих феномен кино в целом и его развитие в условиях Великой Отечественной войны в частности следует обратить внимание на труды К.А. Юдина [42]. Хотя историк в основном занимается содержательной стороной отечественного кинематографа, в его исследованиях затрагиваются и технические аспекты развития киноиндустрии. В настоящее время в российской историографии накоплен определенный

опыт по изучению кинообслуживания в годы войны. Работы в большей степени носят региональный характер, и данная статья предполагает внести свой вклад по данной теме на примере двух регионов, встретивших войну как единый субъект РСФСР.

Источниками для данной статьи послужили архивные материалы, хранящиеся в государственных архивах Владимирской и Ивановской областей, разнесенные преимущественно в партийных фондах, а также документы органов кинофикации обоих регионов. Среди документации, использованной в статье, выделяются прежде всего организационно-распорядительные и делопроизводственные источники, отличающиеся сухим текстом, но при этом содержащие статистические сведения. Более «живыми» выглядят стенограммы совещаний по кинофикации в регионе и протоколы заседаний партбюро по вопросам кино. Ограниченное применение нашли в статье источники личного происхождения, т.к. слабое, относительно современности, развитие кино в годы Великой Отечественной войны имело малое количество участников данной деятельности и, как следствие, отсутствие оставшихся эго-документов. В основном они опять же отразились в партийной документации как результат выступлений киномехаников на совещаниях по вопросам кино. Среди специфических черт таких источников можно назвать некоторую официозность, а отсюда определенную предвзятость.

Территориальные рамки статьи обусловлены схожестью двух регионов, которые до августа 1944 г. функционировали как единое целое и были разделены в результате административной реформы. Особенностью обеих областей было сравнительно высокое (относительно общесоюзного) количество городских

жителей. В то же время действительно крупным городским центром была столица региона город Иваново, в котором проживало, по данным переписи 1939 г., 285 182 человека [3]. Население прочих крупных городов, таких как Кинешма, Ковров, Владимир, не дотягивало и до 80 тысяч человек. Большинство же районных центров были представлены более мелкими городами и даже поселками городского типа. Необходимость вести культурную работу в деревне накладывала собственную специфику на кинообслуживание сельских жителей Владимирской и Ивановской областей.

Целью данной статьи является обзор деятельности системы кинообслуживания в годы военного лихолетья 1941–1945 гг. во Владимирской и Ивановской областях и выявление основных проблем в его функционировании.

В 1914 г. в Российской империи насчитывалось 1412 киноустановок. За последующие десятилетия удалось сделать значительные успехи в увеличении их числа. В 1938–1939 гг. в СССР насчитывалось свыше 30 тыс. установок; однако в годы войны дальнейшего роста не было, а вот износ действующего оборудования приводил к его быстрому сокращению [22, л. 18 об.].

Согласно данным областного комитета партии Ивановской области, в 1944 г. не во всех районах имелись кинотеатры. Всего их насчитывалось 19 в 43 районах региона, то есть менее чем в половине. Из таблицы ниже можно видеть количество мест, имев-

шихся в кинотеатрах, а также численность населения районов и городов областного подчинения Ивановской области согласно переписи 1939 г. Охват работы кинотеатров был ограниченным и не в полной мере удовлетворял потребности населения в этом виде проведения досуга. Это заметно при анализе выполнения планов работы кинотеатров, которые обычно превосходили изначальное задание. При этом в отдельных районах число мест в кинотеатрах относительно наличного населения было значительно выше, чем в других. В таблице 1 приведено соотношение количества кинотеатров и мест в них относительно населения районов и городов областного подчинения.

Можно видеть, что мест в кинотеатрах относительно населения было немного, а потому в полной мере реализовать потребность людей в таком виде досуга было затруднительно.

Немногом лучше была ситуация в городах областного подчинения. Более чем одним кинотеатром располагали областной центр и исторический центр региона, бывший губернский город Владимир. В Иваново размещалось 3 кинотеатра, во Владимире – 2. Александров, Вичуга, Ковров, Кольчугино, а также районы, их окружавшие, не имели собственных кинотеатров. Из таблицы 2 можно видеть количество имевшихся театров и кинотеатров в Ивановской области на начало 1944 г. и число мест, которыми располагали эти заведения, а также численность населения городов по последней предвоенной переписи.

Таблица 1 [21, л. 26; 41, с. 43–45].

Распределение кинотеатров по районам Ивановской области на 1943 г.

Районы	Кинотеатры государственной сети		Численность населения согласно переписи 1939 г.
	число кинотеатров	мест в них	
Гавр. Посадский	1	242	43 631
Гороховецкий	1	180	34 004
Ильинский	1	200	41 160
Кадыйский	1	182	16 385
Камешковский	1	130	Выделен в отдельный район 10 февраля 1940 г. из состава Ковровского, Владимирского и Суздальского районов. Примерная численность населения около 40 тыс. человек
Киржачский	1	304	49 753
Кохомский	1	550	28 661
Лухский	1	210	33 765
Макарьевский	1	330	40 968
Небыловский	1	210	31 648
Палехский	1	260	22 444
Пестяковский	1	296	38 397
Родниковский	1	342	61 385
Савинский	1	228	33 860
Селивановский	1	180	44 310
Семеновский	1	192	38 300
Сокольский	1	296	27 596
Суздальский	1	440	39 771
Юрьев-Польский	1	398	54 397
Итого по районам	19	5140	1 946 326
Итого по городам областного подчинения	10	5541	703 103
Итого по области	29	10 681	2 649 729

Количество театров и кинотеатров в городах Владимирской и Ивановской области на начало 1944 г.

Города	Театры		Кинотеатры гос.сети		Численность населения согласно переписи 1939 г.
	Число театров	Число мест	количество	места	
Иваново	3	2303	3	2152	285182
Александров	-	-	-	-	27726
Вичуга	-	-	-	-	46931
Владимир	1	552	2	682	66797
Вязники	-	-	1	600	33502
Гусь-Хрустальный	-	-	1	463	40225
Кинешма	1	707	1	400	75165
Ковров	-	-	-	-	67105
Кольчугино	-	-	-	-	29626
Фурманов (Середа)	-	-	1	600	36062
Шуя	1	550	1	644	57910
Итого	6	4112	10	5541	

Таким образом, данные статистические сведения показывают ограниченность государственной сети кинотеатров и явную нехватку мест для потенциальных зрителей в городах региона. Желающие посмотреть кино могли это также сделать в клубах при предприятиях, где таковые имелись. В Иваново, несмотря на наличие трех кинотеатров, приходилось наименьшее количество мест в кинотеатрах относительно общего числа населения.

В начальный период войны городские комитеты обороны предписывали прекращать работу кинотеатров и клубов в 23 часа [5, л. 50], что было вызвано наличием комендантского часа и светомаскировкой. Такое положение действовало почти до конца войны. Так, затемнение улиц и их нормальное освещение в регионе было разрешено только 30 апреля 1945 г. [35]. Военная повседневность напрямую влияла на функционирование системы кинообслуживания.

Ивановское областное управление кинофикации, по мнению проверяющих инстанций, неплохо проявляло себя в течение военных лет, учитывая скудные материальные и кадровые возможности, а в ноябре 1943 г. заняло второе место в социалистическом соревновании по СССР по росту производительности труда [20, л. 82].

В условиях войны проводилась реорганизация управления местной системы кинофикации. Так, приказом от 21 июля 1941 г. временно ликвидировались несколько отделов кинофикации: Александровский, Гороховецкий, Ковровский, Судогодский. Гусь-Хрустальный кинотеатр областного управления кинофикации подчинялся Гусь-Хрустальному межрайонному отделу кинофикации. Такие меры должны были сократить штат служащих и, как следствие, уменьшить расходы на сферу управления кинофикацией [18, л. 276]. В довоенный период управление местной кинофикации строилось на основе создания соответствующих отделов в каждом районе региона. Условия военного времени заставляли упростить систему управления за счет сокращения штатов. Это было вызвано как экономией средств, так и мобилизацией части работников в Красную армию. Преобразования июля 1941 г. были не последней реорганизацией военных лет. В августе 1944 г. из состава Ива-

новской области была выделена Владимирская, к которой чуть позже присоединили ряд западных районов Горьковской области (Муромский, Ляховский, Гороховецкий и Фоминский). Это привело к необходимости создания соответствующей структуры киноуправления во вновь созданном регионе. По данным областного управления кинофикации Владимирской области, в 1945 г. оно объединяло 24 районных отдела и один кинотеатр во Владимире. В конце мая 1945 г. Владимирский кинотеатр закрылся на капитальный ремонт. Значительные простои из-за ремонтов были в кинотеатрах Покрова и Муроме. А вот в Суздале и Красной Горбатке простои кинотеатров происходили из-за отсутствия электроэнергии. Однако эта проблема была системной по всем городским кинотеатрам без исключения [19, л. 19]. Так, по Муромскому райотделу кинофикации из-за отсутствия должного контроля за работой кинопередвижек простой выразился в количестве 636 дней. В Ковровском райотделе не было организованности в работе киномехаников, отчего киносеть только по «передвижке» потеряла 242 дня, а в целом простой выразился в 470 дней. В Суздальском райотделе кинофикации кинопередвижка работала тоже неудовлетворительно из-за необеспеченности ремонта аппаратуры, по двум немим передвижкам простой выразился в 173 днях, в результате чего в целом по области не было обслужено трудящихся на 1370,8 тысяч посещений. В денежном выражении недобор выразился в сумме 5279,0 тыс. руб. [19, л. 29]. В то же время Суздальский кинотеатр работал с прибылью, хотя электроэнергию на его нужды подавали лимитировано [16, л. 120].

Управление киносетью рассматриваемых регионов включало областные, районные, а также межрайонные отделы кинофикации. Так, Владимирский межрайонный отдел кинофикации объединял сельскую сеть шести районов: Владимирского, Собинского, Суздальского, Ковровского, Камешковского, Судогодского и городские кинотеатры: Художественный и Суздальский. С 1-го июля 1941 г. в него влились еще два отдела – Ковровский и Судогодский, что усложнило работу отдела. С началом войны часть оборудования для сельской киносети была передана военному. Некоторое количество киномехаников и два

технорука призваны в РККА. Имелись систематические задержки в выдаче топлива нефтебазой [16, л. 47]. Затруднения с получением горючего тормозили работу звуковых передвижек и приводили к многочисленным простоям [18, л. 25].

Очевидно, что мобилизация работников киносети в армию стала острой проблемой для отделов кинофикации. Например, в течение 1942 г. только из Владимирского межрайонного отдела кинофикации в РККА было призвано 9 киномехаников, немой переводчик и два звуковика. Следствием этого стало сокращение киносети и ухудшение качества обслуживания (Там же). При этом данные об общем штате сотрудников на настоящий момент отыскать не удалось, поэтому можно лишь на слово поверить составителю архивного документа, пишущем о кадровом дефиците. И, наоборот, во Владимире в 1943 г. для обслуживания киноустановок, согласно источнику, имелись как квалифицированные механики, так и 8 учеников при них [20, л. 88–89].

Кроме стационарных кинотеатров активно использовалась передвижная аппаратура для показа фильмов, что могло бы решить проблему недостатка кадров. Однако кроме трудностей, связанных с перебоями в подаче электроэнергии в населенные пункты, добавлялась нехватка помещений с достаточной вместимостью. Это в свою очередь приводило к невыполнению планов работы кинопередвижек [19, л. 19 об.]. Для доставки кинопередвижных установок использовался автотранспорт, но Владимирское областное управление кинофикации из 7 числящихся на учете машин могло воспользоваться только тремя. Остальные были неисправны (Там же). В итоге по большинству районов Владимирской области план в 1945 г. выполнен не был, несмотря на премиальную систему оплаты труда; курсы по переподготовке киномехаников не проводились. В предыдущие годы, когда существовала еще единая Ивановская область, план нередко перевыполнялся [20, л. 21].

Представляет интерес вопрос о заработной плате сотрудников киносети. Владимирский отдел кинофикации в 1943 г. получил прибыль, превысившую план, следствием чего стал перерасход фонда зарплаты. При этом электроэнергия для местного кинотеатра «Художественный» отпускалась лимитировано, дров для отопления здания хронически не хватало [12, л. 8, 16]. Цены на билеты для взрослых устанавливались в размере 3 рублей [20, л. 68]. Среднемесячный заработок рабочих на владимирском заводе «Автоприбор» составлял в 1944 г. от 400 до 700 рублей, аналогичные зарплаты были и на других предприятиях оборонного назначения. Таким образом, посещение кинотеатров можно назвать доступным для большей части населения, но при условии, что основной объем необходимого продовольствия эти люди получали по карточкам, в заводских столовых и от собственных огородов [17, л. 95].

В целом посещаемость кинотеатров в военные годы была высокой. Большинство таких культурных учреждений перевыполняли план и зачастую могли бы работать еще больше, если бы не технические и кадровые сложности. Так, в Вязниках пленка часто рвалась, что объяснилось невнимательностью киномеханика. Это приводило к непоследовательному

воспроизведению картины, что искажало ее смысл [15, л. 16 об.]. Общей проблемой большинства кинотеатров были устаревшие и требовавшие ремонта здания. Кроме того, нехватка топлива приводила к тому, что здания кинотеатров и клубов плохо отапливались [22, л. 5 об.].

На III городской партийной конференции в Коврове, проходившей в сентябре 1942 г., отмечалось, что клубами демонстрировались фильмы на злободневную тематику: «Ленин в Октябре», «Человек с ружьем», «Чапаев», «Щорс», «Александр Невский», «Суворов», «Профессор Мамлок» и др. С начала войны и до осени 1942 г. было проведено 1596 киносеансов, которые посмотрело 167 519 человек, а также 239 сеансов для военных, на которых присутствовало более 40 000 человек [6, л. 76].

Трудности в работе системы кинообслуживания были вызваны тяжелыми условиями военных лет и недофинансированием данной сферы, сильным сокращением производства кинооборудования в стране и дефицитом специалистов. Последнее было вызвано в первую очередь мобилизацией в действующую армию, а также приоритетом набора молодежи для работы на промышленных предприятиях. В последующем повествовании будут приведены примеры проблем и сложностей, имевшихся в системе кинообслуживания в годы Великой Отечественной войны.

Сохранились данные о количестве платных кинокартин в Ивановской области с начала войны и до осени 1942 г. Их количество составило 334, которые посетили 200 000 человек, а также 34 спектакля и концерта, охватившие 24 000 человек. Местная кинопередвижка дала 150 сеансов для госпиталей, ремесленного училища и общежитий соседнего с городом поселка Мелехово [4, л. 46]. В 1943 г. клубы выполняли план на 48–50 %. Малое количество киносеансов проводилось для детей. От посетителей и работников клубов поступали жалобы на шум и нарушения порядка на вечерних киносеансах со стороны детей [7, л. 47]. Аналогичная проблема была в Вязниках, где около местного кинотеатра нередко происходили хулиганские выходки со стороны подростков. От милиции требовали навести порядок в этом вопросе [13, л. 127; 14, л. 6].

26 мая 1942 г. на заседании Суздальского райкома отмечалась работа местного кинотеатра. В зимний период 1941–1942 гг. отмечалась халатность и бесхозяйственное отношение директора. В здании кинотеатра был необходим ремонт помещения, мебели и системы отопления. Помещение было в антисанитарном состоянии (оно не мылось по несколько месяцев). Зрительный зал почти не отапливался, а в кинозале был шум из-за публики в фойе. Между сеансами не было обслуживания зрителей за исключением танцев. Демонстрация фильмов, как уже отмечалось ранее, была нерегулярной из-за отсутствия электросвета. Имелись случаи хулиганства со стороны подростков. Фойе кинотеатра в итоге предписали использовать для агитации. Там следовало разместить фотогазеты, а также показать труд стахановцев. Кроме того, райком предписал устраивать специальные сеансы с обязательным дежурством педагогов, пионервожатых и администрации театра [2, с. 197–198].

Низкое качество показа объяснялось отсутствием киномехаников. Так, Ковровский горком требовал от руководителей крупнейших предприятий города больше внимания уделять кино. Помощь завода им. Киркиж и фабрики им. Абельмана должна была состоять в ремонте оборудования и предоставлении запчастей [7, л. 47 об.].

В Муроме работа кинотеатров была поставлена лучше. В рабочих клубах и госпиталях работало 28 киноустановок, из них 18 звуковых [10, л. 17]. Успешно работал городской кинотеатр, рассчитанный на 250 человек. Только за 1 квартал 1943 г. он провел 243 киносеанса и обслужил 66 135 человек, почти выполнив план. Перед сеансами обычно озвучивали небольшие доклады на тему текущей обстановки [11, л. 15]. В 1942 г. в Муроме был проведен 1071 взрослый киносеанс, который посетил 270 219 человек, а также 312 детских киносеансов с 68 020 посетителями. С января по октябрь 1943 г. в Муроме было проведено 882 взрослых сеанса с охватом 193 069 человек и 260 детских сеансов, на которых присутствовало 55 051 человек (Там же, л. 38). В городе имелось 4 клуба и 40 красных уголков. Все клубы и некоторые красные уголки имели киноустановки. Несмотря на войну, летом 1944 г. в Муроме смогли отремонтировать кинотеатр [12, л. 3]. Детские фильмы показывали не везде, несмотря на формальное проведение детских киносеансов [15, л. 16].

Летом 1944 года, незадолго до административных изменений, выделивших из состава Ивановской области значительную часть современной Владимирской области, состоялось совещание работников политпросветительских учреждений и заведующих районными отделами кинофикации. В ходе него немало говорилось о трудностях в работе кино, вызванных нехваткой фильмов и специальной киноаппаратуры. Также шел разговор и о дефиците киномехаников, т.к. немалое их количество оказалось в ходе войны в армии [22, л. 1–2]. Глава райотдела кинофикации в Гаврилов-Посадском районе Барашков жаловался областным властям на совещании работников кинофикации на «расшатанность» дисциплины среди сотрудников отдела, отмечая судимость всех киномехаников, причем неоднократно, а также отсутствие помещения для работы и слишком малое количество средств, выделяемых на топливо и ремонт помещений кино (Там же, л. 2 об.–3).

В Шуе имелось 4 кинопередвижки, но с начала уборочной кампании 1944 г. все киномеханики были отпущены в отпуск. Руководитель местного райотдела был возмущен тем, что кадры механиков «засорены жуликами». В качестве примера приводился механик Боровков, который 3–4 месяца присваивал киноаппаратуру, разъезжал по разным районам (побывал в Палеховском и Родниковском), работал на себя, не отчитывался перед отделом кинофикации, а заработанные денежные средства не сдавал. Такая работа на сторону была выявлена только из-за поломки киноаппаратуры. Боровков был отдан под суд. Оборудование удалось отремонтировать (Там же, л. 4).

В то же время выделялся другой киномеханик Лебедев, работавший на немой кинопередвижке и перевыполнивший план. Шуйские работники кино были

включены в социалистическое соревнование, в котором боролись за выполнение 5 тыс. валового сбора и обслуживание не реже двух раз в месяц каждого сельсовета. Механики звукового кино включились в движение 15-тысячников [22, л. 4 об.].

Со стороны отдельных киномехаников в годы войны встречались противоправные действия, наносившие материальный ущерб сфере их работы. Так, в Савинском районе механик Соловьев украл патефон, часть оборудования сломал и скрылся. Через некоторое время его задержали в Камешковском районе на станции Новки и отдали под суд (Там же, л. 6 об.).

В городе Южа местное партийное руководство было недовольно выделенным из соседней Шуи механиком Лебедевым, о котором было сказано ранее. Утверждали, что тот только расхищал государственные деньги. Вместо него прислали неокончившего курсы Турханова, который также занимался жульничеством, разбил объектив аппаратуры и скрылся. Имелись и жалобы на качество аппаратуры. После этого было принято обучить на курсах двух своих киномехаников (Там же, л. 7 об.). Систематической была задержка в районы кинокартин (Там же, л. 12).

Встречались и заинтересованные в своей работе киномеханики. Так, в Кинешме киномеханик Кулебякина обслуживала 12 сельсоветов. До Кинешемского района она работала в соседнем Вичугском районе. Она отмечала, что на местах ей не помогают агитаторы и пропагандисты. Из-за этого перед демонстрацией фильмов она выступала перед зрителями, пытаясь их заинтересовать. Кулебякина отмечала, что гражданам лучше смотрят звуковое кино, а не немое. В случае с такими фильмами она читала текст сама при демонстрации их колхозникам. Одновременно с этим она еще выступала с лекцией от райкома партии и регулярно читала газеты (Там же, л. 15).

В Савинском и Сокольском районах отмечались перебои в работе установок, хрипы и пятна на экранах (Там же, л. 16–16 об.). На специальном совещании отдела кинофикации Ивановской области, проходившем в июле 1944 г., и в котором участвовали работники политпросвета и заведующие районными отделами, предлагалось строже наказывать виновников в ненормальной эксплуатации оборудования. Более того, отдельных сотрудников требовали привлекать к уголовной ответственности за поломки или аварию киноаппаратуры (Там же, л. 18).

В условиях военного времени одним из важных направлений деятельности районных отделов кинофикации наряду с показом фильмов гражданскому населению было обслуживание госпиталей, где лечили раненых бойцов Красной армии. Однако не во всех районах региона с этой задачей справлялись должным образом. Так, в Гусь-Хрустальном до мая 1944 г. большие госпитали № 5862 и 3477 не имели доступа к просмотру кинофильмов. Местный горком после этого просил предоставить одну кинопередвижку для планового обслуживания госпиталей, т.к. имевшаяся аппаратура была устаревшей и ремонту не подлежала [8, л. 2].

Походы некоторых раненых больных в местные кинотеатры иногда сопровождалась неприятными инцидентами. В Гусь-Хрустальном два госпиталя

располагались рядом с кинотеатром, и некоторые раненые бойцы ходили на сеансы в нижнем белье. 27 марта 1945 г. из-за хулиганства половина гражданских посетителей покинула здание кинотеатра. Обращалось внимание, что патрульные команды, специально созданные из контингента лечащихся военно-служащих, не способны навести порядок [9, л. 2].

Кино в годы Великой Отечественной войны пользовалось среди населения Владимирской и Ивановской областей достаточно большим спросом. Сдерживающими факторами для большего значения кино в досуговой жизни местного населения была его физическая доступность. Она выражалась в нехватке кинопередвижек, необходимых, прежде всего, в сельской местности, а также дефиците киномехаников. Многие из специалистов были призваны в Красную армию, т.к. их профессия была там весьма востребована. Другими ограничивающими факторами были поломки оборудования, нехватка электроэнергии и плохое состояние зданий для показа кино. Все это затрудняло возможность широкого использования кино в качестве способа пропаганды и агитации.

Спектр наименований показываемых кинокартин был, разумеется, предопределен центральными органами власти. Но при этом эффективность их пропагандистского воздействия, вероятно, была выше в случаях разъяснительной работы киномехаников. В то же время вряд ли такая просветительская деятельность велась регулярно, т.к. не все киноспециалисты одновременно обладали знаниями, способностями и желанием проводить беседы со зрителями.

Литература

1. Абакумова, Е. А. Восстановление и развитие киносети Курской области в первое десятилетие после освобождения от оккупации (1943–1953 гг.) / Е. А. Абакумова, О.Н. Аргунов, А.И. Волкова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2022. – № 3 (63). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovlenie-i-razvitie-kinoseti-kurskoj-oblasti-v-pervoe-desyatiletie-posle-osvobozhdeniya-ot-okkupatsii-1943-1953-gg/viewer> (дата обращения: 01.06.2024). – Текст : электронный.
2. Владимирский край в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 : сборник архивных документов к 75-летию Великой Победы / Государственный архив Владимирской области ; ответственный редактор Н. Д. Максимова ; составитель: Т. А. Лашманова [и др.]. – Владимир, 2020. – 504 с.
3. Волков, Е. В. Кинотеатры Москвы в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Волков // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2021. – № 2. – С. 56–79.
4. Всеобщая перепись населения 1939 года. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_3.php (дата обращения: 16.09.2023). – Текст : электронный.
5. Государственный архив Владимирской области (Далее: ГАВО). Ф.П. – 116. Оп. 1. Д. 71.
6. ГАВО. Ф.П. – 116. Оп. 1. Д. 101.
7. ГАВО. Ф.П. – 116. Оп. 1. Д. 120.
8. ГАВО. Ф.П. – 116. Оп. 63. Д. 38.
9. ГАВО. Ф.П. – 118. Оп. 1. Д. 188.
10. ГАВО. Ф.П. – 118. Оп. 1. Д. 236.
11. ГАВО. Ф.П. – 495. Оп. 5. Д. 9.
12. ГАВО. Ф.П. – 495. Оп. 5. Д. 43.
13. ГАВО. Ф.П. – 495. Оп. 5. Д. 117.
14. ГАВО. Ф.П. – 791. Оп. 63. Д. 24.
15. ГАВО. Ф.П. – 791. Оп. 63. Д. 19.
16. ГАВО. Ф.П. – 791. Оп. 63. Д. 20.
17. ГАВО. Ф.П. – 1263. Оп. 1. Д. 12.
18. ГАВО. Ф.П. – 3780. Оп. 1. Д. 14.
19. ГАВО. Ф.П. – 3780. Оп. 1. Д. 15.
20. ГАВО. Ф.П. – 3781. Оп. 1. Д. 3.
21. ГАВО. Ф.П. – 3913. Оп. 1. Д. 3.
22. Государственный архив Ивановской области (Далее: ГАИО). Ф.П. – 327. Оп. 7. Д. 1241.
23. Галкин, А. В. О работе киносети Чувашии в годы Великой Отечественной войны / А. В. Галкин // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 3. – С. 35–39.
24. Заводчиков, В. В. Материально-техническое обеспечение кинообслуживания населения Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) / В. В. Заводчиков // European social science journal. – 2013. – № 3. – С. 368–375.
25. Заводчиков, В. В. Материально-техническая база кинообслуживания населения Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1943 г.) / В. В. Заводчиков // Поволжский педагогический поиск (научный журнал). – № 1(3). – 2013. – С. 58–62.
26. Заводчиков, В. В. Перестройка работы по кинообслуживанию населения г. Куйбышева в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / В. В. Заводчиков // Проблемы изучения военной истории / ответственный редактор А. И. Репинецкий. – Самара : ООО «Научно-технический центр», 2015. – С. 319–322.
27. Зяблицева, С. В. Киносеть Западной Сибири накануне и в годы Великой Отечественной войны / С. В. Зяблицева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 2 (46). – С. 13–17.
28. Зяблицева, С. В. Кинообеспечение сельского населения накануне и в годы Великой Отечественной войны / С. В. Зяблицева // Современные тенденции сельскохозяйственного производства в мировой экономике. – Кемерово, КГСИ, 2017. – С. 300–307.
29. История советского кино 1917–1967. В 4 томах. Том 3. 1941–1952 [Текст] / Я. Айзенберг [и др.]. – Москва : Искусство, 1975. – 318 с.
30. Красноженова, Е. Е. Культурно-бытовые проблемы советского села в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : на материалах Нижнего Поволжья / Е. Е. Красноженова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 4 (41). – С. 295–303.
31. Красноженова, Е. Е. Организация досуга населения провинциальных городов в период Великой Отечественной войны (на примере Нижнего Поволжья) / Е. Е. Красноженова // Повседневность в российской провинции XIX–XX вв. : материалы Всероссийской научной конференции (Пермь, 5–6 ноября 2013 г.) : в 2 частях / ответственный за выпуск Е. С. Субботина ; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Пермь, 2013. – Ч. 1. – 345 с.
32. Морозова, О. В. Досуг населения города Сталинска в годы Великой Отечественной войны / О. В. Морозова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2017. – № 4 (24). – С. 119–129.
33. Петрище, Е. В. Кинообслуживание населения Орловской области в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Петрище // Великая Победа: взгляд через 75 лет. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курск : Университетская книга, 2020. – С. 86–91.
34. Подвинцев, А. О. Особенности работа кинотеатров г. Молотова в годы Великой Отечественной войны / А. О. Подвинцев // Ноябрьские историко-архивные чтения 2020 г. / под редакцией С. В. Неганова. – Пермь, ГКБУ ПермГАСПИ, 2021. – С. 601–611.

35. Рабочий клич. – 1945. – 1 мая.

36. Ряпусова, Д. Н. Киноиндустрия Большого Урала в годы Великой Отечественной войны / Д. Н. Ряпусова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2010. – № 28 (204). – С. 58–64.

37. Сомова, И. О. Киносеть Ставропольского края в период Великой Отечественной войны: динамика и характер изменений / И. О. Сомова, С. И. Линец // Научный вестник Южного федерального округа. – 2002. – № 2–13. – С. 6–11.

38. Устинова, И. О. Кинотеатры Ленинграда как составляющая часть культурной жизни города в годы Великой Отечественной войны / И. О. Устинова // Культура и гуманитарные науки в современном мире / под редакцией О. В. Архиповой и А. И. Климина. – Санкт-Петербург : ООО «Реноме», 2019. – С. 99–113.

39. Хисамутдинова, Р. Р. Деятельность Чкаловского (Оренбургского) областного управления кинофикации в годы Великой Отечественной войны / Р. Р. Хисамутдинова // Известия ВГПУ. – 2017. – № 2 (275). – С. 161–167.

40. Храмова, Н. Н. Кадровое обеспечение системы кинообслуживания населения Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны / Н. Н. Храмова, В. В. Заводчиков // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 4. – С. 98–103.

41. Численность населения СССР по городам и районам на 17 января 1939 г. – Москва : Госпланиздат, 1941. – 263 с.

42. Юдин, К. А. Государственная власть и кинематограф в социокультурном контексте эпохи (конец 1920-х – начало 1990-х гг.) : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Юдин К. А. – Иваново, 2024. – 429 с.

I.S. Tryakhov, A.V. Lyapanov, E.M. Petrovicheva

CINEMA FACILITIES FOR THE HOMEFRONT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE MATERIALS OF VLADIMIR AND IVANOV OBLASTS)

The article examines the development of the cinema service system during the Great Patriotic War in Vladimir and Ivanovo oblasts. These regions had a specific geographical and transport position in difficult wartime being territorially close to Moscow, the capital of the Soviet state. The article reveals the quantitative and qualitative changes that occurred in this sphere during the war. It also tells about the main difficulties of the cinema service industry, e.g. the shortage of personnel and new equipment, which did not allow to fully realize the need of population for watching films, very popular even in wartime. It is noted that the success of cinema as a propaganda tool at the regional level largely depended on the enthusiasm, activity and interest of projectionists who worked directly with the population.

The Great Patriotic War, cinematography, cinema service, audience, homefront, propaganda.

Л.В. Чебыкина

Кировский областной краеведческий музей им. П.В. Алабина

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ДЕТСКОГО ТУРИЗМА В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Статья посвящена истории детского туризма на рубеже XIX–XX веков в Вятской губернии. Исследование опирается на обширный комплекс источников: документы Центрального государственного архива Кировской области, материалы периодической печати, отчеты учебных заведений и пр. На основании анализа фактического материала выделены объективные и субъективные предпосылки бурного развития детского туризма в рассматриваемый исторический период; выявлены региональные особенности данного явления.

Детский туризм, дореволюционная школа, Вятская губерния, Казанский учебный округ.

Сфера детского туризма – это специфическая образовательная среда, обеспечивающая разностороннее развитие личности ребенка. В настоящее время ведется активный поиск инновационных видов, форм и средств туристско-экскурсионной работы с детьми и подростками. В связи с этим необходимо изучать историю развития детского туризма, обобщить весь накопленный опыт, часть которого может быть использована в современной практике работы с детьми. Перед исследователями стоит задача объективного изучения и взвешенного, непредвзятого отражения исторической действительности, в данном случае – истории развития детского туризма. Особенно важным представляется исследовать данный вопрос на уровне регионов. С одной стороны, это будет способствовать созданию объективной общей истории детского туризма в нашей стране, с другой стороны – может быть полезным для развития детского туризма в крае на современном этапе.

Таким образом, изучение истории детского туризма в Вятском регионе в XIX – начале XX вв. представляется весьма актуальным. Новизна работы задается тем фактом, что до настоящего времени история детского туризма в Вятском крае не являлась предметом самостоятельного научного исследования.

Тема развития детского туризма, включая учебные экскурсии и краеведческую работу с детьми в учреждениях основного и дополнительного образования, достаточно подробно изучена с точки зрения педагогики. Многие исследователи, некоторые из которых начали работу в сфере детского туризма еще до революции, внесли свой вклад в теоретическую, методическую и практическую разработку вопроса. Среди них такие известные педагоги и специалисты экскурсионного дела, как И.М. Гревс [18], Н.К. Крупская [14], А.С. Макаренко, П.И. Истомин [11] и др.

Профессиональные историки если и писали о детском туризме, то только как об одной из разновидностей туризма вообще. Так, например, В.А. Квартальнов [12; 13] в своих работах по истории туризма касается также вопросов развития отечественного

детского и молодежного туризма. Краткий обзор этапов развития детского туризма содержится в соответствующих главах монографий Г.П. Долженко [7; 8]. Большую популярность приобрела книга Г.С. Усыкина «Очерки истории российского туризма» [23], которая написана живым образным языком и содержит интересный фактический материал по истории отечественного туризма. Значительное место в данной книге отводится истории школьного туризма на примере Ленинградской области.

Фундаментальных научных трудов, непосредственно посвященных изучению истории детского туризма в нашей стране, в настоящее время нет.

В последние десятилетия появляются работы по истории детского туризма в регионах [2; 9; 10], что свидетельствует о возросшем интересе исследователей к данной теме.

Отдельные сведения, касающиеся истории детского туризма в Вятской губернии, содержатся в исследованиях, посвященных развитию народного образования на Вятской земле. Так, например, В.Б. Помелов [19; 20; 21; 22], специалист по истории педагогики, в своих многочисленных публикациях часто уделяет внимание постановке учебно-воспитательной работы в том или ином учебном заведении края, в том числе – ученическими экскурсиям, туризму и краеведению. Частично вопрос истории детского туризма в Вятской губернии в дореволюционный период изучен Л.В. Баталовой и Г.В. Мерзляковой в работах, посвященных истории туризма в Удмуртии [2; 3; 4; 15]. Основная часть территории современной Удмуртии приходилась на Глазовский, Елабужский, Малмыжский и Сарапульский уезды Вятской губернии. В ряде работ авторов раскрыто содержание учебных экскурсий и поездок по России учащихся средних учебных заведений этих 4-х уездов. Выводы и обобщения, содержащиеся в данных исследованиях, представляют интерес для дальнейшего изучения региональной истории детского туризма. Однако обобщающей работы по истории детского туризма в Вятском регионе в настоящее время нет.

Источниковую базу данного исследования составили документы из Центрального государственного архива Кировской области (ЦГАКО): Ф. 205 «Канцелярия директора народных училищ Вятской губернии» и фонды учебных заведений. Из опубликованных источников использованы уставы учебных заведений, общественных организаций и отчеты об их работе, статьи в периодической печати и пр.

История детского туризма в Вятской губернии начинается в первом десятилетии XIX века с образовательных экскурсий, применяемых отдельными преподавателями. Первоначально экскурсии рассматривались исключительно как один из методов обучения и имели вспомогательную функцию в учебном процессе.

Дальнейшее развитие детского туризма было непосредственно связано с развитием системы народного образования. Период своего наивысшего расцвета дореволюционный детский туризм переживал на рубеже XIX–XX вв.

Период Великих реформ в стране в числе прочего дал толчок развитию педагогической мысли. Многие педагоги-новаторы, в том числе и вятские, высказывали идеи о необходимости более широкого включения экскурсий и прогулок в учебный процесс. Так, Владимир Игнатьевич Фармаковский [19], преподаватель Вятской Мариинской женской гимназии и Вятской духовной семинарии, разрабатывал «теорию трудовой школы», основным принципом которой будет разумное сопряжение физических и умственных начал. Важная роль в обучении и воспитании детей при этом отводилась экскурсиям на предприятия.

Также наблюдавшийся на рубеже веков подъем детского туризма в регионе обусловлен небывалым прежде ростом числа учебных заведений. Если в первой половине XIX века в Вятской губернии было 2 средних учебных заведения, то в 1913 году их насчитывалось уже 53 [1, с. 347]. К началу XX века губерния покрылась сетью народных, земских и приходских училищ. Все они по мере возможности вводили в учебный процесс какие-либо виды экскурсионной деятельности, следуя указаниям руководящих органов.

Министерство народного просвещения (МНП) в 1890–1910 гг. издало немало циркуляров, касающихся экскурсионной работы в школе, физического развития учащихся, путешествий детских групп по стране. Назовем некоторые из них.

Циркуляр МНП от 2 августа 1900 года отменяет обязательные летние письменные работы, которые предложено заменить на «прогулки и путешествия с образовательной целью» [31, с. 65]. Другим циркуляром предписывается давать учащимся средних учебных заведений 7 дополнительных дней отдыха в учебном году, которые следует посвятить «экскурсиям, чтениям, осмотрам музеев и тому подобным разумным развлечениям» [32, с. 83].

МНП также заботится о методическом обеспечении туристско-экскурсионной деятельности учащихся. Так, циркуляр от 03.09.1901 книги «Образовательные прогулки с учащимися по России в 1894–1901 гг.» рекомендует «в ученические библиотеки старшего возраста мужских и женских гимназий, реальных училищ, а равно и в библиотеки учительских институтов и семинарий» [30, с. 78]. Другим циркуля-

ром МНП обращает внимание на журнал «Русский экскурсант» как «полезный справочник при устройстве экскурсий» [27].

Много внимания в министерских распоряжениях уделяется безопасности детей во время экскурсий и путешествий, руководителей которых обязывают «принимать меры к тому, чтобы учащиеся были по возможности ограждены во время прогулок и путешествий от всякого рода нежелательных случайностей» [31, с. 65]. Другой циркуляр рекомендует, какие конкретные меры предосторожности следует применять при путешествиях по воде и на велосипедах [32, с. 86].

Циркуляр «О более правильной постановке в учебных заведениях физического развития учащихся» от 10.06.1904 [25] требует от каждого учебного заведения предоставлять ежегодные отчеты о проведенных экскурсиях «с описаниями последних» и рекомендует в каникулярное время организовывать дальние поездки по стране.

Училищный совет при Святейшем Синоде также предписывает всем церковно-приходским, женским епархиальным и духовным училищам проводить образовательные экскурсии для учеников, уточняя, что путешествия эти «имеют скорее характер паломничества по святым местам» [16, с. 202].

Благодаря этим распоряжениям в начале XX века экскурсии и прогулки входят в обычную практику учебных заведений. Каждая школа региона в течение учебного года организовывала какие-либо мероприятия туристической направленности: экскурсии на природу, на предприятия, паломничества, «гимнастические прогулки» и пр. Например, в отчете инспектора народных училищ Елабужского уезда Вятской губернии за 1905 год упомянуты «прогулки с военной музыкой и мирным чаем в соседний лес учеников Елабужского приходского училища, обычно так празднующих окончание учебных занятий» [26].

Некоторые школы могли себе позволить дальние поездки по стране. Например, в июне 1912 года учащиеся V класса Вятского коммерческого училища посетили «Москву и Петербург для осмотра художественно-исторических, географических и естественно-исторических и промышленных музеев» [29]. Девочки из Вятской Мариинской женской гимназии ежегодно на зимних каникулах ездили в Петербург [28]. В 1913 году группа учащихся Глазовского низшего сельскохозяйственного училища посетила Киевскую всероссийскую выставку [24, с. 9–10].

В крупных городах работали специальные экскурсионные комиссии, бюро или комитеты, созданные для координации потока туристов и практической организации детских экскурсионных поездок. В 1899 году была организована комиссия при Педагогическом музее военно-учебных заведений Петербурга, в ведение которой входило устройство и популяризация экскурсий с целью внедрения их в систему общего образования. В последствии опыт ее работы распространился по всей стране. Например, Центральная экскурсионная комиссия при Московском учебном округе была создана, чтобы регулировать и координировать экскурсионный поток групп учащихся со всей страны, а по возможности и ограничивать его в дни торжеств и празднеств.

Детские экскурсионные группы из Вятской губернии в своих поездках по стране нередко пользовались услугами туристских обществ и клубов. Руководитель экскурсии учениц Вятской Мариинской гимназии пишет: «24 декабря в 8 часов 40 минут утра поезд прибыл в г. Петербург, где на вокзале экскурсантки были встречены дамой от общества “Бюро по устройству экскурсий в г. Петербурге” и в сопровождении ее экскурсантки отправились на квартиру, которая была предоставлена бесплатно в женской гимназии г. Прокофьевой (частной). За устройство экскурсии помещения в бюро заплатили 10 рублей и за кровати 5 рублей. Помещение г. Прокофьевой было предложено очень хорошее, удобное и большое в 5 комнат, воспитанницам разрешено было даже играть на рояле» [28, л. 15]. В 1911 году в той же Мариинской гимназии была устроена экскурсия в Крым. В этой поездке девочки пользовались услугами Крымского горного клуба, который проводил экскурсии в экипажах по окрестностям города Ялты (Там же, л. 20 об.). В 1912 году на лошадях Крымского горного клуба катались уже воспитанницы Стахеевского женского епархиального училища (г. Елабуга Вятской губернии) [5].

В городе Вятке также существовали клубы и общества, которые пытались как-то организовать досуг и летний отдых детей и молодежи и время от времени устраивали некоторые мероприятия, содержащие элементы туризма. Так, например, вятское Общество врачей в 1895 году создало летнюю детскую оздоровительную колонию (лагерь) в окрестностях города. Вятский яхт-клуб зимой содержал кружок любителей бега на лыжах и строил на льду реки Вятки каток, где проходили конькобежные соревнования среди любителей. Летом яхт-клуб организовывал прокат лодок, открывал купальни, устраивал прогулки на лодках и рыболовные экспедиции. Кроме того, мероприятия для детей туристской или спортивной направленности проводили Общество спасания на водах, Общество северных охотников, различные благотворительные организации.

Особо следует отметить Общество содействия начальному народному образованию, которое вплотную занялось устройством образовательных экскурсий для детей по городу Вятке. Для этого при обществе, по примеру других регионов, в 1913 году была образована специальная постоянная Комиссия по устройству экскурсий. Комиссия составила годовой план экскурсий учащихся всех начальных школ города. Было выбрано 15 учреждений – музеев и промышленных предприятий, обязательных к посещению. В 1914 году было устроено 105 экскурсий, в которых приняли участие 1465 мальчиков и 1426 девочек [17, с. 15].

Экскурсионная комиссия предполагала организовать обслуживание школьников из других местностей, посещавших Вятку. Следует заметить, что в Вятку приезжали в основном детские экскурсионные группы из уездов Вятской губернии. Въездной детский туристический поток на Вятскую землю из других регионов практически отсутствовал (если не считать транзитный по Пермской железной дороге). Чтобы привлечь юных туристов в регион, нужно было организовать ночлег и питание детей и сопровождающих, разработать экскурсионные маршруты по городу и распространить информацию о достопримеча-

тельность Вятки хотя бы в пределах Казанского учебного округа. Все эти идеи Общество содействия начальному образованию осуществить не смогло, т.к. его деятельность происходила в условиях Первой мировой войны.

Тем не менее в результате усилий дирекции народных училищ Вятской губернии, училищного совета Вятской епархии, педагогических советов и родительских комитетов учебных заведений, земств, благотворительных и общественных организаций детский туризм на Вятской земле достиг значительного разнообразия форм и видов. Образовательный, паломнический, спортивный, рекреационный, развлекательный, оздоровительный, экологический и др. виды детского туризма успешно развивались в форме походов, прогулок, дальних путешествий по стране, экскурсий, пикников, спортивных и военизированных игр, лагерных сборов, краеведческих экспедиций и пр.

География дальних путешествий школьников Вятской губернии весьма обширна, хотя и ограничивается европейской частью страны: от Киева до Урала и от Финляндии до Кавказа. Наиболее часто детские туристические группы из Вятской губернии посещали Казань, Москву, Санкт-Петербург и Нижний Новгород. Например, в 1913 году группа учащихся старших классов Вятской мужской гимназии в количестве 30 человек экскурсантов и 3 сопровождающих (инспектор гимназии, преподаватель и врач) совершили образовательное путешествие по России. Выехав из Вятки по железной дороге в Пермь, юные туристы продолжили путешествие на пароходе по Каме до Казани и затем по Волге спустились до Астрахани. Далее по Каспийскому морю прошли на пароходе до Баку, где, пересев на железную дорогу, проехали по Кавказу, посетив Тифлис; потом сделали остановку в Крыму, в Ялте; затем проехали на Киевскую выставку и через Москву возвратились в Вятку [6, с. 3].

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие детского туризма в Вятском регионе в дореволюционную эпоху в целом шло в русле общероссийского процесса, но имело некоторые особенности. В Вятской губернии относительно поздно в сравнении с другими регионами появились общественные организации, способные вести туристско-экскурсионную работу с детской целевой аудиторией, они не успели достаточно развить свою деятельность до революции, поэтому организацией дальних поездок учащихся долгое время занимались отдельные учебные заведения и только после поступления соответствующих распоряжений «сверху». Дальние путешествия ученических групп ограничивались пределами европейской части Российской империи; поездок за рубеж учащиеся образовательных учреждений Вятского края не совершали. Несмотря на развитость речного сообщения и на то, что по территории губернии проходила Пермская железная дорога, въездной детский туристический поток в регион практически отсутствовал.

Литература

1. 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области : статистический сборник / Кировский областной комитет государственной статистики. – Киров : ГИПП «Вятка», 1996. – 437 с.

2. Баталова, Л. В. Детско-юношеский туризм в Удмуртии (1930-е – 1990-е годы) / Л. В. Баталова. – Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2012. – № 1. – С. 155–158.
3. Баталова, Л. В. История туризма в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века) / Л. В. Баталова, Г. В. Мерзлякова. – Современные проблемы сервиса и туризма. – 2011. – № 2. – С. 15–20.
4. Баталова, Л. В. Экскурсионная практика в учебных заведениях дореволюционной Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века) / Л. В. Баталова. – Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2012. – № 3. – С. 127–131.
5. Головин, В. На «Юге» России : Четвертая экскурсия воспитанниц Стахеевского Епархиального женского училища в Киев и Крым летом 1912 года // Вятские епархиальные ведомости. – 1913. – №№ 1–24.
6. Две экскурсии // Вятская речь. – 1913. – № 140. – С. 3.
7. Долженко, Г. П. История туризма в дореволюционной России и СССР / Г. П. Долженко. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского государственного университета, 1988. – 200 с.
8. Долженко, Г. П. История туризма в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации: 1696 г. – современность / Г. П. Долженко, Ю. С. Путрик. – Ростов-на-Дону : МарТ : Феникс, 2010. – 304 с.
9. Едидович, Л. В. Из истории детского туризма и краеведения в Самарском крае / Л. В. Едидович // Самарский край в истории России : материалы юбилейной научной конференции (06–07 февраля 2001 года). – Самара : ГБУК «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина», 2001. – С. 350–356.
10. Ильина, А. А. Развитие детского дореволюционного краеведения и туристско-экскурсионной деятельности в конце XIX – начале XX века в окрестностях Санкт-Петербурга / А. А. Ильина // Колпинские чтения по краеведению и туризму : материалы V Всероссийской с международным участием научно-практической конференции 24 марта 2022 года. В 2 частях. Часть II. – Санкт-Петербург : ЛОИРО, 2022. – С. 36–41.
11. Истомин, П. И. Туристская деятельность школьников : вопросы истории и методики / П. И. Истомин. – Москва : Педагогика, 1987. – 96 с.
12. Квартальнов, В. А. Орбиты «Спутника» : из истории молодежного туризма / В. А. Квартальнов, В. К. Федорченко. – Киев : Молодь, 1987. – 149 с.
13. Квартальнов, В. А. Туризм : история и современность : Избранные произведения : В 4 т. Т. 1. Кн. первая : Туризм – феномен XX века; Кн. вторая : Социальный туризм; Кн. третья : Иностраный туризм. – Москва : Финансы и статистика, 2002. – 512 с.
14. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения : в 10 томах / Н. К. Крупская ; под редакцией Н. К. Гончарова и др. ; Академия пед. наук РСФСР. Институт теории и истории педагогики. – Москва : Издательство Академии педагогических наук, 1957–1963.
15. Мерзлякова, Г. В. Организация ученических экскурсий в Крым в конце XIX – начале XX века (на примере Вятской губернии) / Г. В. Мерзлякова // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2015. – № 1. – С. 20–26.
16. Определение Святейшего Синода от 23–26 июня 1910 года за № 4886 по возбужденному Председателем Совета Министров вопросу об организации экскурсий учащихся церковных школ // Архангельские епархиальные ведомости. – 1910. – № 16. – С. 201–207.
17. Отчет Общества содействия начальному образованию за 1913-14 год. – Вятка, 1915. – 34 с.
18. По очагам культуры : новые темы для экскурсий по городу : методический сборник / под редакцией профессора И. М. Гревса. – Ленинград : Сеятель, 1926. – 168 с.
19. Помелов, В. Б. Видный деятель педагогической науки В. И. Фармаковский (к 170-летию со дня рождения) / В. Б. Помелов // Вестник Вятского гуманитарного университета. – 2012. – № 2–3. – С. 112–115.
20. Помелов, В. Б. Военно-патриотическое воспитание в 1-й Вятской мужской гимназии / В. Б. Помелов // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2. – С. 68–73.
21. Помелов, В. Б. Вятское губернское земское училище «для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления народных учителей» / В. Б. Помелов // Историко-педагогический журнал. – 2017. – № 2. – С. 129–146.
22. Помелов, В. Б. Просветители и педагоги-методисты Вятского края / В. Б. Помелов. – Киров : ВятГУ, 2019. – 174 с.
23. Усыскин, Г. С. Очерки истории российского туризма / Г. С. Усыскин. – Москва ; Санкт-Петербург : Издательский дом Герда, 2007. – 207 с.
24. Учебный отчет по Глазовскому низшему сельскохозяйственному училищу за 1913/1914 учебный год и технический – за 1913 г. – Глазов, 1914. – 247 с.
25. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 205. Оп. 2. Д. 2470. Л. 6.
26. ЦГАКО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2536. Л. 35.
27. ЦГАКО. Ф. 205. Оп. 4. Д. 3324. Л. 19.
28. ЦГАКО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 942. Л. 1–21.
29. ЦГАКО. Ф. 218. Оп. 1. Д. 34. Л. 18а.
30. Циркуляр министерства народного просвещения от 03.09.1901 № 23093 о книге «Образовательные прогулки с учащимися по России в 1894–1901 гг. Составитель Н. Р. Воронеж. 1901 г.» // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1901. – Сентябрь–октябрь. – Ч. CCCXXXVII. – С. 77–78.
31. Циркуляр министра народного просвещения попечителям учебных округов № 20185 от 02.08.1900 г. «Об отмене летних каникулярных работ учеников средних учебных заведений» // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1900. – Сентябрь–октябрь. – Ч. CCCXXXI. – С. 64–66.
32. Циркулярное предложение министерства попечителям учебных округов № 21600 от 15.08.1902 г. «О физическом воспитании учащихся» // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1902. – Сентябрь–октябрь. – Ч. CCCXXXIII. – С. 83–89.

L.V. Chebykina

SPECIFICS OF CHILDREN'S TOURISM DEVELOPMENT IN VYATKA PROVINCE AT THE TURN OF THE 19TH-20TH CENTURIES

The article is devoted to the history of children's tourism at the turn of the 19th – 20th centuries in Vyatka Province. The research is based on an extensive complex of sources: documents of the Central State Archive of Kirov Oblast, materials of the periodical press, school reports, etc. Based on the analysis of the factual material, objective and subjective prerequisites for the rapid development of children's tourism in the historical period under consideration are identified; regional features of this phenomenon are revealed.

Children's tourism, Pre-Revolutionary school, Vyatka Province, Kazan educational district.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ШАЛАМОВЕДЕНИЕ В 2023 ГОДУ: ОБЗОР МОНОГРАФИЙ

В обзоре рассмотрены монографии 2023 года, посвященные Шаламову: «Эволюция эстетических взглядов Варлама Шаламова и русский литературный процесс 1950–1970-х годов» Ксении Филимоновой, «Поэзия В. Шаламова: идейно-образные константы и художественная генеалогия (модернистский аспект)» Дарьи Кротовой, а также касающаяся Шаламова монография «Литература факта и проект литературного позитивизма в Советском Союзе 1920-х годов» Павла Арсеньева.

Шаламов, эстетические взгляды Шаламова, поэзия Шаламова, идейно-образные константы, художественная генеалогия, модернистский аспект, литературный позитивизм.

Жизнь и творчество Шаламова по-прежнему во многом остаются недостаточно проясненными исследователями. В архивах (и самого Шаламова, и других) немало нерасшифрованных рукописей, и на пути к читателям им необходима трудоемкая обработка. Семитомное собрание сочинений с минимальным комментарием нуждается в дополнениях. «Колымские рассказы» давно следовало бы издать как литературный памятник. Автобиографическим произведениям в последнее время удача улыбнулась. В 2017 г. в Вологде вышла повесть «Четвертая Вологда» с подробным комментарием в окружении других рассказов и стихов, посвященных детству и юности автора, раскрывающих истоки его духовного становления и воссоздающих атмосферу жизни Вологды начала XX века (составление, вступительная статья, комментарии В.В. Есипова). В 2021 г. в Перми издана книга «Вишера: рассказы, очерки, стихи». Здесь впервые представлены основная и другие редакции «Вишерского антиромана»; стихи, связанные с пребыванием на Северном Урале; основанные на вишерских темах произведения из «Колымских рассказов»; хроника пребывания Шаламова в Вишлага и соответствующие приложения (составление, вступительная статья, комментарии В.В. Есипова). «Шаламов» в ЖЗЛ переиздан трижды (2012, 2019, 2023), и материалы к биографии продолжают пополняться, в том числе в результате архивной работы автора – В.В. Есипова. Он же подготовил комментированное собрание стихотворений и поэм Шаламова в двух томах в «Новой библиотеке поэта» (2020). Регулярно (1994, 1997, 2002, 2011, 2017, 2023) выходят Шаламовские сборники. В 2023 году пришло время монографий.

В аннотации книги Ксении Филимоновой «Эволюция эстетических взглядов Варлама Шаламова и русский литературный процесс 1950–1970-х годов» сразу сказано о масштабности подхода: «Автор рассматривает почти тридцатилетний процесс эстетиче-

ской эволюции В. Шаламова, стремясь преодолеть стереотипное представление о писателе и по-новому определить его место в литературном процессе 1950–1970-х годов, активным участником которого он был» [6, с. 4]. Заявленной новизны определения места я не обнаружила. Читая книгу, понимаешь, что, живя в Вологде, стереотипно смотреть на Шаламова невозможно: все воспринимаешь непосредственно, вовлеченно. Практически каждый день под колокольный звон идешь мимо Шаламовского дома и Софийского собора, где служил отец Тихон. Зимой, глядя на крутые горки Кремлевской площади, вспоминаешь отважного Сергея Шаламова. В галереях и книжных магазинах прежде всего замечаешь «Четвертую Вологду». Начало автобиографической повести Варлама Тихоновича уже в памяти народной: «Есть три Вологды: историческая, краевая и ссыльная. Моя Вологда – четвертая» [7, с. 16]. Двухтомник поэзии разлетелся мгновенно, и большинство читателей, по-моему, смотрят много шире пресловутого «стереотипа восприятия Шаламова исключительно как автора мемуаров о репрессиях» [6, с. 8]. Взгляд на Шаламова «как “летописца Колымы”», стоящего в стороне от литературной и культурной жизни эпохи» (Там же) удивляет. Очевидно, что он «внимательно следил за литературным процессом, обсуждал проблемы творчества с авторитетными для него современниками, дискутировал с теми, кого считал равными оппонентами и интересными собеседниками» (Там же). Совсем уж не подготовленным читателям книга откроет на это глаза, но не думала, что издательство «Новое литературное обозрение» ориентировано на них.

Предложение всмотреться в «достаточно долгий – около тридцати лет – период эстетической эволюции писателя» продуктивно; вызывает интерес и условное деление на три этапа, «определенных историей страны» (Там же, с. 9). Определяется ли эволюция эстетических взглядов историей страны – небесспорный и

неоднозначный вопрос, но последовать за логикой автора любопытно.

Первым периодом Филимонова предлагает считать время от возвращения с Колымы в 1953 г. до публикации рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир» в 1962 г., когда у Шаламова появилась надежда. Этот период автор характеризует как «этап нового вхождения в литературную жизнь Москвы, начала активного записывания всего, что обдумывалось им долгие годы на Колыме, первых зафиксированных теоретических размышлений о литературе, подходов к описанию собственной эстетической позиции» [6, с. 9].

Второй период (1962–1968) – переходный от оттепели к застою, «время окончательного формулирования и постепенной радикализации взглядов на творческий метод в литературе “после позора Колымы”» (Там же, с. 10). Думается, что пока мы живы, нет ничего «окончательного», но не будем цепляться к словам. «Это этап активного сотрудничества в разных качествах с литературными журналами и постепенного разрыва с ними, дружбы и полемики с А.И. Солженицыным, активной переписки с множеством знакомых, друзей и значимых для Шаламова людей» (Там же).

Третий этап соотносится с 1968–1979 гг.: «Эпоха застоя, от ввода войск в Чехословакию и полного прекращения “оттепельных” послаблений в культуре и литературе до начала войны в Афганистане», «рассвет подпольной, параллельной государственному официальному творческой деятельности» (Там же). Для Шаламова это «время постепенного отхода от “колымской” проблематики, работа над мемуарами, биографическими очерками, историческими сочинениями, например об А.К. Воронском и Ф. Раскольникове, время размышлений о науке и экспериментов с жанрами: написание фантастической пьесы “Вечерние беседы”» (Там же).

Игнорирование поэзии мне представляется серьезным упущением. Двухтомник «Стихотворения и поэмы» вышел в 2020 г., и многочисленные открытия книги, привлечение рассмотренного во вступительной статье «Стихи после Колымы (поэтический дневник Варлама Шаламова)», в обширных примечаниях и комментариях В.В. Есипова способствовало бы прорисовке более целостной, объемной картины.

В отзыве на диссертацию Филимоновой Сергей Соловьев (в качестве оппонента) писал о том, что он бы скорее выделил не три, а два основных этапа: «“период надежд” (от возвращения с Колымы до провала попыток публикации “Колымских рассказов”), и “период разочарования” (от разрыва с кругом Н.Я. Мандельштам до дома инвалидов), отмечая также переходный период 1966–1968 гг.». Еще одна интересная и понятная точка зрения, но снова размышляешь о том, определяется ли эволюция *эстетических* взглядов надеждами и их утратой (творчество при этом продолжается). Очевидно, что и сама проблема, и вопрос о критериях периодизации творчества заслуживает обсуждения.

Задумываешься и над следующей мыслью: «Большинство работ о Шаламове исследуют поэтику и эстетику его художественного творчества. Меньше представлены исследования литературной биографии

Шаламова, документов, связанных с его литературными связями и эстетическими воззрениями» [6, с. 12]. Так ли это? «Опыт медленного чтения» Елены Михайлик – серьезный вклад в анализ поэтики «новой прозы». Шаламовские сборники свидетельствуют о непрерывной исследовательской работе в разных, но равно необходимых направлениях. Рубрикация сборников характерна: «Из литературного наследия», «Воспоминания о писателе», «Попытка осмысления» / «Статьи и исследования», «Шаламов на Западе». Непроясненного много, но едва ли «в “деле Шаламова” вопросов и белых пятен пока больше, чем ответов», как отмечает Филимонова (Там же, с. 15). Шаламовский сайт регулярно пополняется – процесс идущей работы и прояснения зрим.

В данном исследовании наиболее интересны первооткрывательские материалы – результат работы с архивом «Нового мира», Российского государственного архива литературы и искусства, еще не разобранной части архива О.С. Неклюдовой, интервью с С.Ю. Неклюдовым.

Первая глава «Двадцатые годы: рождение писателя» предельно краткая – 14 страниц. Ее рубрикация: Литературные сражения и «люди-университеты»; Варлам Шаламов и «Новый ЛЕФ»; Андрей Белый и Алексей Ремизов – предшественники Шаламова. Мы имеем дело с подборкой некоторых из хорошо известных фактов. В рецензируемой книге нет углубления в незнание – исключительно изложение того, что сформулировано самим Шаламовым ровно до того момента, как он замолкает («Утверждение о том, что он является наследником Белого и Ремизова, Шаламов более нигде не раскрывает и не комментирует» (Там же, с. 27)), некоторыми из исследователей. В этом плане монография Павла Арсеньева «Литература факта и проект литературного позитивизма в Советском Союзе 1920-х годов» (к ней мы еще обратимся) является действительно новаторской. В ней веские цитаты Шаламова подсвечены скрупулезной прорисовкой эпохи, и наше уточненное видение его творческого формирования обусловлено широкими фоновыми (по отношению к Шаламову) знаниями и глубинным проникновением в проблемы Арсеньева.

Вторая глава Филимоновой – «Начало оттепели: назад в литературу». В первом параграфе «Советская литература после смерти Сталина: обстоятельства появления “Колымских рассказов”» внимание привлечено к историко-культурному и литературному контексту. Основой повествования стали комментарии Шаламова – в основном из писем А.З. Добровольскому. Здесь кратко говорится о Втором съезде Союза советских писателей (декабрь 1954), отстранении от должности главного редактора журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского, выходе сборника «Литературная Москва» (1955), XX съезде Компартии (февраль 1956), книге В. Дудинцева «Не хлебом единым» как важной для Шаламова и – неожиданным впечатлении от фильма Э. Рязанова «Карнавальная ночь». С.Ю. Неклюдов в интервью рассказал: «Шаламов увидел в главном герое Дон Кихота, противостоящего всем...» (Там же, с. 41).

Во втором параграфе «Возвращение в литературный мир» автор включает в свой контекст рассмотре-

ния описание журналистского опыта Шаламова из ценных статей Анны Гавриловой.

Параграф «Разговор с Борисом Пастернаком о поэзии и прозе» предваряет параграф «Дискуссия о романе “Доктор Живаго”» с публикацией нового материала из РГАЛИ. Мартовское 1975 г. письмо Шаламова главному редактору журнала «Новый мир» С.С. Наровчатову с предложением подготовить публикацию переписки с Пастернаком (1954–1956) важно во многих отношениях. Упомяну только, что Шаламов обозначал свое видение Пастернака и излагал четыре возможных варианта публикации его семи писем: без комментариев, с очень кратким справочным материалом; публикацию всей переписки, включая собственные ответы; написание мемуаров о Пастернаке, куда вошли бы эти письма; семь писем плюс шаламовские записи, заметки, касающиеся Пастернака и предмета поэзии. Заказа на предложенную работу от «Нового мира» не поступило.

Отмечу, что в шестом Шаламовском сборнике это письмо опубликовал и прокомментировал В.В. Есипов [3]. Он указал, что это была вторая попытка Шаламова напечатать пастернаковские материалы. Для первой публикации Шаламов «избрал относительно безобидное в цензурном отношении письмо Пастернака Г.И. Гудзь, написав к нему свои примечания (комментарий)», и, по обоснованному предположению Есипова, думал Шаламов тогда о журнале «Вопросы литературы» (см. подробнее: [2, с. 74]). С Наровчатовым Шаламов «был хорошо знаком, считал его своего рода “земляком”, т.к. детство Наровчатова прошло в Магадане; к Наровчатову Шаламов обращался за рекомендацией в Союз писателей в 1972 г.» (рекомендовал его в конечном итоге Арсений Тарковский, Александр Межиров, Виктор Боков) [3, с. 140]. Такого рода насыщенные комментарии делают первую публикацию много более познавательными.

Параграф «Литература “после позора Колымы”»: рождение концепции» радуется публикацией двух архивных открытий. В плане сборника статей «Поэт и современники» видишь имена, привлёкшие Шаламова (Гейне, Салтыков-Щедрин, Некрасов и Белинский, Герцен, Блок, Томас Гарди, Кафка, Маяковский, Ксения Некрасова, Бунин, Шопен, Ибсен, Ремарк, Лафарг), думаешь о контексте предполагаемого рассмотрения, круге чтения, наконец. Исследовательских выводов традиционно нет: «Для чего предпринималась эта работа – установить невозможно» [6, с. 65].

Здесь же – публикация размышления Шаламова о природе социалистического реализма из черновика письма к свояченице Марии Гудзь от 7 января 1955 г. Соцреализм Шаламов не жаловал: «Если отбросить все притянутое за уши, случайное и наносное, докопаться до сути, наиболее точным будет следующая формулировка: социалистический реализм есть иллюстрация с помощью методов художественного творчества передовых статей газет» (Там же, с. 69).

Глава третья «Поздняя оттепель: несбывшиеся надежды» начинается с разговора о круге чтения и литературных связях Шаламова. Среди хорошо известного новым является интервью, взятое у С.Ю. Неклюдова («Быт Варлама Шаламова в конце 1950-х – начале 1960-х годов и работа в журнале “Новый мир”»), и

сюжет с появлением Шаламова в передаче «Новые книги» на первом канале советского телевидения. Представлено и прокомментировано письмо жене – О.С. Неклюдовой от 9 мая 1962 г. с рассказом о подготовке к важной для Шаламова съемке.

Параграф о его работе внештатным корреспондентом в «Новом мире», безусловно, важен. Благодаря публикации 2019 г. в «Новом мире» мы уже имели возможность познакомиться с этими ценными находками. В приложения вынесены рецензии на высоко оцененную Шаламовым повесть автобиографического характера А.П. Чигарина «Всюду жизнь» (о десятилетнем заключении репрессированного врача Пескова – с 1941 по 1951 гг., причем большую часть срока он проработал в женском лагере с роженицами) и на произведения самодельных авторов, поступавших в редакцию журнала в 1959–1964 гг. Казалось бы, литературная поденщина на чтении «самотека» (по колымской тематике) была способом заработка, и вместе с тем эти подробные внутренние рецензии Шаламова ярко демонстрируют его бескомпромиссный вкус, строгие требования к претендующим на авторство, взгляды на литературный процесс.

В параграфе о Шаламове и Солженицыне важна сама постановка вопроса: «противостояние метода и эстетических позиций» [6, с. 98]. Из ценных архивных находок мы видим два письма Шаламова О.С. Неклюдовой из Солотчи, где ничто не свидетельствует о напряженности отношений, не говоря уже о конфликте. В письме от 17 сентября чувствуется неподдельное удовлетворение происходящим: «Здесь мне дышится хорошо (а тебе дышалось бы отлично)»; «Я начал кое-что писать из мелочей (вроде “Двадцатых годов”» (с. 104). Казалось бы, Шаламов тонко ощутил уязвимость хозяина дома: «Александр Исаевич работает очень напряженно и помногу над новой повестью. Он, конечно, гораздо организованнее меня, и оказывается, нервнее, вскакивает ночью на каждый скрип, каждый стук. А я, залопав с вечера две таблетки барбамила – проснулся по-московски» (Там же, с. 104).

В письме от 21 сентября 1963 г. появляется нетерпение: «Всего (или уже) пять дней как я уехал – должны же быть новости, движение в делах» (Там же, с. 105). При этом раздражения нет – есть душевное спокойствие: «Мне здесь живется очень хорошо и очень интересно. Огромная сосна подходит прямо под окно, превращая здешнее жилье в подобие садов Платона – о многом мы поговорили» (Там же).

Когда, как произошла эта кардинальная перемена, о которой свидетельствовал С.Ю. Неклюдов? – «Когда Варлам Тихонович приехал из Солотчи, куда его пригласил для совместного отдыха Солженицын, у него были белые от ярости глаза: тот образ жизни, тот ритм, тот тип отношений, которые были предложены Александром Исаевичем, оказались для него абсолютно неприемлемыми» (Там же, с. 103). Выяснить это исследователь не пытается.

Параграф «“Эмоционально окрашенный документ”: развитие идеи» углубляет в осознание особенностей прозы Шаламова, и снова – *его* осмысления и описания своего художественного метода.

В четвертой главе «Советский застой: в Союз писателей или на Запад?» бегло (на 32-х страницах) за-

тронуты темы литературы застоя внутри и вне поля зрения Шаламова, разгрома «Нового мира», положения Шаламова между официальной и подпольной литературой, проблема западных публикаций, Шаламова в контексте лагерной прозы и мемуаристики, направления его творческих поисков в 1970-е годы, записей о Есенине, науки и литературы. Общий вывод характерен для автора книги: «Наследие Варлама Шаламова содержит большое количество документов, свидетельствующих о его постоянной работе над некоторыми вопросами литературы. Исследованные записи о прозе позволили расширить представление о воззрениях Шаламова на литературу, их основаниях, описать литературный генезис писателя и проследить его реакции на историко-культурный контекст. Более подробного рассмотрения в рамках отдельных исследований заслуживает тема науки у Шаламова, нуждаются в расшифровке и анализе эпистолярное наследие из архива О.С. Неклюдовой, а также ряд записей позднего периода» [6, с. 159].

Самостоятельное исследование об эволюции эстетических взглядов, на мой взгляд, впереди. В данной работе ученический характер письма не позволяет выйти на должный уровень обсуждения. При чтении ощущаешь, что некоторые из затронутых аспектов в других исследованиях обсуждались шире, глубже, дискуссионнее. Стремление обойти острые углы подчас контрастно абсолютной шаламовской самоотдаче. При этом К. Филимонова, действительно, внесла свой вклад – открыла новые страницы, «восстанавливая круг чтения Шаламова в разные годы, его литературные связи, восприятие современной литературы, контакты с литературными журналами или издательствами» (Там же, с. 12).

Автор второй монографии обзора – Д.В. Кротова, доктор филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ. Ее работа «Поэзия В. Шаламова: идейно-образные константы и художественная генеалогия (модернистский аспект)» свидетельствует о хорошем знании не только исследуемого автора, рассматриваемых проблем, но широком кругозоре в целом. Во введении дан ценный обзор предшествовавших трудов, в библиографии – 520 источников, непосредственно связанных с Шаламовым и темой работы.

Дарья Владимировна справедливо отмечает, почему именно нынешняя эпоха становится временем подлинного научного осмысления поэтического наследия Шаламова: «Только исследуя архивные материалы и обращаясь к текстам, вошедшим в двухтомное издание 2020 г., литературовед может охватить поэтическое наследие в его единстве, истинном объеме и исключительно содержательной глубине» [4, с. 519].

Прежде чем приступить к целостному анализу идейно-образных констант поэзии Шаламова, автор рассматривает вопрос о понимании Шаламовым целей, задач, назначения искусства (этот параграф – своеобразное продолжение работы Филимоновой) и приходит к выводу о единстве мировоззренческой и эстетической концепции на протяжении всего творчества, неоправданности разговора о радикальном из-

менении взглядов поэта и писателя [4, с. 519–520]. Подчеркнута трагичность жизнеощущения Шаламова: «Трагическое становится важной категорией мышления поэта, но оно никоим образом не равно пессимистическому, мрачному и безысходному <...> Творчество Шаламова доказывает, что трагическое мировосприятие может иметь глубоко конструктивный пафос и обладать значительным созидательным пафосом» (Там же, с. 520).

В первой главе изучены образно-содержательные составляющие шаламовской поэзии: художественное осмысление жизни как целостности, понимание мира природы и взаимоотношений природы и человека в мировосприятии Шаламова (исследована связь с тючевской традицией), тема памяти (память как главный содержательный ресурс творчества Шаламова, моральные аспекты категории памяти, диалектика спасительного и разрушительного действия памяти, тема забвения), поэтика телесности в лирике, феномен любовной поэзии. Выявлены и проанализированы ключевые образы-символы. Особое внимание уделено метафоре тепла, символике времен года, света, гастрономическим образам в контексте художественных традиций Серебряного века, а также роли, значению, многоаспектному истолкованию образа камня (от горной породы до могильной плиты).

Отмечу, что в заключении, подводя итоги, Кротова не ограничится обобщением описанного, но подходит к рассмотренному в первой главе уже под другим углом зрения – с точки зрения логики организации макроцикла «Колымские тетради», общей направленности образного движения «от локальности к всеохватности». Там же, в заключении, сформулированы выводы относительно поэтики Шаламова: проанализированы особенности его художественного мышления и поэтической интонации, присущая ему диалектика традиционного и новаторского. Особое внимание уделено специфике его взгляда на рифму, роль рифмы в процессе творчества, отношение к свободному стиху. Прокомментирована работа Шаламова в области поэтической лексики, например, использование длинных, многосложных слов («Поэзия – не дело вкуса! – / Квалифицированнейший труд, / В наисегодняшнем искусстве / Представленный на строгий суд / Сегодняшних, а не грядущих / Искателей живой воды...») (Там же, с. 531), научной лексики и метафоричности (медицинские метафоры в таких стихотворениях, как «Нитроглицерин», «Стихи – это боль и защита от боли...»). Синтаксис Шаламова оценен как в достаточной мере традиционный. Выявлено ироническое осмысление духа времени через призму синтаксиса: «Страстный слог витиеватый / Давно уж нам не по нутру»; «Нам лишь бы думать покороче»; (мы) «заменяли разъяснения / Многозначительным тире»; «Зато в обилье восклицаний / Вся наша доблесть, наша честь. / Мы не заслужим порицаний / За восклицательную лесть» (Там же, с. 535). Уделено внимание размышлениям поэта о длинных и коротких стихотворных размерах, звуковом облике стиха, звуковых повторах, на которых зиждется ткань стиха.

Во второй главе специфические особенности об-разного мира и поэтики Шаламова рассмотрены в соотнесении с его художественной генеалогией. Кро-

това демонстрирует, как в художественном мышлении Шаламова преломляется импульс модернизма: в первом разделе – символизма, и прежде всего А. Блока; во втором – акмеизма (Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Ахматовой). О скрещении поэтических судеб с Б. Пастернаком и родстве и полярности художественных миров с М. Цветаевой говорится в третьем разделе (их автор относит к поэтам вне школ и направлений). Критерии рассмотрения преломления художественных традиций обусловлены сферами пересечений рассматриваемых индивидуальностей. Отмечу академическую структурированность каждого из разделов, вдохновенность письма, смелость прочтения, тонкость анализа, объемность рассмотрения. Речь идет не только о перечисленных поэтах, но много шире – от И. Анненского до И. Бродского, включая З. Гиппиус, С. Есенина, В. Маяковского и др. Прежде чем приступить к рассмотрению каждого из авторов, Кротова делает обзор значимых мемуарно-биографических и научных текстов, выделяет основные концептуальные линии осмысления. Важно, что к исследованию привлечены не только изданные стихотворения Шаламова, но и архивные материалы РГАЛИ: неопубликованные тексты, черновики, варианты. Сферичность такого рода рассмотрения строк, их вариативности, видение всего спектра замысла поэта привлекательны и плодотворны.

Вывод Кротовой закономерен: «Шаламов-поэт – одновременно и яркий новатор, и один из наиболее последовательных продолжателей традиций Серебряного века в культуре XX века» [4, с. 541]. Убедительность раскрытия критериев новаторства на фоне традиции – одно из главных достоинств книги. Кроме того, получаешь удовольствие от комментариев, замечаний творческого исследователя, даже если ей в какой-то момент свои мысли начинают казаться рискованными, как, например, об анаграмматической связи инициалов автора и названия сборника «Высокие широты» (ВШ): «Вполне допустимо предположение, что эта связь случайна и не была запланирована автором. Но нельзя исключить, что автор эту связь видел и отразил осознанно. В любом случае название “Высокие широты” оказывается глубоко символическим и заключает в себе сложный и многомерный смысловой ряд» (Там же, с. 306). Небоязнь рискованности мышления, широкое видение и профессиональное обоснование связей, выявление и раскрытие сложностей и многомерностей – явное достоинство книги.

По прочтении этих книг я открыла для себя еще один взгляд на Шаламова – в контексте советской литературы факта. Монография «Литература факта и проект литературного позитивизма в Советском Союзе 1920-х годов» Павла Арсеньева, доктора наук Женева университета, посвящена не собственно Шаламову. В центре исследования – фигура Сергея Третьякова и реализуемая им программа производственного искусства в области литературы. Шаламов рассматривается там и тогда, где и когда его биографическая и концептуальная траектория подходит вплотную и соприкасается с третьяковской своей смежной и вместе с тем противопоставленной практикой [1, с. 438]. Начало нашего интереса – именно

1920-е, когда Третьяков стал теоретиком «Нового ЛЕФа», Шаламов – студент юридического факультета Московского университета, деятель левой оппозиции и начинающий писатель. «Во всех этих пунктах его биография совпадает с биографией Третьякова со сдвигом на дюжину лет»: «Третьяков учится на том же факультете с 1913 по 1916 год, где сближается с эсерами, а также начинает публиковаться как участник эгофутуристической Центрифуги, уже в двадцатилетнем возрасте общается с Мейерхольдом и Маяковским» (Там же, с. 433).

Шаламовская характеристика хорошо известна: «Третьякова я знал по статьям, по выступлениям, по пьесам, по журналистике. Роль его в левовских делах двадцатых годов была велика. <...> Третьяков был рыцарем-пропагандистом документа, факта, газетной информации. Его влияние в “ЛЕФе” было очень велико. Все то, за что Маяковский агитировал стихами – современность, газетность, – шло от Третьякова. Именно Третьяков, а не Маяковский, был душой “ЛЕФа”. Во всяком случае, “Нового ЛЕФа”» (цит. по: [1, с. 433]).

Для Арсеньева фактография – один из методов «большой документальной доктрины», куда входит «новая проза» Шаламова – продолжателя авангардистского проекта. В свое время, когда молодой поэт пришел в редакцию «Нового ЛЕФа», ему были готовы поручить задание – написать заметку «Язык радиорепортера». Шаламов отверг это приглашение в самый центр актуальных дебатов футуристов о новых медiateхнических условиях существования слова, но приобщение традиции состоялось.

Читая монографию, еще раз убеждаешься, насколько Шаламов наследует ЛЕФу и интернациональному авангарду в целом, убеждениям или ощущениям героев того времени, например, Шкловскому («Мое убеждение, что старая форма, форма личной судьбы, нанизывание на склеенного героя, сейчас не нужна. <...> Большие романы, эпические полотна сейчас никому не нужны» (цит. по: [1, с. 189–190])); Маяковскому («Проза уничтожилась из-за отсутствия времени на писание и чтение, из-за недоверия к выдуманному и бледности выдумки рядом с жизнью» (цит. по: [1, с. 199])). С другой стороны, понимаешь, насколько лагерный опыт Шаламова (с учетом пройденной им школы ЛЕФа) изменяет древний топос авторов, пишущих своей кровью: «Собственная кровь – вот что *сцементировали* фразы “Колымских рассказов”. Выстрадавшее собственной кровью входит на бумагу как *документ души*, преображенное и освещенное огнем таланта» (цит. по: [1, с. 441]).

Книга позволяет ощутить широту шаламовской эрудиции, характер его мышления в левовско-формалистских категориях со свойственными им приемами материала и конструкции, фактов и монтажа. Мы имеем дело именно с исследовательским подходом Шаламова, последовательным обнаружением его формальной искусственности, риторической осведомленности. Шаламов пользуется практикой и фразеологией предшественников, при этом степень его освоения и переосмысления всегда значительна.

Любопытен и ценен сам взгляд на Шаламова как на «позднего, возможно закрывающего представителя

традиции *литературного позитивизма*» [1, с. 442–443], на «Колымские рассказы» как на продолжение «эпистемологической традиции *литературного позитивизма* после ее смерти», «формы ее послезития» (Там же, 443). (Арсеньев пользуется вариантами написания слова: литературный *(пост)позитивизм* и *постпозитивизм* (Там же, с. 446)). Отказавшись выполнить задание по языку радиорепортеров, Шаламов позже обнаружит «свою дискурсивную инфраструктуру, по которой он сможет пройти первый, как по “первому снегу”» (Там же, с. 472). Дискурсивную инфраструктуру Третьякова Арсеньев определяет как «литературу факта высказывания», катастрофическую модификацию Шаламова – «литературу чрезвычайно положения» (Там же, с. 473).

Таким образом, каждая из монографий и все они в целом открывают читателям и исследователям Шаламова разные грани его личности и творчества. То, что нас не удовлетворило, скажем, в первой главе книги Филимоновой, находит продолжение в двух других работах, и исследование Арсеньева, безусловно, проливает качественно иной свет на рождение Шаламова как писателя. Отрадно и то, что авторы стали хорошими пропагандистами своих исследований. К. Филимонова и пиар-менеджер издательства «Новое литературное обозрение» Денис Маслаков обсудили книгу в Zoom-разговоре с профессором Еврейского университета в Иерусалиме Леоной Токер и историком, руководителем проекта «Shalamov.ru» Сергеем Соловьевым. Размышления этих заслуженных специалистов, на момент записи уже познакомившихся с

книгой, чрезвычайно интересны [5]. Д. Кротова представила монографию на традиционном вечере памяти Шаламова в Вологде в январе 2024 г.

Литература

1. Арсеньев, П. Литература факта и проект литературного позитивизма в Советском Союзе 1920-х годов / П. Арсеньев. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 552 с.
2. Есипов, В. В. Комментарий к письму Б. Пастернака 7 марта 1953 г., адресованному Г. И. Гудзь / В. В. Есипов // Шаламовский сборник. Выпуск 6 / составитель и редактор В. В. Есипов. – Москва : Летний сад, 2023. – Вып. 6. – С. 73–85.
3. Есипов, В. В. Письмо С. С. Наровчатова о публикации материалов о Б. Пастернаке (1975) / В. В. Есипов // Шаламовский сборник / составитель и редактор В. В. Есипов. – Москва : Летний сад, 2023. – Вып. 6. – С. 140–143.
4. Кротова, Д. В. Поэзия В. Шаламова: идейно-образные константы и художественная генеалогия (модернистский аспект): монография / Д. В. Кротова. – Москва : МАКС Пресс, 2023. – 576 с.
5. Презентация книги Ксении Филимоновой «Эволюция эстетических взглядов Варлама Шаламова». – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nWYovWu8v7k> (дата обращения: 06.07.2024). – Текст : электронный.
6. Филимонова, К. Эволюция эстетических взглядов Варлама Шаламова и русский литературный процесс 1950–1970-х годов / К. Филимонова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 232 с.
7. Шаламов, В. Т. Четвертая Вологда : повесть, рассказы, стихи / В. Шаламов ; [составитель, ответственный редактор, автор вступительной статьи и комментарии В. В. Есипов]. – Вологда : Древности Севера, 2017. – 271 с.

L.V. Egorova

SHALAMOV STUDIES IN 2023: A REVIEW OF MONOGRAPHS

In this review the monographs of 2023 devoted to Shalamov are under consideration: Ksenia Filimonova’s “The Evolution of Varlam Shalamov’s Aesthetic Views and the Russian Literary Process of 1950s–1970s”, Daria Krotova’s “Poetry by V. Shalamov: Conceptual and Imaginative Constants, Artistic Genealogy (Modernist Aspect)”, and Pavel Arsenyev’s monograph connected with Shalamov – “Literature of Fact and the Project of Literary Positivism in the Soviet Union of the 1920s”).

Shalamov, Shalamov’s aesthetic views, Shalamov’s poetry, conceptual and imaginative constants, artistic genealogy, modernist aspect, literary positivism.

Л.Л. Ефремова

Государственный архив Вологодской области

ПИСЬМА И.В. ЛЫЦОВА В.И. БЕЛОВУ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Материал представляет публикацию двух писем поэта, публициста Ивана Васильевича Лыцова другу-писателю Василию Ивановичу Белову, хранящихся в фондах Государственного архива Вологодской области. Письма помогают представить образ литератора, который на протяжении нескольких десятилетий общался с нашим земляком.

Писатель, русская литература, И.В. Лыцов, В.И. Белов, письма, архив.

Двадцать с лишним лет назад В.И. Белов доверил Государственному архиву Вологодской области хранить часть своего документального наследия. Был сформирован личный фонд писателя (№ Р-5134), большую часть которого составляют письма В.И. Белову известных деятелей российской культуры: писателей, литературоведов, художников, композиторов, скульпторов, актеров, режиссеров, ученых. В фонде писателя насчитывается 620 единиц хранения (дел), 406 из которых составляют письма. А это более 2000 документов.

Есть среди них весьма редкие материалы. Так можно сказать о письмах советского поэта и публициста И.В. Лыцова (1934–1994). В год 90-летия со дня рождения и 30-летия со дня смерти Ивана Васильевича публикуем его письма Василию Ивановичу Белову, проливающие свет на судьбу адресанта и расширяющие дружеские контакты адресата.

Письма написаны с перерывом в шестнадцать лет¹. Первое письмо датировано 22 февраля 1973 года, второе – 30 октября 1989 года. Следует указать способ написания данных документов. Согласно архивной терминологии – это автограф: рукописный текст, написанный автором собственноручно. Документы И.В. Лыцова сегодня редко можно встретить в архивных фондах. Для исследователей личной и творческой судьбы писателя важна любая подробность. Раннее письмо написано черными чернилами, второе – синей шариковой ручкой. Почерк ровный, разборчивый, легко читаемый, более мелкий в первом документе, в последнем заметно укрупняется. Письма написаны без единого исправления, имеют четкую структуру: делятся на абзацы, имеют приветствие, вступление, основное содержание и подпись. Данные документы большие по объему. Это 1 и 2 листа белой нелинованной бумаги формата А4, исписанные с обеих сторон. Сохранность их удовлетворительная.

Фрагмент переписки Ивана Васильевича с Василием Ивановичем 50-летней (от первого документа) давности хранится в ГАВО двадцать четыре года. За

это время она никем не изучалась, о чем свидетельствует лист использования архивного документа, не имеющий помет.

Эти редкие рукописные документы представляют эпистолярный портрет И. Лыцова: вежливого собеседника, доброжелательного к своему адресату – «милому», «драгоценнейшему», «Василию Ивановичу», «Васе», «Василию», «писателю земли русской», «однокурснику»², с которым автор намерен поддерживать «творческие и дружеские контакты». Он ценит Белова как «высшего судью и совесть» и доверяет ему оценивать свои поэтические труды.

Письма проливают свет на литературные сочинения автора. В феврале 1973 года Иван Васильевич посылал Василию Ивановичу «свои новые книжки» и советовал: «...сперва читай “Узы”. “Стезя” – продолжение. В июне вышло новую книжку – “Весть”». В 1989 году автор сообщал о выходе в будущем 1990-м году новой книги своих стихов «Лунница» в издательстве «Советский писатель», а в 1991-м году – книги переводов лирики аварского писателя Гаджи Газимирзоева «Прими гостя». Последний факт свидетельствует о том, что литератор профессионально занимался переводами (см. об этом, напр.: [2, с. 91]). Последнее издание не учтено в библиографических указателях литературы, посвященной жизни и творчеству поэта и публициста.

Как следует из писем, большая их часть – обращение к Белову с просьбами о помощи, но не себе, а соратнику по перу писателю Вячеславу Васильевичу Горбачеву и скульптору Федору Васильевичу Викулову. Вероятно, автор писем хорошо знаком с миссией Василия Ивановича помогать нуждающимся. О служении Белова людям писала ученый Э.Л. Трикоз: «Белова называли “слугой народа”, и он буквально понимал значение этого словосочетания...». Люди «просили конкретной помощи, советов, поддержки, просто рассказывали о своей нескладной жизни. И удивительно, Василий Иванович никогда не спешил, никого из них не торопил. Слушал» [1, с. 127].

¹ Данные о хранении: ГАВО. Ф. Р-5134. Оп. 1. Д. 218.

² В.И. Белов и И.В. Лыцов в 1964 году окончили Литературный институт им. А.М. Горького.

Сохранившийся фрагмент переписки И.В. Лысцова с В.И. Беловым можно считать важным, он демонстрирует характер отношений двух людей, сохранивших теплое общение и взаимное уважение друг к другу. Письма Ивана Васильевича расширяют знания о беловском окружении, добавляя еще одну историю о дружбе классика с самобытным русским поэтом и публицистом, которая длилась более трех десятков лет.

Оба письма публикуются по оригиналам, хранящимся в Государственном архиве Вологодской области с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей источника.

ПИСЬМО И.В. ЛЫСЦОВА от 22.02.1973 г.

Дорогой Вася!

До сих пор помнится наша мимолетная встреча в ЦДЛ. Прошел, видимо, год, а словно бы – час... Шлю тебе в дар обещанные тогда две свои новые книжки. Вася, ты для меня высший суд и совесть: прочти и отпиши самую честную правду. Постегай меня покрепче – мне это лишь на пользу. Не сейчас, так в будущей работе все учтется... Сперва читай «Узы». «Стезя» – продолжение. В июне вышло новую книжку «Весть».

И еще, милый Василий Иванович, у меня к тебе сокровенная просьба как к писателю земли русской. Есть у меня в Москве хороший товарищ. Конечно, твоя поэтичная и социальнейшая проза – для меня самая первая, самая главная любовь. Но я прочел «По зрелой сенокосной поре» Вячеслава Горбачева, и увидел, что он очень близок тебе, особенно в заглавном рассказе. В «Земном поклоне» сильно чувствуется «Жизнь Арсеньева» Бунина, но есть в этой вещи и много личного, авторского, горбачевского. «Испытание на молодость» и вовсе уже самостоятельная штука. А главное, как ты убедишься, должно быть, человек он талантливый. Он еще вовсе молод – с 1941 года рождения, орловский, русак, хотя и похож на фото (из-за очков и печати) на францулика. Молод, а дорого ему все то, что и нам с тобой.

Слава работает зам. гл. редактора комитета по печати РСФСР. Он боится, что его при приеме в СП забодают уже потому, что этот комитет здесь ненавидят наши антиподики. Однако, не думай, что он обращается к тебе как чиновник – человек скоро оттуда уходит на вольные хлеба: творческая пора подошла, надо лет 5-7 побыть на творчестве.

Милый Вася, ради бога, умоляю, наберись терпения, прочти, полюбуйся, что и как молодые пишут. И благослови его в Союз. Рекомендую тебе ото всего чистого сердца. А тебя прошу об одном – рекомендуй его в Союз. Твое имя веско и любимо в Москве. А тебе бог за это прибавит и лет, и радостей, и твоего могучего и светлого таланта.

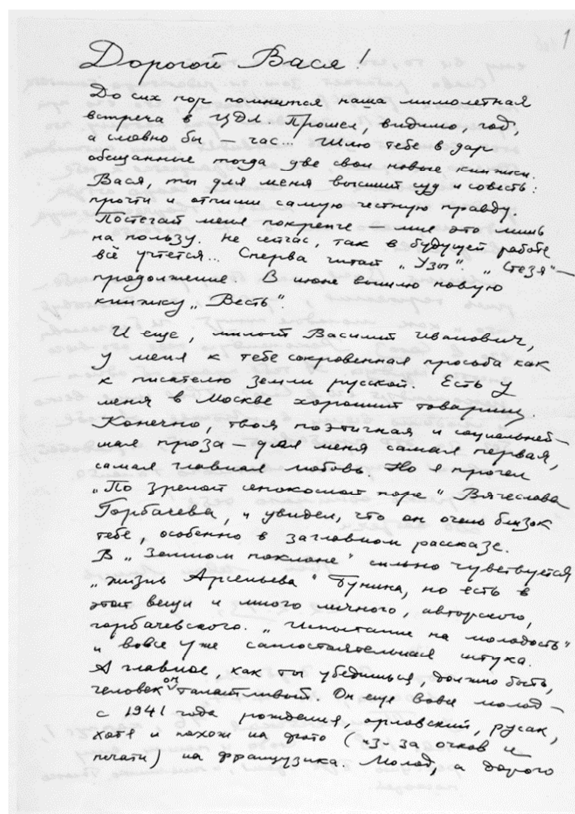
Крепко обнимаю тебя!

До встречи.

Твой Иван Лысцов

22.2.73 г.

Адрес Вяч. Горбачева: Москва, Ж-444, Ул. Ташкентская, 16, корпус 1, Кв. 108. Сюда и пошли ему рек-цию. Буде время, и письмишко. Только поскорей.

Страница рукописи, 1973 г.

ПИСЬМО И.В. ЛЫСЦОВА от 30.10.1989 г.

Дорогой Василий Иванович!

Доставил Вам два письма от Федора Васильевича Викулова (одно – для передачи до 3.11.89 Борису Николаевичу Ельцину, ибо 7-го 11 у просителя назначена встреча в его приемной в Москве). Он приложил проспект-путеводитель по своей прошлой выставке и корреспонденцию о нем в газете «Моск. связист» (в моем авторстве).

Василий! Умоляю: вникни в беду, в которой оказался наш талантливейший ваятель-патриот; его согнал из 12-метровой комнаты сосед, и больной 70 летний скульптор вынужден влачить свои остатные денечки в своей переполненной работами мастерской. В исполкоме Ленинградского районного совета Москвы над скульптором-фронтовиком, инвалидом 2 группы буквально издеваются, требуя представить справку о 40-летней прописке (проживании в Москве), чтобы поставить на очередь для улучшения его жил. условий. Черкни в этот исполком свою записку о прочтении жалобы ветерана войны и члена Союза художников, о недопустимости дальнейшей волокиты с предоставлением ему и жене его нормальной квартиры, полагающейся творческому работнику и фронтовику. Ведь умрет человек, жена его Екатерина Ивановна Викулова вовсе останется беззащитной, в плену у хулиганствующего соседа-осетина.

Он боится также, что после его смерти окажутся вышвырнуты на помойку и все его работы – скульптурные образы (их всего около 700) славных сынов и дочерей России, в т.ч. и народного депутата и любимца читающей Руси Василия Ивановича Белова...

Так что, мы здесь, в Москве должны побеспокоиться и об организации музея произведений скульптора Ф.В. Викулова (прочти, пожалуйста, мой материал о нем в газете...)

Может быть, найдешь, действительно, время посетить мастерскую Федора Васильевича (метро Динамо, выход к б-це Боткина, через территорию стадиона прямо на В. Масловку, 9, к городку художников). Я бы помог найти его...

Сердечный привет тебе и благодарность за «Кануны», которые она с упоением прочитала, от моей жены Валерии (Григорьевны), истинной и доброй, по-настоящему, моей помощницы и супружницы. Приглашаем тебя в гости: 117415, Москва, проспект Вернадского, 45, кв. 7 (код 126) тел. 431-09-79. В 200 м от метро «Проспект Вернадского» (прямая линия от г-цы «Москва»). Может быть, найдешь часок навесить однокурсника? Во всяком случае, позвони, Вася. Я буду ждать твоего звонка. Ведь нам есть о чем поговорить. Здесь, в Москве, друзей у меня нет. А мы с тобой как-никак, были в институте в одном «Союзе лаптежников», помнишь? (Я, ты, Л. Мерзлякин?). Да и Федор Васильевич ждет твоего звонка: передали ли тебе бюстик в его исполнении?

Его тел.: 212-51-87. Будь добр, обрадуй Федора Вас., откликнись.

На этом закругляюсь. Бегу в «Сов. Писатель» (здесь в 1990 г. издается моя новая книга стихов «Лунница», а в 1991-м – книга переводов лирики аварца Гаджи Газимирзоева «Прими гостя»; по выходу их пришло тебе с дарственными автографами). Вообще, я считаю, что пришло время наладить нам с тобой творческие и чисто дружеские контакты. Или ты другого мнения на этот счет?

Драгоценнейший Василий! Ты на большом теперь виду – от программы «Время» до публикаций и фотографий твоих в прессе (Ф.В. восторгается твоей речью: в «Нашем совр-ке», – произнесенной на сессии Верх. Совета. Я же прочел в «Лит. России», и того же мнения, что и наш общий друг – скульптор). Но не надо бы забывать и давешних однокашников по Дому Герцена. Ведь жизнь-то, по существу, уже прожита... 19.10. мне стукнуло 55 лет!

Обнимаю и желаю великих деяний на благо России, счастья и здоровья!

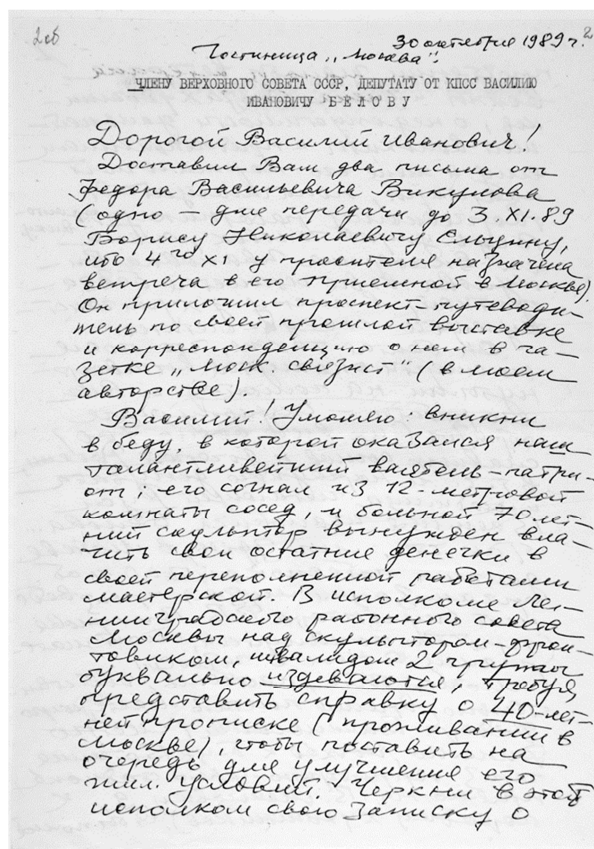
Твой Иван Лысцов.

L.L. Efremova

LETTERS OF I.V. LYSTSOV TO V.I. BELOV IN THE FUNDS OF THE STATE ARCHIVE OF VOLOGDA OBLAST

The article deals with two letters of the poet and publicist Ivan Vasilyevich Lystsov to his friend and writer Vasily Ivanovich Belov, stored in the funds of the State Archive of Vologda Oblast. The letters help to understand the personality of I.Lystsov who had been communicating with V.Belov for several decades.

Writer, Russian literature, I.V. Lystsov, V.I. Belov, letters, archive.

Страница рукописи, 1989 г.

Литература

1. Трикоз, Э. Л. Значимость подарков для писателя: о некоторых ценных предметах из коллекции Музея-квартиры В. И. Белова / Э. Л. Трикоз // Литературные музеи в контексте истории и культуры: Всероссийская научная конференция под эгидой Ассоциации литературных музеев Союза музеев России (Москва, 2–3 июня 2018 г.) : сборник статей / ГМИРЛИ им. В. И. Дала. – Москва : Литературный музей, 2019. – С. 127–128.
2. Шталь, Е. Н. «Родившийся в хибинской стороне...» / Е. Н. Шталь // Тетта. – 2014. – № 2 (28). – С. 88–91.

В.Я. Иванова

г. Ангарск

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАССКАЗ В. РАСПУТИНА «САМОЛЕТИК» (1966)

Рассказ В. Распутина «Самолетик» неизвестен. Его нет ни в одном из трех биобиблиографических указателей о творчестве писателя. Опубликован рассказ один раз, в газете «Знамя коммунизма» г. Ангарска Иркутской области, под настоящим именем автора. В этот город А. Вампилов и В. Распутин приезжали для литературной работы. В контексте раннего и зрелого творчества писателя в статье анализируются художественные время и пространство, образ города, образ главной героини данного произведения. Рассматриваются причины, по которым писатель не включал его в сборники и словно забыл о нем. В статье дается сравнительный анализ поэтики рассказа В. Распутина «Самолетик» и пьесы А. Вампилова «Утиная охота», написанных в одно время в Ангарске. Рассказ «Самолетик» необходимо ввести в распутиноведение как логическое звено творческой эволюции писателя.

Художественное время, художественное пространство, мотив последнего срока, образ города, А. Вампилов, «Утиная охота».

Рассказ «Самолетик» [27] неизвестен в литературном наследии В. Распутина. Опубликован рассказ один раз, в газете «Знамя коммунизма» г. Ангарска Иркутской области, под настоящим именем автора. Этого произведения нет в трех биобиблиографических указателях о творчестве писателя (1986; 2007; 2017) [3; 4; 18]. Обошли вниманием рассказ исследователи. Да и сам автор словно забыл о нем, не включив ни в один сборник своих произведений.

Рассказ написан в Ангарске и, скорее всего, об Ангарске в пору совместных с А. Вампиловым творческих поездок. Сюжет держится на центральном образе города-новостройки. В нем мог быть запечатлен и Ангарск, и Братск. В феврале – марте 1960 г. Распутин побывал в Братске на строительстве ГЭС по заданию «Советской молодежи», о чем свидетельствует ряд публикаций [20; 19; 28; 23; 25; 24]. «Большим сибирским городом, знаменитым на всю страну своими стройками» [27, с. 4] в 1966 г. мог быть и тот, и другой город. Но близость к аэропорту с прямыми авиалиниями «Иркутск – Ленинград» предполагает в качестве прототипа только Ангарск.

Возможно, рассказ был создан по просьбе редакции газеты «Знамя коммунизма», с ответственным секретарем которой В.Н. Мутиным В. Распутин, как и А. Вампилов, был дружен со студенчества. Валентин жил с Володей Мутиным в одной комнате общежития Иркутского государственного университета [17; 30]. Возможно, редакции нужен был актуальный материал по проблеме оттока из города молодых квалифицированных кадров. Так внешний заказ мог стать причиной «забывчивости» автора.

С весны 1966 г. В. Распутин и А. Вампилов стали приезжать в Ангарск для литературной работы [10]. В марте 1966 г. В. Распутин, уволившись из краевой газеты «Красноярский комсомолец» [18, с. 49], где

был спецкором, возвращается в Иркутск, поближе к родным местам, семье, друзьям – здесь «все родное» [16]. А. Вампилов из областной газеты «Советская молодежь» ушел раньше, в начале 1964 г., занимаясь после увольнения драматургией [1, с. 26]. Для Валентина Распутина важен был пример друга. Очевидно, что журналистика мешала обоим в литературной работе. Гостиницы Ангарска, молодого города нефтехимиков, были дешевые. Особенно номера в гостинице «Саяны», первой в городе, открытой 20 октября 1954 г. Одноместные комнаты в тихой гостинице в центре города оказались удобными для работы. Своего рода творческая дача. Семья была рядом, в часе езды на электричке или автобусе, часто ходивших между Иркутском и Ангарском.

Свидетельств о творческих поездках двух друзей в Ангарск несколько. Самые надежные – воспоминания В. Распутина [26]. Их несколько. Вот одно из них. В книге В.Я. Курбатова, литературного критика, дается описание разговоров друзей в ангарской гостинице. Оно сохранилось в дневнике, в записях, сделанных со слов В. Распутина 24 ноября 1985 г. в первый приезд В.Я. Курбатова в Иркутск. «Мы часто работали вместе в гостинице в Ангарске. Если что-то у Сани заканчивалось, он читал вслух. <...> Когда он писал «Утиную охоту», я – «Последний срок», – сказал тогда Курбатову В. Распутин [15, с. 191].

Рассказ «Самолетик» относится к раннему творчеству В. Распутина. Но в нем присутствует ряд особенностей, известных по зрелой прозе писателя. Пораспутински убедительно дан образ женщины, ее переживания, и главное – сложный процесс принятия решения остаться в городе. Между личным счастьем и долгом главная героиня выбирает последнее. «Мне стыдно, – отвечает по телефону «она» на «его» уговоры. – <...> Мне потом всю жизнь будет стыдно» [27,

с. 3]. Здесь открываются истоки образа Настёны в повести «Живи и помни», с ее предельным чувством стыда перед людьми. По-распутински дана и сама ситуация – граница судьбы, переход, выбор пути.

Время в рассказе сжато до часа. Только один час отделяет молодую женщину от прихода домой и чтения записки до ухода на спектакль, где она играет. Час дан на то, чтобы определить жизнь, свое счастье. Особенность художественного времени в ранней прозе писателя выделил В.К. Сигов (1984). Характеризуя время в повести «Деньги для Марии», исследователь называет его кризисным, связанным с поэтикой времени у Достоевского, то есть кратким, «сжатым», переломным, «точечным» – рядом с «фоновым», растянутым на десятилетия. По мнению В.К. Сигова, в повести «Деньги для Марии» показано, «как в одной точке (точке кризиса) сошлось и наиболее отчетливо проявилось все, что было, есть и будет» [31, с. 70].

Как и в других, более поздних произведениях В. Распутина, «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», время в рассказе «Самолетик» уплотнено до осязаемости движения стрелок, тиканья часов, качания маятника [13]. Ритм тиканья часов, качания маятника в рассказе «Самолетик» варьируется в гудках в телефонной трубке, качании комнаты («комната, как каюта на корабле во время шторма, заходила из стороны в сторону»; «комната все еще ходила из стороны в сторону» [27, с. 3]), отбрасывании тела из стороны в сторону в ощущениях женщины, в ее качании вперед-назад, вправо-влево, в качании головой. Непрерывное движение времени выражается в ритмах перемещения объектов, в телесных движениях человека. Важно, что в этот кризисный момент единое время семьи, мужчины и женщины, разделяется на «ее» и «его» время. «Она думала о том, что через полчаса ей надо идти на спектакль, а через полтора часа он улетит, и для нее его полтора часа наступят раньше, чем свои полчаса» (Там же, с. 4). Время расслаивается на «его» и «ее», каждое протекает с разной скоростью, интенсивностью.

«Ее» время, отраженное в шагах, замедляется и останавливается. «Чтобы успокоить себя, она стала ходить по комнате – сначала быстро, затем все медленней, медленней, потом, устав, села на диван» (Там же). Слова «ходить» и «ходики» (часы) этимологически связаны. Эта связь была активна в художественном сознании начинающего автора. Так, в 1964 г. спецкор газеты «Красноярский комсомолец» В. Распутин пишет очерк «Для кого стучат ходики» [22], с центральным мотивом движения времени, слышимого и видимого хода часов [9]. Хождение по комнате главной героини в рассказе «Самолетик» следует непосредственно за ее мыслью о том, что для нее полтора часа, через которые улетит «он», уже наступили («В сущности они уже наступили» [27, с. 4]). И мысль воплощается в остановке, замирании женщины. Читатель буквально видит остановку часов. Главная героиня становится стрелкой часов, которая остановилась («стояла так долго», «замерла»).

С принятием решения остаться в городе для женщины начинается новый отсчет времени, новая жизнь. Через детство, которое метафорически передано ползанием на коленях и игрой в самолетик, через взгляд

на жизнь глазами ребенка («Самолетик и в самом деле получился замечательный, на нем вполне можно было лететь в Ленинград. До чего это, оказывается, просто» [27, с. 4]). Человек словно рождается заново и вновь начинает жить. Размыканием двери комнаты завершается рождение человека, преображенного страданием. «Замкнула дверь, а ключ куда-то засунула, нигде не могу найти. Твой подойдет – открой, пожалуйста, я опаздываю на спектакль» (Там же), – последние слова в рассказе. Верностью себе, цельностью характера героини рассказ «Самолетик» вписан в систему женских образов зрелой прозы В. Распутина.

По времени публикации рассказ В. Распутина «Самолетик» (27 дек. 1966 г.) близок к рассказу «День рождения» (21 авг. 1966 г.) [21]. Рассказы написаны в одно время, с разницей два-три месяца. Сближает их мотив времени, ведущий в обоих произведениях. В рассказе «День рождения» главный герой, Виктор остается один в родном городе, без знакомых и друзей. В этот день он начинает слышать, ощущать время [14]. Кульминация рассказа передает новые для молодого человека переживания. «Он сидел без движения, и, казалось, чувствовал, как движется время: возле него чуть слышно шелестели секунды, где-то рядом падали, как капли воды, минуты – день рождения таял у него на глазах» [29, с. 112]. Острое ощущение протекания минуты, получаса, часа испытывает главная героиня рассказа «Самолетик». Ощущение возникает из-за отъезда любимого человека, но психологически оно то же, что и в рассказе «День рождения»: человек остался один. Те же гудки в телефонной трубке передают оставленность, одиночество человека и ритм утекающих минут.

Мотив времени выделен повтором в начале рассказа «Самолетик»: «а через час надо было идти на спектакль, и она забежала на этот час домой чуть-чуть отдохнуть – только на один час, на один часок, на один часик» [27, с. 3]. Но время, отведенное для отдыха, становится сменой в судьбе человека. Мотив последнего срока, сюжетобразующий в повестях В. Распутина «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», появляется в рассказе «Продается медвежья шкура» (1966) [12]. Мотив последнего срока важен и в рассказе «Самолетик», здесь он набирает силу. Мотив звучит в словах по телефону и в мыслях, действиях главной героини: «осталось два часа, даже меньше», «осталось меньше двух часов», «потом будет поздно», «взглянула на часы». Мотив последнего срока укреплен мотивом «успеть»: «ты можешь успеть»; «ты еще успеешь»; «ты успеешь»; «гудки торопили»; «еще можно было успеть». Так рассказ «Самолетик», вместе с рассказом «Продается медвежья шкура», определяет начальную точку развития мотива последнего срока в прозе В. Распутина.

По-распутински рассказ полон звуков, прикосновений, ощущений, цвета со значениями, большими, чем изображения реальности. Прохлада пола после легкой жары встречает женщину в доме. Она ступает по полу, радуется ощущению тишины и прохлады. Прохладный пол – доминанта начала рассказа. Звонок телефона, гудки в трубке, «дзинькнул» ключ об асфальт, «протарахтел грузовик». Телесные ощущения,

звуки, воспринятые и услышанные человеком, имеют дополнительное, эмоциональное значение.

После чтения записки тишина для женщины рушится с грохотом упавшей огромной стеклянной люстры и раскатившихся ее осколков. Ощущение неожиданной потери, краха, переживаемые главной героиней, передается автором через конкретный зримый образ, через звук. Состояние главной героини переходит в ощущения человека на корабле во время шторма, с физической болью от ударов при швырянии тела по каюте. В соединении далеких образов видится неправомерность. Чрезмерность и нарочитость связи со стихией повторяется и в образе Фудзиямы, мотиве извержения вулкана. Вероятно, писатель и сам почувствовал в этом избыточность, что послужило причиной «забывания» рассказа.

«Самолетик» написан в поле притяжения А. Вампилова. Рассказ драматургичен, построен как действие одноактной пьесы. Начало напоминает начало «Истории с метранпажем» – приход девушки в комнату гостиницы. В рассказе В. Распутина – домой, в комнату в коммунальной квартире. Все действие происходит в одном месте. То, что молодая женщина несет в себе из внешнего мира, раскрывается постепенно, как и ее будущая жизнь.

Героиня рассказа «Самолетик» движется внутри замкнутого пространства «окно – диван – кровать – телефон – дверь». Пространство после чтения записки в восприятии женщины становится теснее, сужается до каюты. Оно сжимается вместе со временем: час – полчаса – минута – остановка. В сжатом круге, по замкнутой траектории «тахта – телефон (у изголовья тахты на столике) – окно – дверь» проходят и сентябрьские дни Зилова. Рефреном в пьесе «Утиная охота» звучит реплика «комната Зилова», «та же комната», которая только в воспоминаниях Зилова расширяется до квартиры из двух комнат. Оба главных героя в конце произведения звонят своему знакомому (в «Самолетике» – Людмиле, в «Утиной охоте» – Диме), чтобы сообщить о намерении выйти из дома. Тот, кому звонят, должен помочь в этом. Оба героя после пережитого говорят в телефонную трубку «ровным» голосом (в «Самолетике» – «сказала она в трубку ровным голосом» [27, с. 4]; в «Утиной охоте» – «говорит ровным, деловым, несколько даже приподнятым тоном» [5, с. 601]). Завершающие ситуации в рассказе и пьесе идентичны.

Ситуации одиночества в обоих произведениях, как и ощущения главных героев, метафорически передают встречу человека с собой, со своей совестью, необходимость принятия ответственности за свою дальнейшую жизнь. В совпадении структуры пространства в рассказе и пьесе просматривается влияние А. Вампилова. Пьеса «Утиная охота» возникла и дорабатывалась на глазах у В. Распутина. Возможно, в этом кроется еще одно объяснение «забывчивости» автора. Писатель почувствовал, что «Самолетик» сложился под впечатлением от «Утиной охоты».

Замкнутое пространство комнаты в рассказе «Самолетик» передает ощущение безысходности. Парадоксально, что ключ, замкнувший комнату, дает выход из психологически кризисной ситуации. Женщина замыкает себя в комнате, чтобы укрепить свое решение остаться. Закрывает себя, чтобы остаться

свободной – в выборе. Именно ключ, выброшенный главной героиней из окна на улицу, реально и метафорически прорывает границу комнаты, ситуацию без выхода. За ним следует самолетик, сделанный из записки молодого человека. С пятого этажа самолетик летит долго и красиво. Летит все ниже и ниже, и дети на улице кричат от восторга. Перенесенная женщиной боль преобразена в радость незнакомых детей. Образ улетевшего бумажного самолетика – не только принятие утраты любви, но и способность человека через собственное страдание принести людям счастье. Рассказ и в этой точке – распутинский.

Выход за границу комнаты, через окно важен в «Утиной охоте». Зиллов, открыв окно, с пятого этажа окликает Витьку, уходящего вдаль по улице. Метафора выхода, перемены, принятия решения. Оба главных героя размыкают замкнутость пространства через окно, находящееся высоко, – на пятом этаже. В обоих случаях – это многоэтажный дом-новостройка в большом городе. В том и другом случае главные герои выглядывают из окна на улицу: из форточки – «она» («Самолетик»), из окна – Виктор Зиллов. Зиллов распахивает окно, чтобы поговорить с мальчиком, попрощаться. Взрослый кричит уходящему ребенку, желая непременно быть услышанным им. Мальчик-двойник выводит сюжет за рамки не только действия, но и настоящего времени, – одновременно в прошлое, детство Зилова, и его будущее [11]. Образ окна укрупняет происходящее на сцене внесобытийным сюжетом.

Окно притягивает взгляд героини рассказа. Она видит город, и он для нее живой: «Ну, что ты его так невзлюбил? Оставайся, а? У вас с ним все будет хорошо, вы еще поладите» [27, с. 3]. Женщина размышляет над тем, что видит за окном. «Она стояла у окна и смотрела на город. Это был большой сибирский город, знаменитый на всю страну своими стройками, но в нем, как и в этом районе, много строили и мало благоустраивали. От машин, трамваев и заводов он, казалось, подрагивал мелкой дрожью, как включенный мотор. Он был совсем не красив, но его любили, значит, что-то в нем было то, что не хотел понять он, уезжая в Ленинград» (Там же, с. 4). Здесь читатель видит город глазами главной героини. Но город представлен и глазами молодого человека, уехавшего из него.

После чтения записки и разговора по телефону женщина смотрит на город глазами любимого человека. «Она подошла к окну и посмотрела на улицу. Там все было знакомо и серо. Машины шли одна за другой и, подпрыгивая на разбитой дороге, старательно выбивали из земли пыль, которая поднималась на редкие деревья, делая их серыми, ложилась на траву, делая ее серой, садилась на лица прохожих, тоже делая их серыми. В доме напротив торчали уродливые балконы» (Там же, с. 3). Серый цвет метафоричен. Он словно окрашивает чувства закадрового героя: «Ничего я здесь не могу – ни работать, ни жить. <...> Будто ты все время в командировке. Этот город хорош только тем, что из него можно уехать» (Там же). Уродливость балконов подмечена человеком, нелюбящим город. Разлад, внутренняя неустроенность в душе («Со всех сторон сквозит» (Там же)) выделяют из того, что вокруг, уродство, необходимость, в итоге – гонят человека прочь.

Ощущение главной героини порядка в доме («все остальное в комнате на месте и больше ничего убирать нельзя. Она еще раз осмотрелась: да, все остальное было на месте, теперь в комнате был полный порядок» [27, с. 3]) отражает ее внутреннее устройство, душевный лад, согласие с собой. Согласие, покой позволяют видеть гармонию и во внешнем мире. Женщина, приняв решение, ищет за окном то, за что город можно любить. И остается в нем, следуя призванию, долгу, совести.

Пыльная улица города-новостройки, изображенная в рассказе «Самолетик», была реальностью. Вспоминаются статьи, заметки в газете «Знамя коммунизма» первых лет строительства Ангарска о серой пыли, покрывающей все вокруг с весны по осень и от которой трудно дышать [8; 6]. Горожане с надеждой ждали дождя. Но в годы приезда двух друзей центр Ангарска был заасфальтирован и даже освещен фонарями. Главную улицу города, проспект Сталина, на которой стояла гостиница «Саяны», покрыли асфальтом до улицы Школьной летом 1959 г. Одновременно асфальтировали тротуары [2]. Но и в 1977 г. еще раздавались жалобы жителей микрорайонов, что в сухую погоду от проезжающих машин висит густое облако пыли, что пыль от дороги поднимается до пятого этажа [7]. Очевидно, что проблемы молодого города решались десятилетиями.

Образ города, видимый с многоэтажного дома-новостройки, как и сам дом, в рассказе В. Распутина «Самолетик» и пьесе А. Вампилова «Утиная охота» схожи. В обоих произведениях это новый дом среди таких же типовых построек и квартиры на пятом этаже, под самым небом. Но для главной героини рассказа «Самолетик» город живой и немного любимый, хотя и не так, как родной Ленинград. Она остается в необжитом, неудобном городе ради людей, ради призвания. Для Зилова то, что находится за окном – последний этаж и крыша соседнего дома, вызывает раздражение. Стена непрерывно льющегося дождя закрывает ему выход к любимому делу, которого он ждал год, – к утиной охоте. Ситуация наедине с собой, возникшая с уходом жены, Ирины, друзей, позволяет главному герою слышать укоры совести. Воспоминания Зилова, как исповедь перед самим собой, имеют очищающее действие. Просвет в небе, в узкой полоске неба, видимого в окне над крышей дома напротив, отражает просветление в душе человека. Автор оставляет читателю и зрителю надежду на этот свет.

Рассказ В. Распутина «Самолетик» органично вписывается в логику творческого становления писателя: образом женщины, психологизмом, разработкой художественного времени, мотивом последнего времени, изображением окружающего мира через человека – слышимый им звук, эмоционально воспринятый цвет, прикосновение к предмету. При этом в рассказе замечается нарочитость, чрезмерность некоторых образосравнений, изображающих высокую степень переживаний героини. Начиная с 1967 г. писатель старается избегать таких экспрессивных способов изображения. Сравнение поэтики рассказа В. Распутина «Самолетик» с пьесой А. Вампилова «Утиная охота», написанных в гостиницах Ангарска в одно время при сов-

местных поездках туда двух писателей, позволяет получить ответ на вопрос, почему автор не включал данный рассказ в свои сборники и собрания сочинений, в связи с чем произведение выпало из круга чтения, из распутиноведения. Структура пространства, его замкнутость, движение главных героев внутри пространства, образ города, образ дома-новостройки, заключительный эпизод в обоих произведениях схожи, и это могло послужить причиной исключения автором рассказа из последующих изданий.

Литература

1. Александр Валентинович Вампилов: биобиблиографический указатель / составитель Э. Д. Елизарова; редакционная коллегия: Л. А. Казанцева, М. Д. Сергеев; научный редактор Н. С. Тендитник; вступительная статья М. Д. Сергеева; ответственный за выпуск А. З. Скаллер. – Иркутск: Редакционно-издательский отдел Упрполиграфиздата, 1989. – 240 с.
2. Алексеев, Л. Строители дорог / Л. Алексеев // Знамя коммунизма. – 1959. – 4 сентября – С. 3
3. Валентин Григорьевич Распутин: биобиблиографический указатель / составитель Э. Д. Елизарова; редакционная коллегия: Л. А. Казанцева, М. Д. Сергеев; научный редактор Н. С. Тендитник; ответственный за выпуск Р. И. Шолохова. – Иркутск, 1986. – 188 с.
4. Валентин Григорьевич Распутин: биобиблиографический указатель / составители Г. Ш. Хонгордоева, Э. Д. Елизарова; редактор Л. А. Казанцева. – Иркутск: Издатель Сапронов Г. К., 2007. – 472 с.
5. Вампилов, А. Драматургическое наследие / А. Вампилов / вступительная статья А. Калягина и Г. Товстоногова. – Иркутск, 2002. – 844 с.
6. Веселов, Р. Пыль на дороге: фельетон / Р. Веселов // Знамя коммунизма. – 1952. – 1 июня. – С. 3.
7. Графов, А. «Белые пятна» города: по письмам в редакцию / А. Графов // Знамя коммунизма. – 1977. – 11 августа. – С. 2.
8. Ельцов, Б. На городские темы. Весь город в пыли / Б. Ельцов // Знамя коммунизма. – 1952. – 15 мая. – С. 3.
9. Иванова, В. Я. «Для кого стучат ходики»: поэзия очерка Валентина Распутина / В. Я. Иванова // Родное и вселенское: Эстетика и художественные искания русской литературы XIX – начала XXI в.: сборник научных трудов. Выпуск VIII / составитель, ответственный редактор А. А. Дырдин. – Ульяновск: УлГТУ, 2021. – С. 154–166.
10. Иванова, В. Классики литературы в Ангарске. Наша история. О творческих поездках писателей в наш город / В. Иванова // Ангарские ведомости. – 2024. – 27 марта. – С. 18.
11. Иванова, В. Я. Метафоры и метаформы времени в пьесе А. Вампилова «Утиная охота» / В. Я. Иванова // В мире Александра Вампилова: материалы научно-практической конференции / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; ответственный редактор А. С. Собенников. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – С. 85–93.
12. Иванова, В. Я. Мотив последнего срока в рассказе Валентина Распутина «Продается медвежья шкура» / В. Я. Иванова // Проблемы исторической поэтики. – 2021. – № 3. – С. 276–295.
13. Иванова, В. Я. Поэтика прозы Валентина Распутина: монография / В. Я. Иванова. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – 361 с.
14. Иванова, В. Я. Рассказы Валентина Распутина «День рождения» и «Видение»: диалог с вечностью / В. Я. Иванова // Родное и вселенское: Национальное своеобразие и мировое значение русской литературы (эстетика, традиции, этнотопика). Международная научная конферен-

ция : сборник научных трудов / ответственный редактор А. А. Дырдин. – 2020. – С. 166–179.

15. Курбатов, В. Я. Подорожник. Встречи в пути, или Нечаянная история литературы в автографах писателей / В. Я. Курбатов. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2006. – 416 с.

16. Легендарные дружбы. Прощание. Распутин о Вампилове // Алексей Шишов, Елена Якович, оператор Вадим Кизилев // ГТРК «Культура», 2013. – URL: <https://smotrim.ru/video/191912> (дата обращения: 02.06.2024). – Текст : электронный.

17. Мутин, В. О Вампилове. Воспоминания и размышления / В. Мутин // Вампилов А. Стечение обстоятельств : рассказы, очерки, пьесы / составитель, вступительное слово В. Распутина. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. – Т. 2. – С. 291–300.

18. Распутин Валентин Григорьевич : биобиблиографический указатель / Министерство культуры и архивов Иркутской области ; Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского ; [ответственный редактор Л. Ю. Олейник ; редактор Г. А. Борисова]. – Иркутск : ИОГУНБ, 2017. – 712 с.

19. Распутин, В. Алло, милиция! В 5«б» беспорядки... / В. Распутин // Советская молодежь. – 1960. – 1 марта. – С. 2, 3.

20. Распутин, В. Будни стройки / В. Распутин // Советская молодежь. – 1960. – 20 февраля. – С. 1.

21. Распутин, В. День рождения : рассказ / В. Распутин // Советская молодежь. – 1966. – 21 августа. – С. 3.

22. Распутин, В. Для кого стучат ходики / В. Распутин // Красноярский комсомолец. – 1964. – 8 января.

23. Распутин, В. Идут на Восток поезда... / В. Распутин // Советская молодежь. – 1960. – 9 марта. – С. 2.

24. Распутин, В. Маше всего восемнадцать / В. Распутин // Советская молодежь. – 1960. – 26 марта. – С. 2. – Опубликовано под псевдонимом В. Каирский.

25. Распутин, В. Незаметные истории / В. Распутин // Советская молодежь. – 1960. – 15 марта. – С. 2.

26. Распутин, В. От имени друзей его... / В. Распутин // Советская молодежь. – 1972. – 23 сент. – С. 2.

27. Распутин, В. Самолетик : рассказ / В. Распутин // Знамя коммунизма. – 1966. – 27 дек. – С. 3, 4.

28. Распутин, В. Сильные ждут сильных / В. Распутин // Советская молодежь. – 1960. – 6 марта. – С. 3.

29. Распутин, В. Человек с этого света : рассказы / В. Распутин. – Красноярск : Красноярское книжное издательство, 1967. – 120 с.

30. Сергеева, И. Вспоминая друзей [В. Мутин о Распутине и Вампилове] / И. Сергеева // Ангарские ведомости. – 2017. – 15 марта. – С. 12.

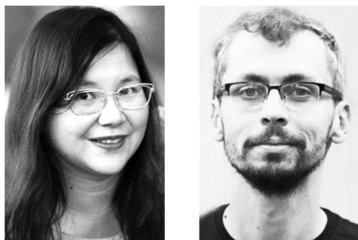
31. Сигов, В. К. Проза В. Г. Распутина (проблематика и поэтика) : специальность 10.01.02 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сигов В. К. – Калинин, 1984. – 215 с.

V.Ya. Ivanova

THE UNKNOWN SHORT STORY «PAPER PLANE» (1966) BY V. RASPUTIN

The short story by V. Rasputin “Paper Plane” is unknown. It is not included in any of the three biobibliographical catalogues of the writer’s works. The story was published only once, in the newspaper “Banner of Communism” in Angarsk, Irkutsk Oblast, under the author’s real name. A. Vampilov and V. Rasputin came to this town to work. In the context of the writer's early and mature work, the article analyzes the artistic time and space, the image of the town, and the image of the main character of the story. It also considers the reasons why the writer did not include it in the collections of short stories and seemed to have forgotten about it. The article provides a comparative analysis of the poetics of V. Rasputin’s story “Paper Plane” and A. Vampilov’s play “Duck Hunt”, both written at the same time in Angarsk. The story “Paper Plane” must be introduced into Rasputin studies as a logical link in the creative evolution of the writer.

Artistic time, artistic space, motif of the last term, image of the town, A. Vampilov, “Duck Hunt”.

*Е.Ф. Левочская**Российский государственный гуманитарный университет**С.С. Левочский**Первый Московский государственный медицинский университет
им. И.М. Сеченова*

**«ПОЖАЛЕЙ...» И «ПЛАЧ МАТЕРИ ПО НОВОБРАНЦУ»:
МАРИНА ЦВЕТАЕВА В ДИАЛОГЕ С ТРАДИЦИЕЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРИЧЕТИ**

В статье два стихотворения М.И. Цветаевой разобраны в контексте фольклорных причитаний. Показано, как традиционные мотивы и образы используются для выражения оригинальной авторской идеи.

Поэзия и фольклор, причитание, фольклоризм поэзии Цветаевой.

Цветаева и фольклор – тема, привлекающая внимание. Чаще всего в этом ключе рассматриваются отдельные стилистические приемы [4] или фольклоризм поэм (см. обзор литературы в [3]). Иосиф Бродский в эссе о «Новогоднем» обратил внимание на «заинтересованность ее в традиции причитания (скорее не заинтересованность, а настроенность на него – слуха)»: «...дело в стремлении поэта к передаче психологии человека нового времени средствами традиционной народной поэтики. Когда это удается – а Цветаевой это удавалось почти всегда, – возникает ощущение языковой оправданности любого разлома или вывиха современного сознания; и не просто языковой оправданности, но, о чем бы ни шла речь, заведомой оплаканности» [2, с. 36]. «Новогоднее», как некоторые другие тексты на смерть поэтов или близких, сродни причитанию не только по поэтике, но и функционально: датированное 41-м днем после смерти Рильке, стихотворение (поэма) коммеморативно и по поэтике, и по прагматике.

Мы оставляем за рамками рассмотрения такие функциональные плачи (стихи на смерть конкретных людей). Также не будем останавливаться на стихотворении «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь», в котором есть образ причитающей Руси (см. анализ этого текста в [6]), и аллюзиях к Плачу Ярославны в «Лебедином стане». Во втором случае отсылка происходит скорее не к фольклорному жанру, а к произведению древнерусской литературы, и помогает она говорить не о смерти другого, а о смерти вообще и ее историческом контексте. В этой статье нас будут интересовать только те тексты, в которых диалог с причитанием как жанром эксплицирован. Они не посвящены конкретной смерти, но и заголовок, и стилистика отсылают к фольклорным плачам на смерть другого.

В качестве материала для сравнения приводятся в основном тексты вологодских причитаний и наблюдения над ними, вошедшие в наше исследование похоронной и поминальной причеты в XX веке [11]. Этот регион в целом типичен для русской причеты по образности и поэтике, а высокая сохранность в XX веке позволила сделать фиксации и наблюдения над традицией, в Центральной России к этому времени уже почти разрушившейся.

В начале XX века деревенский обычай причитать был живым, а благодаря сценическим выступлениям плакальщиц и горожане, как можно судить по очерку М. Горького «Вопленица», были вовлечены в его обсуждение. В 1872 году вышел трехтомник Е. Барсова «Причитания Северного края», где тексты народных плачей можно было прочесть. «Пожалей...» (1920 год) и «Плач матери по новобранцу» (1928) Цветаевой прямо отсылают к похоронному и рекрутскому причитаниям соответственно. Нет свидетельств о том, чтобы они были вызваны конкретными событиями или людьми, скорее это ответ Цветаевой-поэта на народную традицию, безусловно знакомую ей.

Стихотворение «Пожалей...» написано в 1920-м году. В статье о фольклорной поэтике в лирике Цветаевой воспроизводится контекст и читательское восприятие текста.

«В письме к Ланну Цветаева пишет: “Кончила те стихи, над мертвым. Хотела по-Вашему (вопросом), вышло по-моему (ответом, – и каким!)”. В “Пожалей...” звучит призыв к гуманизму и, одновременно, заявлен протест личности, сопротивляющейся восприятию смерти человека как обыденного явления, а не трагического: “Дай-кось я с ним рядом ляжу... // Зако-ла-чи-вай!” В записных книжках, характеризуя ответ, то есть позицию, заявленную в стихотворении, М.И. Цветаева делает следующую пометку для себя: “...это мое дело на земле!”» [5, с. 174].

Нам представляется, что образы этого стихотворения генетически восходят к обрядам, и только в контексте городской культуры начинают интерпретироваться как личный и исполненный гуманизма жест.

«Пожалей...» имеет диалогическую структуру.

– Он тебе не муж? – Нет.
Верить в воскрешенье душ? – Нет.
– Так чего ж?
Так чего ж поклоны бьешь?
– Отойдешь –
В сердце – как удар кулашный:
Вдруг ему, сыночку, страшно –
Одному? [9, т. 1, с. 574–575].

В похоронных причитаниях другой голос не появляется, однако обряд предписывает демонстрацию неуме-

ренной скорби – и сдерживание ее другими участницами похорон, что находит отражение и в текстах.

Попытки остановить причитающую – это тоже часть причитания. Не случайно в запасе формул есть такие: «Ой, не стювайтё*, подруженьки, / Ой, не стювайтё жо, милые! / Ой, не стювайтё, а заставляй-котё!» Такой текст возникает, когда «окружающие пробуют остановить “ревунюю”»: “Будёт, отдохни, тя-жело! Наревелась, будет!”» [11, с. 343].

В стихах Цветаевой такой диалог скорее содержа-телен, чем ритуален. «Не пойму!», – восклицает анта-гонистка жалеющей встречного плакальщицы. Уте-шающие подруги деревенской плакальщицы, конечно, все понимают и удерживают ее, чтобы дать ей воз-можность выразить горе в полную силу.

В текстах причитаний показано, как неподвиж-ность и безответность «тела мертвого» обнаруживает-ся путем последовательных приближений: очи не от-крываются, уста не говорят, руки не поднимаются. Это ритуальные формулы, как и сетования сирот. В поэтическом тексте подобные констатации поданы как реплики здравого смысла в ответ на иррациональ-ную жалость:

– Без перинки
Не простыл бы! Ровно ссыльно-
Каторжный какой – на досках!
Жестко!
– Черт!
Он же мертв!
Пальчиком в глазную щелку –
Не сморгнет! [9, т. 1, с. 575].

Образ постели, перины и жестких досок также присутствует в фольклорных плачах. Это может быть противопоставление «тесовой лавке», на которой ле-жит покойник («Уж я сяду, сиротиночка, / На тесовую на лавочку <...> / Я не к мягкой ко постеленьке. / Не к высокому изголовью / К холодному да одеяньицу»; причитальщица обращается к земле: «Будь ему ты периною, да, / Будь ему ты хоромам, да»), а может быть метафора гроба («Посмотри-ко ты, матушка, / Как собирают – снаряжают / Тебе мягкую стеленьку, / Крутоё-то зголовьице, / Устилают те, маменька») [11, с. 139–140]. В этом контексте становится виден вто-рой смысл сожаления об умершем в стихах: то, что ему не дано «перинки», – это и сожаление об утрате земной жизни, и желание достойного, правильного погребения.

Наконец, кульминационные строки стихотворения Цветаевой («Дай-кося я с ним рядом ляжу... / Зако – ла – чи – вай!») находят прямое соответствие в практике причитаний, когда вдове было предписано кидаться на гроб. В наших полевых записях были свидетельства.

Все похороны обязательно к этому и сводились. У нас люди и сейчас идут на похороны проводить че-ловека и посмотреть, кто как ревел (кто сильно, а кто не сильно).

И еще было такое, чтобы в могилу бросались обя-зательно. Вот гроб и опустили, и она чтобы обяза-

тельно туда. «Вот не бросилась, дак она <жена> ево и не любила» [11, с. 324].

Соответственно, в текстах причитаний также воз-никает образ женщины, желающей лечь живой в мо-гилу: «Я бы рада-радё...ох...шенька да / В белой гроб да лежи...ох...тиси, да / В сыру землю спусти...ох... тиси! <...> / Заменяла бы ма...(мушку)» (Там же, с. 144–145).

Так в коротком лирическом тексте Марина Цветаева делает отсылки и к вербальному, и к акциональному кодам традиционного похоронного обряда. Эти отсылки происходят в основном на содержательном и лексиче-ском уровнях, минуя ритмику и строфику, что перено-сит традиционные образы в городской контекст.

Двойственность образа мира – неверие в воскре-сенье душ и допущение, что покойному страшно, как и плач о любом человеке по факту смерти, – в риту-альном контексте традиции причитаний не выглядит странным. В быличках, которые связаны с христиан-ской культурой на уровне образов, но имеют другие мифологические основания, покойники ведут себя как живые и на чувственном, и на эмоциональном уровнях, а практика оплакивания связана со страхом ходячих покойников, в которых превращаются умер-шие, похороненные с нарушением ритуала, и желани-ем обеспечить покровительство «дедов», и только во вторую очередь – с эмоциями родных (см. об обрядо-вой роли плачей: [8]). В лирическом тексте и город-ском контексте очевидность ритуала утрачивается, и у образов появляется парадоксальность, которая стано-вится художественным эффектом, придающим стихам особую силу воздействия.

Написанный спустя восемь лет «Плач матери по новобранцу» отсылает к практике рекрутских при-читаний, также распространенных в славянской культу-ре. Записи рекрутских причитаний составляют второй том «Причитаний северного края» Е. Барсова. Плачи сопровождают молодого мужчину в лиминальной ста-дии проводов на воинскую службу, помимо плачей обряд проводов включал гулянья. На уровне текстов рекрутские причитания похожи на похоронные: ух-одящему на службу так же, как и умершему, пеняют, что он оставил детей сиротами, а дом без поддержки.

В стихотворении «Плач матери по новобранцу» «сыннок пороженный, / Бе – ре – женый!» называется «младенцем» [9, т. 2, с. 272]. Само определение «бе-реженный», безусловно, находится в рамках плачевой традиции, хотя больше ассоциируется с причитания-ми невесты, которую в отчем доме любили и берегли от тяжелой работы, или с идеализированными обра-зами похоронных плачей («Тело белое, хорошее. / Оно не стужено, не нужно», в значении «не принужда-лось» к работе [11, с. 172]). Но название «младен-цем» – авторское выражение идеи жалости через об-раз беззащитного дитя.

Идея виктимности новобранца, вместе с тем, ор-ганична для причитаний. Лингвистический анализ показывает, что «в рекрутских плачах особенно частотны глаголы деструкции и причинения физического вреда, поддерживающие идею виктимности рекрута, а в свадебных причитаниях фиксируется большая груп-па названий отдыха и забав, работающих на “сибарит-ский” образ невесты» [7, с. 244].

* СТЮВАТЬ, стюнуть кого, новг. вологодск. счувать, щунять, усочувывать, пожуричь, унять (от чують) // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Русский язык, 1991. С. 351.

На формальном уровне есть отсылки к структуре плача. В этих стихах Цветаева использует парную рифмовку, свойственную фольклорным текстам и спорадически появляющуюся в не рифмованных текстах причетов, хотя строчки короче. Есть типичная лексика: «Персонажи – армейские чины. Армейские организационные подразделения: рота, полк» [7, с. 240, 242]: «батальоны – эскадроны!», «армейцы» (МЦ). Но важным становится взгляд со стороны, рефлексия над деревенским плачем, когда сила плача («Слезая деревенска, / Океанска!») сочетается с его обыденностью: («Сколько б вас, Егорок, / Ни рожала – // Мало! Мои сучья! / Крѳвь чья? Сѳль чья? / Мало! Мала куча: / Больше! Больше!»), а также появляются образы материнского молока («Млецо́м отлилася – / Слезой лейся!») и «большеротого» малыша.

В «Плаче по новобранцу» говорится: «Башка – вербой / Вьется» [9, т. 2, с. 273]. Позднее в стихах памяти дочери Ирины детская голова метафорически будет названа: «Светлая – на шейке тоненькой – / Одуванчик на стебле!» (Там же, т. 1, с. 518). Уподобление умершего растению – одна из частотных метафор причитаний, что неоднократно привлекало внимание исследователей.

А.А. Потехня пишет о сближении слов «род» и «рост»: «Слово род, в смысле совокупности родичей, предполагает значение произрастания (деятельности) и плода (результата)... оно заключает в себе сравнение рода как явления человеческой жизни с произрастанием дерева и растений вообще» [12, с. 311]. Ученый считает, что изменения, происходящие в жизни растения, были замечены раньше возрастных изменений человека и послужили объяснением и наименованием последних. А.Н. Веселовский указывает на связь «молод» – «зелен, крепок», «зеленый = молодой» [11, с. 217].

К оплакиваемому обращаются: «цветочек баской яблочек», «Молодым-то молодешенька, / Зеленым ты зеленешенька / Расставаешься со белым со светом». О сиротах говорится: «Да оставил-то, милая, / Да ты недорослых-то травонек, / Да нездзрелых-то ягодок» (Там же, с. 216). Но для Цветаевой, использующей редкие для причитаний сравнения (в свадебном причитании молодой брат называется «Братец – тоненька тониночка, Золота, братец, вербиночка» [1, с. 291]), важен не жизненный цикл, а тактильное и изобразительное сходство. Верба и одуванчик пушисты, их можно гладить, как детскую головушку.

Если говорить о фольклоре в целом, то верба – растение, входящее в разные жанры и обряды и принимающее разное символическое наполнение. Как первое пробуждающееся после зимы растение, освященная верба ассоциируется с воскресением; растение используется в продуцирующей магии как воплощение плодородия и жизненной силы; в то же время иллюзорность «плодов» вербы вводит образ в «формулы невозможного», демонстрирующие несбыточность и лживость этого чуда (Там же, с. 284–285, 290).

Чуждость сына, какие бы смыслы ни прочитывались вслед за этим, важна для стихотворения. Тем контрастнее выглядит заурядность его смерти как солдата: «Людым – сотый, / А мне – первый!» [9, т. 2, с. 273].

Интересно, что некоторые образы и мотивы, рассмотренные выше, появились еще в стихах на смерть Петра Эфрона, написанных в 1914 году и, по замечанию Ирины Шевеленко, изменившие отношение поэта к письму на эту тему, так как она столкнулась с реальной смертью близкого человека [10, с. 92]. В частности, в них уже появляется образ «ребенка с венчиком на лбу» (каковым становится взрослый мужчина, когда смерть делает его беспомощным, а жалость к нему обязательной) и мотив женщины, согревающей покойника своим теплом: «Дыханием души и тела / Согрейте ледяную кровь!» [9, т. 1, с. 210]. Но стилистически текст оформлен иначе: высокий слог («горестный ночлег», «краткий срок»), романтические образы («шорох шагов и платья», «успела / остыть любовь», «за кого пошли бы в ад») принадлежат книжной традиции баллад и элегий. Средства причитаний помогают найти оригинальное выражение идеям, существовавшим в поэтическом космосе Цветаевой и до них.

Итак, в стихах «Пожалей...» и «Плач матери по новобранцу» аллюзии к причитаниям обретают гуманистический пафос. Ритуал полон условностей и символов, эмоции в нем эксплицированы и гипертрофированы, но для автора такой накал становится адекватным ответом на обыденность смерти в окружающем мире. Обрядовые мотивы психологизируются, переосмысливаются как жесты жалости. Оба стихотворения содержат несколько точек высказывания. «Пожалей...» распадается на два голоса, в том числе графически, в «Плаче матери по новобранцу» первое лицо в конце текста сменяется вторым, а обращение к сыну обращением к матери. Оба эти диалога можно прочесть как внешние (причитальщица и сомневающийся обыватель) и внутренние (деревенское широкое горе против рефлексирующего городского самосознания).

Литература

1. Агапкина, Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракета (род *Salix*) / Т. А. Агапкина // Славянский альманах. – Москва : Индрик, 2014. – Вып. 1–2. – С. 283–302.
2. Бродский, И. А. Об одном стихотворении / И. А. Бродский // Цветаева М. И. Новогднее / составитель Е. Коркина ; редактор А. Перевозов. – Москва : Дом-музей Марины Цветаевой : Российский государственньй архив литературы и искусства : Изограф, 1995. – С. 20–94.
3. Латыпова, И. Ю. Фольклорные мотивы в творчестве М. Цветаевой: 1916–1925 гг. / И. Ю. Латыпова // Дергачевские чтения – 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 5–7 октября 2006 г.) / составитель: А. В. Подчинов, Д. В. Харитонов. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета : Союз писателей, 2007. – Т. 2. – С. 129–133.
4. Леенсон, Е. Фольклорные традиции в поэзии М. Цветаевой / Е. Леенсон // Русский язык (ПС). – 2010. – № 12. – С. 35–40.
5. Макашева, С. Ж. Поэтика фольклора в лирике М. И. Цветаевой (1916–1920 годы) / С. Ж. Макашева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 170–176.
6. Скрипова, О. А. «Причитающая Русь»: стихотворение «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь» в контексте лирической книги Марины Цветаевой «Лебединый

стан» / О. А. Скрипова // Филологический класс. – 2008. – № 20. – С. 94–96.

7. Сурикова, О. Д. Мир войны и мир горницы в «причитаниях северного края» Е. В. Барсова / О. Д. Сурикова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы V Международной научной конференции / Е. Л. Березович (ответственный редактор), О. Д. Сурикова (ответственный редактор), Е. О. Борисова (ответственный секретарь), С. О. Горяев, Н. В. Кабина, М. Э. Рут. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. – С. 238–246.

8. Толстая, С. М. Обрядовое голошение: Лексика, семантика, прагматика / С. М. Толстая // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и голоса в традиционной культуре славян. – Москва : Индрик, 1999. – С. 135–148.

9. Цветаева, М. И. Собрание сочинений : в 7 томах / М. И. Цветаева ; составитель, подготовка текста и комментарии А. Саакянц и Л. Мнухина. – Москва : Эллис Лак, 1994. – Т. 1. – 640 с. ; Т. 2. – 592 с.

10. Шевеленко, И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология–поэтика–идентичность автора в контексте эпохи / И. Д. Шевеленко. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – 464 с.

11. Югай, Е. Ф. Челобитная на тот свет: вологодские причитания в XX веке / Е. Ф. Югай. – Москва : Индрик, 2019. – 528 с.

12. Потебня, А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. – Москва : Лабиринт, 2000.

E.F. Levochskaya, S.S. Levochskiy

**“PITY” AND “MOTHER'S CRY FOR A NEW RECRUIT”:
MARINA TSVETAEVA'S DIALOGUE WITH THE TRADITION OF FOLKLORE LAMENTATIONS**

The article analyses two poems by M.I. Tsvetaeva in the context of folklore lamentations. It is shown how traditional motifs and images are used to express the author's original idea.

Poetry and folklore, lamentation, folklorism in Tsvetaeva's poetry.

Е.В. Папилова

Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина

ОБРАЗ ФРАНЦИИ В «ПИСЬМАХ ИЗ ФРАНЦИИ» Д.И. ФОНВИЗИНА

Автор статьи анализирует образ Франции в письмах Д.И. Фонвизина, адресованных им родным и другу П.И. Панину из Франции в 1777–1778 гг. Формально адресованные близким людям, письма на самом деле предназначались к прочтению (хотя бы частичному) широким кругом читателей. В них Фонвизин описывает государственное устройство Франции, касается быта и нравов французов, рассуждает об их национальном характере. Фонвизин отмечает как то, что заслуживает восхищения, так и то, что достойно порицания, при этом второго оказывается больше. Фонвизин констатирует, что представления русских о Франции как колыбели основанного на разуме Просвещения и всеобщего благоденствия являются в определенной мере мифологизированными. Автор статьи приходит к выводу, что писатель, принимая идеи Просвещения, все же оставался верен традиционным российским ценностям.

Д.И. Фонвизин, «Письма из Франции», образ Франции, травелог, имагология.

Денис Иванович Фонвизин принадлежит к числу наиболее ярких литераторов XVIII в. Широкому читателю он известен, прежде всего, как автор комедий «Недоросль» и «Бригадир», сатирических стихов, в т.ч. и антиклерикального плана («Послание к слугам моим», басня «Лисица-Кознодей», подробнее об этом см. [2]), но большую часть наследия писателя составляет проза, к которой можно причислить и письма, которые он посылал в Россию из заграничных путешествий.

«Письма из Франции» датированы временным промежутком с сентября 1777 по сентябрь 1778 и являются своеобразным «дневником» путешественника, травелогом, наполненным его впечатлениями от заграничных, что делает их интересным объектом имагологического исследования. Формальной причиной поездки была потребность жены писателя в лечении, но не менее важной для него была возможность своими глазами увидеть и оценить «столицу мира», законодательницу мод, родину Просвещения – Францию.

«Письма из Франции» направлялись трем адресатам: «к родным» (фактически – к сестре писателя Феодосье Ивановне) – 6 писем, к П.И. Панину (генералу, брату воспитателя наследника Павла Петровича Н.И. Панина) – 7 писем и к Я.И. Булгакову (мы пренебрежем письмами к последнему адресату ввиду их незначительного объема и отсутствия в них описания Франции). Письма названным адресатам не одинаковы по содержанию. Так, в письмах сестре Фонвизин описывает главным образом бытовую сторону жизни французов, а в письмах Панину касается государственных вопросов: рассуждает о политической системе, коррупции, обществе, сословиях, промышленном производстве, нравах французов. В научной литературе доминирует мнение, что, по замыслу Фонвизина, эти письма не должны были ограничиться прочтением их лицами, кому они посылались, но должны были стать достоянием более широкого,

нежели семейный и дружеский, круга. По словам Г.П. Макогоненко, письма Фонвизина *носили не частный, а литературный характер, их автор рассчитывал, что с ними будет знакомиться не один Петр Панин* [3, с. 14]. М.В. Иванов пишет в примечаниях к «Письмам»: *Приватный характер писем выражен значительно слабее, чем публицистический* [1, с. 305]. По мнению В.П. Степанова, *они писались с расчетом на рукописное распространение хотя бы некоторых из них, дававших обобщенную характеристику французской культуры и быта* [5, с. 220]. Соглашаясь с вышеприведенными мнениями, мы исходим из того, что в своих письмах Фонвизин преследовал цель придать своему повествованию о Франции широкий политический, социальный, культурологический контекст.

Переходя к анализу образа Франции в письмах Фонвизина, необходимо отметить роль этой страны в жизни Европы второй половины XVIII в. В этот период Франция, ее культура, занимая доминирующее положение в Европе, были образцом подражания для множества стран, и особенно России. Французские книги, идеи французских философов-просветителей были властителями дум образованных людей России [4, с. 53]. Потому неудивительно, что именно Франция, ее настоящая, внутренняя жизнь стала предметом исследования русского писателя.

Во Франции Фонвизин подмечает как положительное, так и отрицательное. Остановимся сначала на первом. Лестными характеристиками наделяет он ряд французских городов – Лион, Марсель, Монпелье и Париж. В Лионе он восхищается линией прекрасных каменных домов вдоль берега Роны, *превысокими горами, в которых затеряны великолепные монастыри, усаженное деревьями гульбище, тем, что церкви и монастыри украшены картинами величайших мастеров* [6, с. 419]. Марсель Фонвизин называет городом, в котором *можно жить с превеликим удовольствием*

[6, с. 438]. В Монпелье, отмечает Фонвизин, университет основан еще в 1180 году, местоположение города прекрасно: он стоит на высоком месте, имеет королевский сад, «акедюк» (акведук), гульбище (Там же, с. 421). Столицу писатель называет *сокращением целого мира*, настолько она велика и населена, настолько много в ней чужестранцев со всего света (Там же, с. 472).

Высокой похвалы Фонвизина удостаиваются климат Франции (*в рассуждении климата здесь действительно рай* (Там же, с. 420)), дороги (дороги *це-гольские, мостовая, как скатерть* (Там же, с. 418)), французская кухня (*поварня французская очень хороша: эту справедливость ей отдать надобно* (Там же, с. 431)). Французские фабрики, выпускающие шелковые изделия, парчи и штофы, Фонвизин называет лучшими в мире (Там же, с. 456). Он приписывает французам *изобретательный ум в художествах и ремеслах, до вкуса касающихся* (Там же, с. 490), и вслед за этим признает за Францией статус модной столицы мира, сознается, что ходил к модисткам и смотрел на наряды как на прекрасные картины. Вместе с тем, признавая переменчивость моды, он пишет, что мужья уже не в состоянии давать женам достаточно денег на смену уборов, и те научились промышлять деньги, не беспокоя мужей.

В чести у русского писателя французский театр, особенно комедия. Почти столь же хороша опера, а трагедию, напротив, он нашел *посредственною*, но именно комедия *возведена здесь на возможную степень совершенства* (Там же, с. 477). Фонвизин находит ее идеальным подражанием реальности, рождающим ощущение истинности показываемой истории. Комедию он называет лучшим, что он видел в Париже. Спектакли и «непотребные девки», по Фонвизину, – это два развлечения, привлекающие в столицу Франции толпы чужестранцев (Там же, с. 445–446).

Перейдем к негативным сторонам жизни Франции, подмеченным Фонвизиным. Первое, что бросается в глаза читателю с первых страниц повествования и повторяется множество раз, – это грязь французских городов. В Ландо русских путешественников поразила *мерзкая вонь*: местные жители выливают из окон помой на улицу, так что тот, кто *не хочет задохнуться, окна не открывает* (Там же, с. 418); жители города Бресс *также по уши в нечистоте* (Там же); въезжая в Лион, *надлежит зажать нос* (Там же, с. 420), а Париж *немножко почище свиного хлева* (Там же, с. 450). Сам тот факт, что французы производят огромное количество благоуханных вод, Фонвизин приписывает тому обстоятельству, что без них бы, по его мнению, *все задохлись* (Там же). *Во Франции города находятся в рассуждении чистоты в прежалком состоянии*, – заключает писатель (Там же, с. 456). Иронизируя над французами, он пишет, что на скотном дворе хорошего русского помещика *чистоты гораздо больше, нежели перед самыми дворцами французских королей* (Там же, с. 489). Неприятно удивлен Фонвизин узостью улиц Страсбурга, Монпелье, Лиона (Там же, с. 418, 420, 421), недостатком в них солнечного света, свежего воздуха.

Предметом насмешки становится французская экономность в быту. Бывая на приемах, Фонвизин

подмечает, что блюда не обносятся вокруг стола, как принято в России, а стоят на столе на одном месте, и гость должен просить своего слугу (а при его отсутствии – самостоятельно) пройти вдоль стола и положить себе в тарелку то, чего желает. Так же с вином – его не ставят на стол из экономии: так мог бы выйти расход бутылка на гостя, а если не ставить – бутылки хватает на пять персон. Дрова дорогí, и французы отапливаются в основном хворостом; когда же гостей не бывает, даже знатная маркиза Fraigeville обедает на поварне напрогив очага, чтобы не разводить огонь в столовой [6, с. 431–432]. Тот факт, что в занимаемых русским гостем комнатах огонь в камине не переводится, позволил французам сделать вывод о его *громдном состоянии*. Не менее поразили их его соболий сюртук и горностаевая муфта, а также перстень с бриллиантами (притом, по замечанию Фонвизина, перстень этот был таков, *которого лучше бывают часто у нашей гвардии унтер-офицеров* (Там же, с. 432)). Столовые салфетки у французов из столь толстой материи, штопаны синими нитками и так плохо вымыты, что ими *гадко рот утереть* (Там же, с. 429, 434); контраст вкусной пищи и плохого столового белья бросается Фонвизину в глаза. Французы поясняют это тем, что салфетки ведь не едят. Русский гость недоумевает: рубашки тоже никто не ест, однако они у французов из тонкого, с кружевом, полотна. Удовлетворяя любопытство гостя, те показывают ему свои рубашки: оказывается, прекрасные кружева пришиты к дерюге. Объяснение французов простое: *этого не видно снаружи* (Там же, с. 429–430).

По наблюдениям Фонвизина, множество французских дворян пребывает в крайней бедности и почло бы за великое счастье определиться гувернерами в богатые русские семьи. С подобными просьбами к Фонвизину не раз обращались, но он, ссылаясь на якобы невежество большей части французского дворянства, предпочитал оставаться в стороне, считая эту практику порочной (Там же, с. 484). Недаром в «Бригадире» Фонвизин жестоко высмеивал галломанию, поразившую многих русских дворян, а главный герой комедии – недалекий сын бригадира Иванушка – хвастается тем, что он воспитанник французского кучера (действие 5, явление 2).

Сравнивая французских (имеющих личную свободу) и русских (скованных крепостничеством) крестьян, Фонвизин все же видит мало разницы между ними. По его мнению, главное право каждого француза – вольность – нивелируется закабляющей его бедностью, так что «вольность» оборачивается на деле рабством, ибо чтобы выжить, он вынужден снискивать себе пропитание *рабскою работою* (Там же, с. 460). Говоря с французами, Фонвизин «раскрывает» им глаза на истинную суть их положения, и те вынуждены согласиться (Там же, с. 463). Более того, состояние русских крестьян Фонвизин находит *несравненно счастливейшим* (Там же, с. 466) ввиду того, что французы платят в казну огромные подати, отчего их собственное благосостояние – лишь фикция. На дорогах карета путешественника то и дело окружена нищими, которые просят не только денег, но хлеба. «И посреди изобилия можно умереть с голоду», – делает вывод Фонвизин (Там же).

Не раз касается Фонвизин темы налогов. С иронией описывает он церемонию, на которой *долг верно-подданных платить исправно подати* [6, с. 458] слезно представляется чиновниками и духовенством как священный долг граждан. Церемония заканчивается благодарственным молебном Богу за сохранение в гражданах *единодушия к добровольному платежу того, что в противном случае взяли б с них насильно* (Там же). Французские налоги Фонвизин называет *безрезонными, частыми, тяжкими и служащими к одному обогащению ненасытимых начальников* (Там же, с. 486). Французский крестьянин поставлен перед выбором: либо платить, либо быть брошенным в тюрьму.

Критикуя общественное устройство Франции, Фонвизин называет его пороками разные злоупотребления: продажу чинов и должностей, несправедливое правосудие, судебную волокиту, деспотизм чиновников, неоправданно высокие налоги, высокий уровень преступности, жесткость наказаний (*почти всякий день вешают и колесуют*) (Там же, с. 439)). Автор обвиняет французов в развращении нравов до такой степени, что *подлый поступок не наказывается уже и презрением*, винит их в подлейших обманах даже тогда, когда *дело идет о малейшей корысти*, в том, что деньги стали *«первым божеством»* Франции (Там же, с. 462). Одним из проявлений косности французского общества Фонвизин считает *непотребных девок* – любовниц богатых господ и заезжих иностранцев. Осыпанные бриллиантами, они купаются в роскоши, и знатнейшие люди срамят себя публично, сидя с ними в театральных ложах (Там же, с. 446).

Фонвизин не обходит стороной и тему французского национального характера. Французы видятся ему щеголями, мастерски сплетающими слова, но мало мыслящими (Там же, с. 463). Каждый француз почитает себя разумным, но под разумом понимается им острота, а не здравый смысл (Там же, с. 472–473). Французы судят обо всем решительно, но весьма поверхностно (Там же, с. 473), забавы обожают столько же, сколько ненавидят труд (Там же, с. 475). Хотя непостоянны и ветрены, они все же обладают сердечной добротой, и редкий из них злопамятен (Там же, с. 480). Француз *всегда молод, а из молодости переваливается вдруг в дряхлую старость*, то есть в зрелом возрасте никогда не пребывает (Там же, с. 482–483). Французы легковерны и безрассудны (Там же, с. 433) и считают комплиментом сказать иностранцу, что он вовсе не похож на иностранца, но похож на француза, так как почитают себя за первую в свете нацию (Там же). Фонвизин признает патриотизм французов, их любовь к отечеству и государю (Там же, с. 443).

Наблюдая за жизнью во Франции, Фонвизин подмечает много такого, чего нет в России, что удивляет и зачастую смешит его. Он не стесняется давать этим явлениям ироническую оценку. Наблюдая военные маневры французов, русские *не могли от смеха удержаться* (Там же, с. 487). В Страсбурге супруги присутствуют на заупокойной службе в день поминовения усопших 1 ноября. Внешний вид духовенства (*архиерей в большом парике, попы напудрены*) Фонвизин называет *комедией*, церемония *так смешна, что*

треснуть надобно, он с женою от смеха насилу удержался, и оба вышли из церкви [6, с. 418]. Такой же несуразной кажется им церковная служба в Монпелье: *Я покотился со смеху, увидя эту комедию* (Там же, с. 425).

Подводя итоги путешествия, Фонвизин констатирует, что представление о Франции как о земном рае есть сущая ложь. Признавая наличие хорошего и доброго, он тут же добавляет, что дурного никак не меньше, а может быть, и больше; на каждом шагу, сталкиваясь с чем-то достойным восхищения, он отмечал и то, что достойно было порицания (Там же, с. 420, 423, 439, 441, 467, 480). *Я увидел, – пишет Фонвизин, – что во всякой земле худого гораздо больше, нежели доброго, что люди везде люди, что умные люди везде редки, что дураков везде изобильно и, словом, что наша нация не хуже ни которой и что мы дома можем наслаждаться истинным счастьем, за которым нет нужды шататься в чужих краях* (Там же, с. 449).

Этот итог Фонвизин намеревался донести своим соотечественникам, и не только родным и друзьям, но более широкому кругу русских людей, в ком жило ошибочное убеждение в том, что Франция основана на «законах разума», нацелена на всеобщее благополучие и процветание. Писатель стремился разубедить их в этом, показывая, что эта страна мало чем отличается от России, имея, наравне с достоинствами, и массу недостатков.

Фонвизин, автор *Рассуждения о непременных государственных законах и Нескольких вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание*, а также соавтор написанного совместно с Н.И. Паниным *Рассуждения о непременных государственных законах*, был не явным оппозиционером Екатерины II, считал ее деспотом, чья власть должна быть ограничена. Ее переписку с Дидро и Вольтером он считал лицемерным заигрыванием с французским Просвещением, следовать идеалам которого она не была готова и не собиралась.

Однако, по нашему мнению, и сам Фонвизин, усвоив идеи Просвещения в теории, на практике оставался человеком архаичного общества, ориентированного на традиционные российские ценности. Столкнувшись же с французским социумом, стоящим на пороге буржуазной революции, он оказался не готов принять его новшества, так как был укоренен в российской действительности.

Литература

1. Иванов, М. В. Примечания / М. В. Иванов // Д. И. Фонвизин. Сочинения. – Москва : Правда, 1981. – С. 296–318.
2. Лиль-Бэзак, А. В. Русская антиклерикальная сатира XVII–XVIII веков: специфика исторического генезиса и социально-нравственной проблематики / А. В. Лиль-Бэзак, Е. В. Никольский // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия История и филология. – 2017. – № 3. – С. 352–369.
3. Макогоненко, Г. П. «Друг свободы...» / Г. П. Макогоненко // Д. И. Фонвизин. Сочинения. – Москва : Правда, 1981. – С. 3–28.
4. Моряков, В. И. Д. И. Фонвизин о Франции последней трети XVIII в. / В. И. Моряков // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2011. – № 3. – С. 52–68.

5. Степанов, В. П. Полемика вокруг Д. И. Фонвизина в период создания «Недоросля» / В. П. Степанов // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. – Ленинград : Наука, 1986. – С. 204–229.

6. Фонвизин, Д. И. Собрание сочинений : в 2 томах / Д. И. Фонвизин. – Москва, Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1959. (В статье все ссылки на письма Фонвизина даются на том 2 данного собрания сочинений с указанием страницы.)

E.V. Papilova

THE IMAGE OF FRANCE IN DENIS FONVIZIN'S "LETTERS FROM FRANCE"

The author of the article investigates the image of France in Denis Fonvizin's letters, written to his relatives and his friend Pyotr Panin from France in 1777–1778. Formally addressed to his close people, the letters were in fact meant to be read (fully or partially) by a wide readership. In the letters Fonvizin described the government structure of France, touched upon the everyday life, manners and national character of the French. Fonvizin considered both things that deserved admiration and those that were worth blaming, the latter being more often. Fonvizin stated that the Russian people's perception of France as a cradle of reason-based Enlightenment and general prosperity was to a certain extent mythologized. E. Papilova concludes that Fonvizin though accepted the ideas of Enlightenment still adhered to traditional Russian values.

Denis Fonvizin, "Letters from France", the image of France, travelogue, imagology.

*Э.Л. Трикоз
Музей-квартира В.И. Белова*

**«МЫ ЖИЛИ В ТОМ ДАЛЁКОМ ДАЛЕКЕ...».
К 90-ЛЕТИЮ ПОЭТА ИВАНА ЛЫСЦОВА (1934–1994)
Часть 1**

Статья написана в юбилейный год поэта И.В. Лысцова и посвящена изучению биографии лирика, тесно общавшегося с В.И. Беловым, начиная с 1959 года. В ней впервые устанавливаются некоторые даты, дана реконструкция нескольких периодов жизни: служба в армии, работа в Тюмени, учеба в Литературном институте имени Горького (на материале воспоминаний современников, архивных и музейных документов).

Поэзия, Иван Лысцов, Литературный институт им. Горького, двадцатый век, Лев Ошанин, Василий Белов, Сергей Есенин.

В этом году у поэта Ивана Васильевича Лысцова две юбилейные даты: 19 октября – 90-летие со дня рождения, 24 апреля – 30 лет со дня гибели писателя. За свою жизнь он выпустил более 20 авторских сборников. Его имя вошло в антологию «Русская поэзия. XX век» [25]. Первые книги вышли в Тюмени (1956), Перми (1960) и Липецке (1961 и 1962), последующие – в центральных московских издательствах: «Молодая гвардия», «Московский рабочий», «Советская Россия», «Советский писатель», «Современник».

Лысцов был не только писателем, но и журналистом. В годы учебы в Литературном институте начинал как практикант в газете «Курская правда» (1962), после вуза работал сначала в газете «Тюменский геолог», затем в периодических изданиях: «Ленинское знамя», «Литературная Россия», «Истоки». Публицистика выходила в разных городах СССР.

В начале 1960-х годов имя молодого поэта стало известно широкому кругу читателей по журналам «Юность», «Молодая гвардия», по ежегодному сборнику «День поэзии», где неоднократно печатались стихи в 1963, 1965, 1966 [16, 19, 22]. В 1965 году вступил в Союз писателей СССР.

Подробная биография автора не складывается без упоминания имен выдающихся людей: геолога-первооткрывателя Льва Ровнина, летчика-космонавта Юрия Гагарина, поэта-песенника Льва Ошанина, писателя Василия Белова, поэта Сергея Есенина, которому были посвящены не только стихи, романсы, но и последняя документальная книга «Убийство Есенина», 1990). Творческая история обнаруживает связи с первым коми-ненецким писателем Иваном Истоминым, писателями Виктором Астафьевым и Василием Шукшиным, лириками Николаем Рубцовым и Леонидом Мерзликиным.

При этом до сих пор нет полного жизнеописания И.В. Лысцова, только краткие биографические статьи в справочных изданиях, в части из которых даже неправильно указываются даты и место рождения. Биографические данные, связанные с пребыванием Ивана

Васильевича в юные годы в Воронеже, Сызрани, Перми, либо отсутствуют, либо крайне разрознены, а восстановить их по воспоминаниям современников уже не представляется возможным.

И. Лысцов (фото из сб. «Благодарствую, жизнь»)

На данный момент известна единственная подробная биографическая статья о поэте, она написана литературоведом и краеведом Евгением Николаевичем Шталем (г. Кировск Мурманской обл.). Статья была опубликована в 2014 году к 80-летию писателя в журнале «Тиетта» Геологического института КНЦ РАН и Кольского отделения РМО (г. Апатиты) [28] и стала отправной точкой при создании объемного справочного издания «Литературные Хибинь: энциклопедический справочник, 1835–2015» [29]. По словам автора, сбор материала для нее начался именно с поэта Ивана Лысцова: «Мне не хотелось, чтобы люди канули в вечность, небытие». Поэт И.В. Лысцов «родился в Хибиногорске (ныне Кировске), в 1935 году... семья уехала с севера, и жил последние годы в Москве. В 1983 году приезжал в Кировск посмотреть

на малую родину. Человек был, творчество его есть (вышло 20 книг), а сведений о нем нигде не найти. И Кировский библиотекарь принялся за дело: разыскал родных поэта, обратился в архив “Апатита”, где работали его родители, восстановил биографию, написал о творчестве. И выпустил статью “Ребенок всенародного разлада” в альманахе “Московский Парнас”...» [5, с. 197]. Связавшись с родственниками Ивана Васильевича, Е.Н. Шталь выявил много новых биографических фактов: о переездах семьи Лысцовых в годы коллективизации и после Великой Отечественной войны, о ранней смерти отца в 1942-м, о получении Иваном начального художественного образования, о месте окончания семилетки, о детях писателя и др.

Выявилось, что сложность создания биографической летописи И.В. Лысцова состоит в том, что в первые 30 лет своей жизни Иван Васильевич постоянно менял место жительства: Кировск (Мурманская область) – Воронеж – Сызрань (ныне Самарская обл.) – Пермь – Тюменская область (Ямал) – Оренбург – Тюмень – Москва – Тюмень – Москва. И поэтому пока невозможно создать точное жизнеописание, требуется кропотливая и длительная розыскная работа (архивная, литературоведческая, музейная) в тех городах, где жил, служил или работал поэт.

К счастью, имя писателя и его лирику вспоминают в разных регионах России, создавая в наше время литературные карты и хроники отдельных областей, выпуская региональные поэтические сборники, антологии (см.: [4, 7, 8, 10, 11, 12]). Лысцовская «душа нараспашку» везде делала его своим, да и он себя не связывал с одним каким-то местом – считал сыном и липской, и мурманской земли.

Излил в глаза мне Север синь,
Но я и нивы кровный сын.
И в сердце – все края в согласье;
Где возрастал я иль служил,
Где чьим-то сердцем дорожил... [17, с. 6].

Нынешняя территория Липецкой области – родина родителей поэта; Кировск (прежнее название – Хибиногорск) – место, где родился поэт в 1934 году, Сызрань – место обучения в школе, Пермь – город, где юный Иван учился на геолога, Тюменская область – место первых геологических походов и начало профессиональной карьеры писателя, Оренбуржье – служба в армии, Москва – учеба в Литературном институте им. Горького и годы профессионального писательского творчества.

Детство, отрочество, юность...

Коротко о своих первых двадцати годах жизни Иван Васильевич сказал в предисловии «Время мое...» к книге «Страда»: «...короткое предвоенное безмятежное младенчество в кругу отчих колхозных нив; и горестные, с пороховым да пыльным привкусом годы прифронтового детства и послевоенного отрочества; это школа-семилетка в поэтичнейшем по имени городе на Волге – Сызрани и желанная учеба в нефтяном геологоразведочном техникуме в городе на Каме – Перми; это работа по изысканиям нефти и газа (до и после армии, а также уже с дипломом Литера-

турного института) – в чудесном коллективе нефтеразведчиков...» [20, с. 6–7].

Подробно о самом первом годе жизни И.В. Лысцова сказано в биографии Е.Н. Шталь: родители Ивана, крестьяне из Воронежской области, в годы коллективизации с двумя детьми (Сергеем и Любой) уехали в Кировск. С 8 февраля 1934 г. отец Ивана «работал жестянщиком, печником, бетонщиком, жена – разнорабочей в карьере, где однажды чуть не погибла... Жили в одной комнате барака № 16 на ул. Комсомольской, потом в бараке № 6 на ул. Просвещения на 25-м км. В Хибиногорске 19 октября 1934 г. родился Иван. Родители уходили на работу, а детей закрывали на ключ, который оставляли соседке. Дети играли, предоставленные самим себе, смотрели в окно: там хибинская природа, олени в упряжке...» [28, с. 88–89]. Образы Севера неоднократно были запечатлены в поэзии Ивана Васильевича, он утверждал:

Кровь северянина течет
Во мне – и Север не дает
Уж столько лет душе покоя!
Всё взору видится обвал
Снегов в долину, перевал... [17, с. 6].

Писал о детских впечатлениях – о «Севера сини», о снежной лавине, которая однажды засыпала барак, где был маленький Иван:

Ребёнок всенародного разлада,
Родившийся в хибинской стороне,
Что помню я? Лавину камнепада,
Циклона вой в застуженном окне...

Что помню я? Что вьюга голосила,
Что долго мой отец не приходил,
Что наш барак лавиною накрыло,
И долго я один во мраке был... [28, с. 89].

Кировский краевед точно установил, что в начале июля 1935 г. отец будущего поэта уволился из треста «Апатит», и семья уехала из Хибиногорска в Воронеж, где Василий Федорович устроился на завод и до начала войны строил дом, в котором позже стала жить семья. В марте 1942 года в возрасте 36 лет он умер от тяжелой болезни [28, с. 89].

Образ отца тепло и афористично воспел Иван Лысцов. И стихи о нем встречаются в сборниках разных лет.

От мяты – и мята. А я – от отца.
А был на селе он любимец
За руки умельца, за голос певца,
Да доброе сердце да имя.

Хочу я изладить, что сам он хотел,
Замыслить – что он не замыслил.
И песню исполнить, что он не допел, –
О жизни, исполненной смысла [20, с. 10].

Вот смена окончена – ты уж в тревоге,
Ты в окна глядишь, ты к калитке бегом.
И вот он, как царь, наконец на дороге –
Со свитою запахов, красящих дом... [17, с. 7].

После Великой Отечественной войны мать поэта с тремя детьми переехала в Сызрань к сестре отца Екатерине. Там Иван учился в художественной школе, закончил школу-семилетку, опубликовал первые стихи в сызранской газете. Среднее профессиональное образование он получал в Пермском нефтяном геологоразведочном техникуме, так как семья переехала в г. Краснокамск Пермской области. Отметим, что точные даты переезда в Сызрань, поступления в техникум и окончания его пока неизвестны.

**«Итак, открывается вид с буровой...»:
о технике-геологе Лысцове**

После техникума молодой И.В. Лысцов несколько лет работал геологом в нефтеразведке. До армии участвовал в Ямало-Ненецкой геологоразведочной экспедиции, был начальником Салехардского геологопоискового отряда (1955 г.). Скважина, пробуренная отрядом, выявила первые признаки нефтегазоносности. Во многом автобиографичная поэзия отразила этот период, часть текстов была с эмоционально-романтическим подъямом:

- (1) Согласно звучанью своей крутой
Фамилии, согласно рангу
Поднялся тогда и смутил покой
Главинж экспедиции Бранзбург... [20, с. 16].
- (2) Наш путь громовой – ни на зюйд, ни на норд,
А в тот континент угловатый,
Где груди земли, вырываясь вперед,
Горячейной нефтью богаты... (Там же, с. 14).

Часть произведений была написана спустя годы – спокойно, отстраненно, без сожалений и горечи о прошлом:

Мы жили в том далёком далеке
Совсем не для себя, а для державы,
Искали нефть на северной реке,
Не ждя себе ни почестей, ни славы...

Всё минуло!.. И лишь фонтаны бьют
Из недр, покрытых ржавыми цветами.
И всё ж в душе – не стылый неуют,
Не горечь от минувших испытаний... [17, с. 94].

Однако в конце 1980 – начале 1990-х гг. звучат исповедальные интонации и слова раскаяния: «Всё помню, как ныне, безбожник и техник, / Всему поклоняясь, Христу не молясь...» [15, с. 10]. (из сб. «Лунница»).

После армии И.В. Лысцов снова вернулся в Тюменскую область и работал до поступления в вуз «в чудесном коллективе нефтеразведчиков» – в Главном Тюменском производственном геологическом управлении (1958–1959 гг.), занимаясь открытием месторождений.

В Советском Союзе работа геолога в дальних районах страны хорошо оплачивалась, кроме того, за открытие месторождений коллективы получали значительные вознаграждения. Труд геолога был для многих не просто романтическим, но и приносящим хороший заработок. Этот выбор профессии объясняет устремленность молодого человека к открытиям, сво-

бде и просто к чему-то необычному («Я всегда мечтал о необычном...»).

Лысцов стремился и к обеспеченной жизни, воплощению творческих и бытовых дел. Безусловно, профессия геолога приносила хороший заработок, а главное – помогала реализовать внутренние порывы, образное мышление поэта, личный и творческий опыт. Он успешно «совмещал несовместимое» – путешествия и писательский труд, геологию и поэзию. Не случайно литературный критик Е.И. Осетров писал, что в стихах Ивана Лысцова «много широты и раздолья»: «...они под стать сибирским просторам, по которым ему довелось в юности пройти в геологической поисковой партии. Отсюда, видимо, его поэтическая удаля, атмосфера яростного утверждения действительности, всей жизни как деяния» [24, с. 6].

В геологии Иван Васильевич становится «заодно с другими» на путь первооткрывателя и одновременно предвестника эры сибирских нефтяных открытий. В 1970-е поэт признавался: «Да, мне всегда хотелось бы ощущать в себе родство с биографиями первопроходцев новых сибирских пространств и преобразователей, умножающих славу этих древних земных отчих пределов...» [20, с. 7].

Именно в то время он знакомится с легендарным инженером-геологом Львом Ивановичем Ровниным, который после окончания геологического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (1951 г.) попал в Тюменскую область и уже в 1953 году был назначен главным геологом треста «Тюменьнефтегеология» (1953–1958)¹. На Урале и свела судьба поэта с первооткрывателем Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. Оба в тот момент были молоды, энергичны, целеустремленны, выносливы и решительны.

Общительность, доброжелательность, живой ум и прекрасные организаторские способности Льва Ровнина помогали ему сплотить нужных людей в первые годы экспедиций в уральских болотах и тундрах. В воспоминаниях геолога описано, какой была обстановка в коллективе, несмотря на отсутствие человеческих благ: «В небольшом рубленом вагончике ели, вели геологическую документацию, совещались, спали, проводили культработу. Особенно запомнились беседы перед сном с рабочими буровых бригад и их многочисленные вопросы. Рассказывал им о планетных системах и происхождении Земли, о геологических процессах, происходящих внутри нее, о том, как образуется нефть и газ, где будут найдены месторождения нефти в Тюменской области. Это были интересные беседы» [6]. Безусловно, энергичный и впечатлительный Иван Васильевич попал под его обаяние и был очарован профессионализмом и силой ума коллеги.

О давней наставнической дружбе и теплых отношениях техника-геолога и инженера в период «большой Тюменской нефтяной страды» рассказывают подписи И.В. Лысцова в авторских поэтических сборниках, адресованные в разные годы Л.И. Ровнину:

¹ Особая заслуга Л.И. Ровнина заключается в обосновании перспектив открытия гигантских месторождений нефти и газа в Западной Сибири (Усть-Балыкское, Самотлорское, Федоровское, Уренгойское, Заполярное, Медвежье, Губкинское и др.).

«моему крестному в геологии...» (1966 г.); «командарму российских геологов, моему наставнику и другу» (1987 г.)².

Кривая жизни Ивана Васильевича, во многом пока пунктирно намеченная исследователями, спонтанно выводила его на сильных людей, которые, не будучи еще легендами, просто шли рядом, окрыляли и окрылялись.

Армия с Юрием Гагариным (1955–1958 гг.)

Ивана Лысцова судьба одарила тремя годами армии среди тех, кого позже стали называть поколением первых. Он с гордостью вспоминал о них: «Да, я горжусь тем, что я человек гагаринского поколения. Горжусь тем, что в черточки моей личной биографии вкраплены золотинки моего замечательного... века» [20, с. 7].

Осенью 1955 года Иван Лысцов был призван в армию, до 1958 года служил в Чкалове (ныне Оренбург), был рядовым при 1-ЧВАУ³. В должности радиомеханика стартово-командной радиостанции обслуживал полеты курсантов, в числе которых был и Юрий Алексеевич Гагарин.

Я Юру знал, – его однополчанин.
Окончив курсы в школе полковой,
Его полеты – радиомеханик –
Обслуживал я в части боевой.

Еще роса не выпадет, бывало,
А мы, связисты, знай уже себе
Рулим туда, где снова предстояло
Нам развернуться возле СКП... [12, с. 255].

В армии произошло поистине звездное пересечение одногодок Лысцова и Гагарина. Обоим был в 1955-м году 21 год. Оба попали в историю города Оренбурга. И в воспоминаниях современников высвечиваются факты об их пересечениях. Два описаны в книге «Мой брат Юрий» Валентином Алексеевичем Гагариным: «...сверстник Юры Иван Васильевич Лысцов, ныне известный поэт, автор интересных стихотворных сборников <...> служил рядовым в батальоне аэродромного обслуживания при училище. Он рассказывает, что во время учебных полетов в самолете курсант Юрий Гагарин, случалось, восторженно декламировал строфы из «Летающего пролетария» Владимира Маяковского:

Где не проехать коннице,
Где не пройти ногам, –
Там только летчик гонится
За птицами врага.
Вперед! Сквозь тучи-кочки!
Летим, крылом блестя.
Мы – летчики республики рабочих и крестьян!

² Из коллекции Музея истории науки и техники Зауралья им. Д.И. Менделеева Тюменского индустриального университета: ГК 47071581. ТМИНТЗ 938; ГК 47071001. ТМИНТЗ 936.

³ Первое Чкаловское военное авиационное училище летчиков им. К.Е. Ворошилова. В воспоминаниях Лысцов называет его Оренбургским высшим военно-авиационным училищем летчиков им. И.С. Полбина.

За эти вольности, идущие вразрез с предписаниями инструкций, Юре, разумеется, попадало» [3, с. 310].

Однако в поэме описана другая реакция офицера:

Какая вольность!.. Что-то он предпримет –
Начальник штаба (он руководил
Полетами)? – но мыслями благими
И он был занят, – мудрый командир.

Он промолчал, должно быть, улыбнувшись:
«Эге, стихи?! Всё, значит, хорошо...» [12, с. 255].

Валентину Гагарину Иван Васильевич поведал и о существовании литературного объединения при училище: «Юра частенько приходил на занятия литобъединения, с интересом наблюдал за тем, какие закипают страсти вокруг того или иного произведения, вынесенного на суд товарищей. Правда, сам он в этих шумных спорах участия никогда не принимал – просто сидел и слушал.

Думаю, что – при Юрином-то всегдашнем увлечении литературой! – рассказы Лысцова выглядят вполне правдоподобно...» [3, с. 311].

К слову, Юрий Алексеевич Гагарин, став всемирно известным, посещал крупные литературные мероприятия – встречался с советскими писателями и студентами в институте им. Горького в начале 1960-х, о чем есть опубликованные свидетельства современников (см., напр., В. Федорова «Бойцы моей земли»). Именно в те годы, когда учился И.В. Лысцов, данных о новых встречах однополчан найти не удалось.

Время в армии для Ивана Лысцова, судя по строчкам из поэмы «Происхождение», пролетело очень быстро: этот период он пережил динамично («Поэт движок. Приемник – на мази»), плодотворно, оптимистично:

Три года, как три мига, пробежали.
Я уезжал. Курсантам на плацу
Погоны лейтенантские вручали –
И были Юре звёздочки к лицу [12, с. 256].

В армейском коллективе он познал прилежного, смелого, звонкого земного человека – Гагарина. Таким его описал поэт: отличник, «лишнего – ни слова», «восторженный юноша с бесстрашной очарованной душой», богатырь, «не Колумб, не инопланетянин, но – первожитель космоса – земной».

И можно представить, как Иван Лысцов в творческой компании студентов в Москве радовался успеху своего однополчанина в 1961 году – восторженно и по-братски растроганно. Василий Белов очень живо описал эту сцену в очерке «Очень свой...»: «...вспоминается мне солнечный апрельский день в Москве... Весть о том, что в Космосе человек, я услышал на лестнице литинститута, в доме Герцена на Тверском бульваре. Это была настоящая радость, радость не фальшивая, не поддельная, а самая искренняя и человеческая. Мы, студенты, подпрыгивали, как мальчишки, обнимались, хлопали друг дружку по спинам. То, что в Космосе человек, да еще наш, русский парень, вызывало такой сердечный восторг, какой в жизни бывает очень редко...» [1, с. 4].

Литературная деятельность в армии

В Оренбурге Иван Лысцов не оставлял литературное творчество и на протяжении всего срока службы посещал местное областное литературное объединение. Солдат Лысцов о многом успел подумать в те годы, настроиться на поэзию, потому что тогда было много вдохновляющих моментов и настроение жить:

Мир живет без войны
(настроение такое, что ее никогда и не будет).
Гимнастерки с погонами –
прочь с бронзовеющих тел!
(Попробуй теперь разбери:
кто офицер, кто солдат!)... [12, с. 253].

Во время службы Иван Васильевич занимался продвижением своих стихов. До призыва в 1955-м году он успел подготовить свой юношеский сборник стихов «В первом маршруте». Книга вышла в Тюмени в 1956 году, когда поэт был уже в Оренбурге. Солдат печатал стихи в газете «Чкаловская коммуна», кроме того, именно в армии начал готовить книжку для детей «Тетрадь в косую линию». Иллюстрированная история появления школьной тетрадки вышла только в 1960 году в Перми.

Детское стихотворение не только описывало производственный цикл изготовления школьной тетради – от валки леса в тайге до создания рулонов бумаги, а затем и тетрадки, но и воспевало подвиг трудового народа Советского Союза. Оптимистично и живо поэт рифмует строки.

Как много интересного
Вместил ты, комбинат!
Но самое чудесное –
Тетрадный агрегат...
Жужит, не унимается
Всю смену без починки.
А рядом с ним старается
Работница в косынке [21, с. 20].

Будучи в армии, поэт успел опубликовать стихи в тюменском сборнике «Земляки» в 1957 году. Его фамилия оказалась в списке сибирских лириков: Ивана Истомина, Ивана Юганпелика, Леонида Лапшуя, Юрия Козлова, Анатолия Кукарского и других [4]. Причем, судя по оглавлению, в сборнике именно его стихотворная подборка самая большая – одиннадцать текстов, среди них: «Как закалялась сталь», «Старый большевик», «Родные», «Мое оружие», «Песенка о пилотке», «Первый выстрел», «Цветы в казарме» и др.

Бойкий и легкий на подъем, Иван Лысцов находил в армии время и умело концентрировался на поэзии и общении с единомышленниками в часы солдатского отдыха. Именно в армии он начал вести переписку с журналистом и писателем Иваном Григорьевичем Истоминым, который жил тогда в Салехарде, работал с 1950-го года заместителем редактора окружной газеты «Красный Север», а как раз в 1955 году стал первым профессиональным национальным писателем Тюменского Севера. Очевидно, что молодой поэт испытывал необходимость в творческом обмене.

Одно из писем И.В. Лысцова к Истомину (от 24 ноября 1955 года, из армии) хранится в фонде Шурышкарского районного музейного комплекса имени Г.С. Пузырева⁴, который находится в селе Мужы Ямало-Ненецкого АО. В нем Иван рассказывает об армейском распорядке дня, кратко отзывается о новой книге Истомина «Утро Ямала», пишет о своих литературных планах.

Дружба с И.Г. Истоминым продолжилась и окрепла после армии. Иван Лысцов не раз бывал в гостях у тюменского писателя. Об этом рассказывают воспоминания сына писателя Александра Истомина: «В 50–60-х бывал у нас Иван Васильевич Лысцов. Он писал стихи про Русь, про славян. В то время это было редко. Отец тогда предложил, чтобы мы всей семьей обедали за столом в комнате, а не поодиночке на кухне. И вот, мы сидим, Иван Лысцов с нами, рассказывает интересные случаи, читает стихи. Всевозможные загадки, головоломки предлагал решать. Помню, сестра Валя сразу решила головоломку, а он сказал, что в Москве один профессор не смог ее решить и тронулся умом» [2]. Рассказанный случай подтверждает сложившийся в памяти современников образ молодого Ивана Васильевича – общительного, артистичного, творческого, спонтанного и остроумного, умевшего в любой компании, в том числе и детской, фонтанировать шутками.

Литература

1. Белов, В. И. Очень свой... : [воспоминания о встрече с космонавтом Ю.А. Гагариным] / В. Белов // Вологодский комсомолец. – 1971. – 11 апреля. – С. 4.
2. Воспоминания детей Ивана Истомина об отце и его друзьях // Северная панорама. – 2017. – № 8. – 25 февраля. – URL: <http://spmuzhi.ru/?p=21731> (дата обращения: 02.02.2024). – Текст : электронный.
3. Гагарин, В. А. Мой брат Юрий : документальная повесть / В. А. Гагарин. – Москва : ИТРК, 2002. – 448 с.
4. Земляки: стихи тюменских поэтов. – Тюмень : Тюменское книжное издательство, 1957. – 46 с.
5. Кабыш, З. А. Собиратель: Кировский библиотекарь в одиночку создал литературную энциклопедию родного края / З. А. Кабыш // Север. – 2018. – № 9–10. – С. 196–198.
6. Кухальская, Е. Видеть сквозь землю: талант геолога Льва Ровнина / Е. Кухальская, Д. Карпов // Тюменская интернет-газета «Вслух.ру». – URL: https://vsluh.ru/long/lev_govnin/ (дата обращения: 03.03.2024). – Текст : электронный.
7. Литература Югры. Поэзия. 1930–2000 : Антология. – Москва : Унисерв, 2001. – Ч. 1. – 247 с.
8. Лысцов, И. В. // Русские поэты XX века : материалы для библиографии. – Москва, 2007. – С. 313. – (Studia poetica).
9. Лысцов Иван Васильевич // Липецкая энциклопедия. – Липецк, 2000. – Т. 2. – С. 304–305.
10. Лысцов Иван Васильевич // Писатели Москвы: биобиблиографический справочник. – Москва, 1987. – С. 274.
11. Лысцов Иван Васильевич // Славные имена земли Липецкой: биографический справочник об известных писателях, ученых, просветителях, деятелях искусства. – Липецк, 2007. – С. 174–175.
12. Лысцов, И. В. [Стихотворения] / И. В. Лысцов // И с песней молодость вернется / составитель Г. Ф. Хомутов. – Калуга, 1999. – С. 252–264.

⁴ ГК 41748869. ММ-5745/268. МАФ-23655

13. Лысцов, И. В. В первом маршруте : стихи / И. В. Лысцов. – Тюмень : Книжное издательство, 1956. – 46 с.
14. Лысцов, И. В. Добрые облака: стихи / И. В. Лысцов. – Липецк : Липецкое книжное издательство, 1961. – 32 с.
15. Лысцов, И. В. Лунница: книга лирики / И. В. Лысцов. – Москва : Советский писатель, 1990. – 221 с.
16. Лысцов, И. В. На Заманном лугу... / И. В. Лысцов // День поэзии. – Москва : Советский писатель, 1963. – С. 163–164.
17. Лысцов, И. В. Празднество: стихотворения / И. В. Лысцов. – Москва : Советская Россия, 1983. – 166 с.
18. Лысцов, И. В. Происхождение : стихи / И. В. Лысцов. – Москва : Молодая гвардия, 1985. – 111 с.
19. Лысцов, И. В. Стихи / И. В. Лысцов // День поэзии. – Москва : Советский писатель, 1965. – С. 87–88.
20. Лысцов, И. В. Страда / И. В. Лысцов. – Москва : Современник, 1974. – 141 с.
21. Лысцов, И. В. Тетрадь в косую линейку / И. В. Лысцов. – Пермь : Книжное издательство, 1960. – 22 с.
22. Лысцов, И. В. Чувство земли / И. В. Лысцов // День поэзии. – Москва : Советский писатель, 1966. – С. 86.
23. Лысцов, И. В. Шофер Зимогор / И. В. Лысцов. – Липецк : Липецкое книжное издательство, 1962. – 20 с.
24. Осетров, Е. Мир поэта / Е. Осетров // Лысцов И. Стезя : стихи. – Москва, 1971. – С. 4–6.
25. Смирнов, В. П. Русская поэзия. XX век: Антология / под редакцией В. Кострова, Г. Красникова. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С. 609–610.
26. Чернышов, А. В. Тюменскому региональному отделению Союза писателей России – 40 лет (1963–2003) / А. В. Чернышов. – URL: <https://writer-tyumen.ru/online.php?pid=16801> (дата обращения: 04.03.2024). – Текст : электронный.
27. Шталь, Е. Н. «Ребенок всенародного разлада» / Е. Н. Шталь // Московский Парнас. – Москва, 2004. – Вып. 4. – С. 119–124.
28. Шталь, Е. Н. «Родившийся в хибинской стороне...» / Е. Н. Шталь. // Тьетта. – 2014. – № 2 (28). – С. 88–91.
29. Шталь, Е. Н. Литературные Хибины: Энциклопедический справочник. 1835–2015 / Е. Н. Шталь. – Москва : АИРО–XXI, 2017. – 1056 с.

E.L. Trikoz

“WE LIVED IN THAT DISTANT TIME...”.
THE 90TH ANNIVERSARY OF THE POET IVAN LYSTSOV (1934–1994)
Part 1

The article, written in the jubilee year of the poet I.V. Lystsov, is devoted to his biography. For the first time, it introduces some important dates, reconstructs several periods of his life: military service, work in Tyumen, studies at the Maxim Gorky Literary Institute (based on the memoirs of the contemporaries, archival and museum documents).

Poetry, Ivan Lystsov, Literary Institute named after M. Gorky, Lev Oshanin, Vasily Belov, Sergey Yesenin.

УДК 811.111-26

5.9.6. Языки народов разных стран (языки германской группы)

М.А. Ананьина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

АЛЛЮЗИВНЫЙ АНТРОПОНИМ КАК КОМПОНЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА

Целью работы является изучить особенности аллюзивного антропонима как средства реализации художественного концепта на материале романа Джона Фаулза «Волхв». Задачи заключаются в выявлении соотношения понятий аллюзивного антропонима и смежных терминов, обосновании возможности рассмотрения аллюзивного антропонима в качестве средства выражения художественного концепта, отборе методом сплошной выборки аллюзивных антропонимов из текста романа Джона Фаулза «Волхв»; анализ категориальных характеристик человека, выражаемых аллюзивными антропонимами в романе. В заключение приводятся количественные данные и их интерпретация.

Аллюзивный антропоним, художественный концепт, прецедентное имя, Джон Фаулз «Волхв».

Проблема ономастикона художественного текста является актуальной на современном этапе развития лингвистики в связи с новым антропоцентрическим взглядом на многие языковые, коммуникативные и лингвостилистические проблемы. Литературная антропонимика как составляющая литературной ономастики является отражением истории и культуры общества [2, с. 4].

В научной лингвистической литературе наблюдаются различные взгляды на природу аллюзивного антропонима и его статус, а также используется различная терминология в отношении данных единиц. Используются такие термины, как аллюзивный антропоним, прецедентный антропоним, прецедентное имя, аллюзивный оним [6, с. 7]. В аспекте прецедентности наблюдаются такие единицы, как «проприальная лексика» (В.А. Суперанская), «вторичная антропонимическая номинация» (Д.И. Ермолович), «предсцизирующее/атрибутивное употребление онима» (И.Э. Ратникова), «коннотативный оним» (Е.С. Отин), «переносное употребление имени собственного», «прецедентные имена» (Е.А. Нахимова, А.В. Шмелев, В.В. Красных, Д.Б. Гудков и другие) [8, с. 24]. Как аллюзивные такие имена рассматриваются в классической риторике, как прецедентные – в теории прецедентности [4, с. 38–42]. Мы используем термин «аллюзивные антропонимы» для обозначения антропонимов, имеющих культурно-исторические и литературные коннотации, связанные с именами известных в мировом и/или национальном социуме людей и литературных образов, ситуаций, связанных с их деятельностью [7].

Индивидуально-авторская картина мира основывается на концептосфере, сформированной из тех концептов, которые входят органичной частью в менталитет писателя как «квант знания» (термин В.И. Карасика) и характеризуют его личностное ми-

ровосприятие, при этом способствуя формированию его собственного языка, лингвокогнитивного стиля [3], [5, с. 41]. Художественный текст служит ярким и адекватным средством передачи концептуальной картины мира, которая имеет индивидуальный характер и отличается понятийным, эмоциональным, ассоциативным, культурологическим содержанием. Картина мира художественного текста является проекцией основных общечеловеческих категорий в индивидуальном авторском мировидении и основывается на отраженных в них концептах. Согласно точке зрения З.Р. Хачмафовой, можно выделить концепты в широком смысле, образующие концептосферу нации, и концепты в узком смысле, обладающие культурной спецификой и характеризующие носителей языка и культуры [11, с. 38]. Концепты в узкой трактовке не образуют концептосферы как целостного и структурированного семантического пространства, но занимают в ней определенную часть. К подобным концептам можно отнести аллюзивные антропонимы, представляющие собой составную часть системы концептов культуры. Аллюзия позволяет перенести свойства и качества персонажей в исходном тексте на образы героев в цитируемом тексте, что обогащает смысловое содержание цитирующего текста [1, с. 55].

Принимая во внимание наличие различных трактовок и схем анализа когнитивной составляющей концепта, мы применили при анализе аллюзивных антропонимов классификационные параметры проприальной лексики, предложенные А.А. Уфимцевой [9, с. 92]. Основные направления структурализации системы антропонимов цитирует в своей работе В.И. Тхорик, ссылаясь на указанную выше классификацию антропонимов. Микросистема антропонимов включает критерии классификации данного типа слов в современном английском языке на основе таких

характеристик человека, как: 1) трудовая деятельность, 2) специальность, 3) коллектив, 4) чьим последователем человек является, 5) общность деятельности, интересов, 6) подчиненность, 7) отношение к собственности, 8) место жительства, 9) возраст, 10) пол, 11) родство, 12) национальные, расовые признаки, 13) наклонности, 14) интеллект [9, с. 92]. Основные характеристики личности основываются на биологических, физиологических, природных свойствах человека, социальных, трудовых, родственных отношениях, сфере психической деятельности, интеллектуальных особенностях, эмоциональных переживаниях.

Методом сплошной выборки из текста романа Джона Фаулза «Волхв» было отобрано 103 аллюзивных антропонима, была составлена и дополнена таблица отражения универсальных категориальных признаков в значении аллюзивного антропонима, включающая шестнадцать критериев, в соответствии с которыми аллюзивные имена из текста романа были выписаны и классифицированы. Критерии выявления аллюзивных антропонимов включают следующие: 1) характеристика человека по трудовой деятельности, например, имя Sisyphus традиционно ассоциируется в сознании англоязычных носителей с тяжким и бессмысленным трудом, трудностями, наказанием и страданием [15, р. 449]; 2) характеристика человека по специальности; в качестве примера можно привести имя Mercury, ассоциируемое с образом гонца и скоростью (Там же, р. 441); 3) характеристика человека по отношению к коллективу; данный параметр является довольно редким, можно привести пример друзей из одноименного романа «Three Musketeers»/«Три мушкетера» (1844) by Alexandre Dumas (Там же, р. 157); три друга были настоящими товарищами, и их лозунг демонстрировал единство и взаимопомощь: «Один – за всех, и все – за одного!»; 4) характеристика человека последователя, сторонника кого-либо, течения; в Словаре аллюзий немало примеров данной категории: Chiron в греческой мифологии имел много учеников и последователей, например Jason, Hercules, Achilles (Там же, р. 381); 5) характеристика человека по общности деятельности, интересов, что может быть продемонстрировано парой аллюзивных имен Don Quixote and Sancho Panza, герои романа «Don Quixote» by Miguel de Cervantes, герои объединены общими интересами и рыцарскими подвигами, борьбой с ветряными мельницами и другими подвигами во имя возлюбленной Дон Кихота Дульсинеи Тобосской (Там же, р. 128); 6) характеристика человека по подчинению других своей воле; в статье Dictators and Tyrants содержатся такие примеры лидеров, подчинявших себе империи, как Genghis Khan, Idi Amin, Stalin (Там же, р. 110–111); 7) характеристика человека по отношению к собственности; данная категория представлена такими именами, как Cinderella, Croesus (Там же, р. 409); 8) характеристика человека по месту жительства; данную категорию репрезентируют имена, Neville Chamberlain, премьер-министр Великобритании 1937–1940), Buddha (Там же, р. 296); 9) характеристика человека во возрасту, например Alice in Wonderland, маленькая девочка, героиня сказки Льюиса Кэрролла (Там же, р. 10); 10) характеристика человека по половому признаку; данная сема содержится практически

во всех именах собственных, например, имена Othello, Eugene Onegin характеризуют представителей мужского пола, а имена Desdemona, Tatiana относятся к женским именам; 11) характеристика человека по родству, например, Romeo из трагедии Шекспира является представителем рода the Montagues, а Juliet – представительница рода the Capulets; 12) характеристика человека по национальной, расовой принадлежности, которые часто содержатся в именах в качестве дополнительной семы, например, Clytemnestra, Apollo свидетельствуют о греческом происхождении героев; 13) характеристика человека по наклонностям, например, имена Al Capone, Arthur Daley ассоциируются с преступными наклонностями; 14) характеристика человека по интеллекту; согласно Оксфордскому словарю аллюзий, высоким интеллектом обладали/обладают личности с именами Professor Challenger, Darwin, Stephen Hawking и другие [15, р. 216]; 15) характеристика человека по внешности, например, имена Madonna, Marilyn Monroe традиционно ассоциируются с женской красотой (Там же, р. 36–37); имена Gorgon/горгона, Macbeth's witches/ведьмы из «Макбета» символизируют уродство (Там же, р. 395); 16) характеристика человека по выражению чувств, например, имена Marvin, Schopenhauer служат для выражения пессимистических чувств (Там же, р. 299). Аллюзивный антропоним может выполнять одновременно несколько характеризующих функций и может занимать несколько ячеек таблицы. Аллюзивные антропонимы в романе Дж. Фаулза «Волхв» способствуют реализации художественных концептов, связанных с образом героя произведения, особенностей, присущих человеку, а именно выражение различных чувств, эмоций, деятельности, поведения, восприятия мира, внешности, гендерной принадлежности. Результаты представлены в диаграмме.

Согласно данным диаграммы, первое место по количеству аллюзивных имен в категории занимает характеристика человека по выражению чувств и эмоций, преимущественно отрицательных или противоречивых, включающих одновременно отрицательные и положительные чувства. Вероятно, это связано с тем, что герой романа Эрфе попал в непростую жизненную ситуацию, он психологически напряжен, безуспешно пытается установить связь событий и рассказов, поступков героев, включая Кончиса, владельца виллы Бурани на острове Фраксос, где Эрфе очутился в поисках работы учителя частной английской школы. Рассмотрим пример: *None of the books I had read explained this sinister-fascinating, this Circe-like quality of Greece; the quality that makes it unique* [14, р. 49]. – В книгах об этом недобром, **цирценом** свойстве, отличающем Грецию от других стран, не пишут [10, с. 25]. В тексте эксплицитно представлено прилагательное «недоброе», которое несет в себе отрицательную оценку. Греция воспринимается как одушевленный объект, наделенный самобытным характером, однако Цицея, Кирка не особенно дружелюбна, в греческой мифологии это была волшебница, дочь Гелиоса и Персеиды, сестра Аэрты. В «Одиссее» Гомера описывается остров Эя, где царствовала проживающая в роскошном дворце Кирка. Кирка превращала людей в животных, она опоила спутников

Отражение универсальных категориальных признаков в значении
аллюзивного антропонима в художественном тексте в романе «Волхв»
Дж. Фаулза

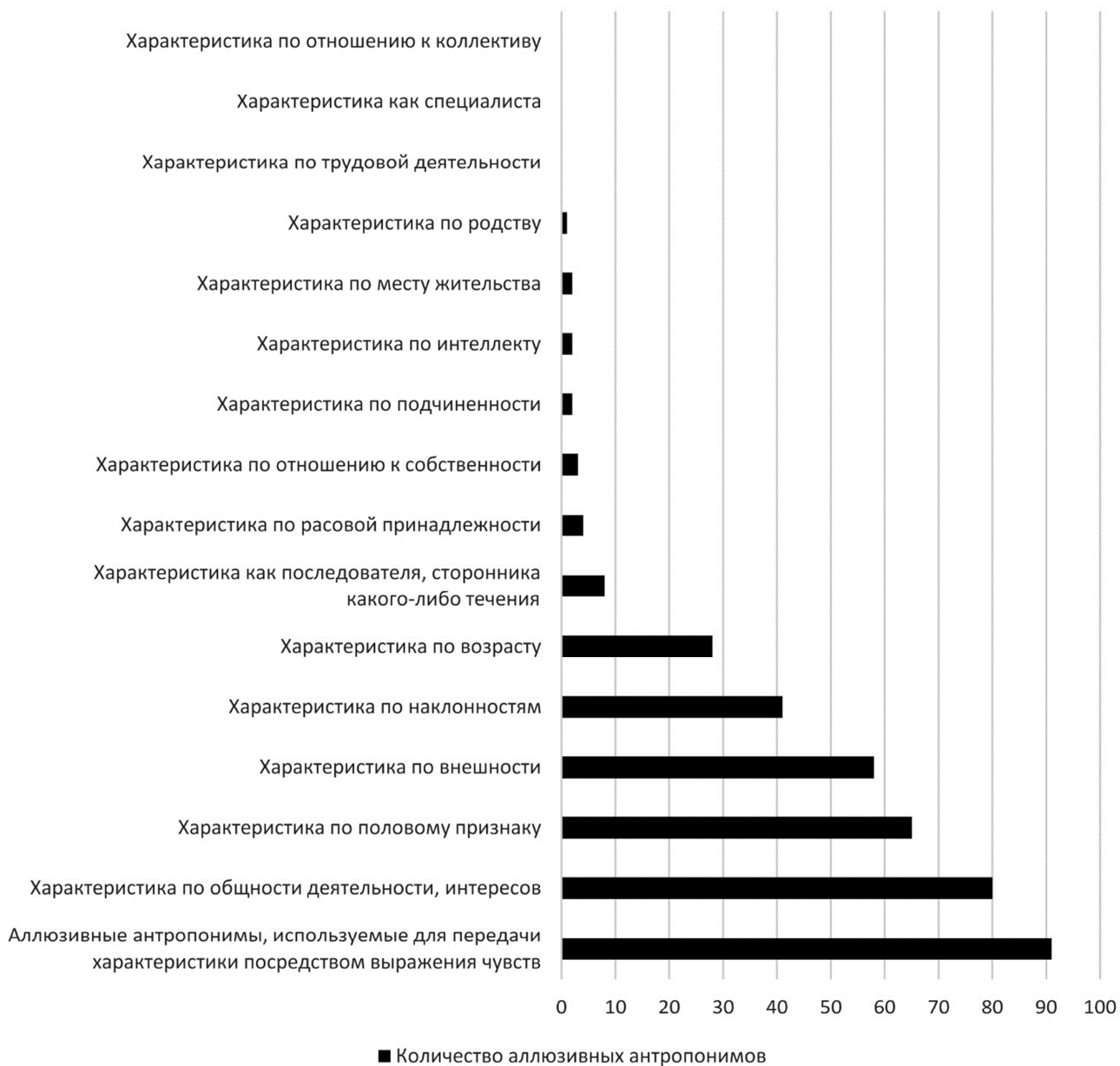

Диаграмма. Результаты анализа аллюзивных антропонимов
с точки зрения передачи категориальных признаков человека в романе Дж. Фаулза «Волхв»

Одиссея и превратила в свиней [12, с. 635]. Данный контекст демонстрирует отрицательные оценочные коннотации аллюзивного имени. Однако в английском тексте используется слово *fascinating* – «очаровательный, обворожительный», которое опущено при переводе. Оценка носит противоречивый характер, отрицательные черты совмещаются с положительными.

Второе место занимает характеристика человека по общности деятельности, интересов, которая может быть интерпретирована как способ человеческого мышления понять происходящие события в рамках известных историко-культурных фактов, освященных традицией, что придает всему контексту повествова-

ния глубокий, даже сакральный смысл, показывает преэминентность человеческой души, культуры, восприятия мира. Рассмотрим пример, иллюстрирующий характеристику человека аллюзивным именем по общности деятельности, интересов: *I must wait to see what change this brought to tomorrow's 'script'. There returned that old excitement – let it all come, even the black Minotaur, so long as it came; so long as I might reach the centre, and have the final prize I coveted* [14, p. 322]. – Посмотрим, какие изменения он внесет в завтрашний сценарий. Меня охватило прежнее нетерпение: пусть все напасти, даже **черный Минотавр**, обрушатся на меня, коль скоро их так и так не мину-

ешь; коль скоро близок центр лабиринта, где ждет желанная награда [10, с. 170]. Минотавр в греческой мифологии чудовищный получеловек-полубог, рожденный Пасифаей от быка, насланного на Крит Посейдоном. Дедал построил лабиринт, ставший чудовищу домом [13, с. 615]. Кончис ассоциируется с Минотавром, встреча с Кончисом – это блуждание по лабиринту, из которого Эрфе не может найти выхода, но у него возникает ощущение, что его ждет нечто страшное, опасное, непонятное. В Словаре аллюзий указывается, что Minotaur in Greek mythology was the creature with a bull's head and a man's body that was the offspring of Pasiphae. The Minotaur, confined in the Labyrinth built by Daedalus, devoured human flesh [15, p. 263]. В англоязычном словаре данное имя отнесено в статью «Монстры». Аллюзивное имя свидетельствует о попытке Эрфе найти объяснение непонятным событиям в его жизни, и средством отнесения явлений к определенной категории выступает аллюзивный антропоним, предлагающий мышлению возможную интерпретацию ситуации, основанную на общности поступков и поведения, интересов Кончиса и Минотавра. Среди имен, служащих для выражения общности деятельности, интересов, в романе встречаются имена известных исторических деятелей, таких как Ghandi, Sherlock Holmes, Casanova, Prospero, Ulysses, Lewis Carroll's queens, Cinderella, Adam and Eve, Hitler, Tantalus, Oedipus, Theseus, Beaumarchais, Earl of Leicester, Empson, Dylan Thomas, Euridyce. Обращает на себя внимание разнородность имен, их различная временная отнесенность, реальность и принадлежность мифологии различным сферам творческой деятельности.

Третье место по количеству аллюзивных антропонимов занимает признак гендерной характеристики персонажа, что, очевидно, объясняется тем, что антропоним содержит в своем значении сему принадлежности референта к определенному роду, мужскому, женскому или среднему. Большинство имен выражает отнесенность референта к представителям мужского или женского рода, за исключением таких существ, как Scylla and Charybdis, the Minotaur, Gorgon, Alice in Wonderland (имя использовано в контексте применительно к персонажу мужского рода для выражения одиночества). Затем следует категория характеристики человека по внешности.

Аллюзивные имена служат способом интерпретации действительности героем произведения, о чем свидетельствует их неоднократное повторение (Miranda, Caliban, Prospero, Iago), единство источника (Shakespearean). Большинство составляют аллюзивные имена с отсылкой к героям У. Шекспира (40 имен), греческой мифологии (33 имени), художникам и их полотнам (9 имен: El Greco, Goya, a Rembrandt, Picasso, Botticelli, Hogarth, a Claude, Renoir, Caravaggio). Преобладание аллюзивных имен с отсылкой к произведениям У. Шекспира и греческой мифологии представляет собой два направления мысли главного героя Эрфе в попытках интерпретации и выражения его видения ситуации, это своеобразные сценарии восприятия событий и попытки найти выход и разумное объяснение психологическим экспериментам Кончиса на острове. Остальные имена представляют

собой отдельные отсылки к музыкантам (Chopin), героям художественных произведений (Gulliver, the Lilliputians, Robinson Crusoe), образам Байрона (Don Juan, Byronic), греческим философам и поэтам (Socrates, Aristotle, Catullus), отдельным известным людям (Dylan Thomas, Thomas Hood, Lawrence, Hoffman, Casanova, Nefertiti, Ghandi, Lonsdale, Sherlock Holmes, Earl of Leicester's) и единичные отсылки (Cinderellas).

Таким образом, художественный текст является отражением национально-языковой картины мира. Картина мира писателя находит отражение в системе художественных концептов, соотносимых с национальной языковой картиной мира.

Аллюзивные имена как разновидности текстового художественного концепта служат средством актуализации картины мира социума, однако сами они не формируют отдельной концептосферы, являясь составной частью национальной языковой картины мира и картины мира автора художественного текста.

Универсальные категориальные признаки в значении аллюзивных антропонимов могут быть рассмотрены в виде классификации из шестнадцати пунктов, раскрывающих различные стороны человеческой жизни и деятельности: трудовую деятельность, профессиональную направленность, место жительства, социальное положение, пол, возраст, внешность, хобби, интересы, чувства, эмоции и ряд других.

В количественном отношении в художественном тексте преобладают аллюзивные антропонимы, способствующие выражению чувств, эмоций, интересов персонажей текста, их внешности, наклонностей и возраста.

Аллюзивные антропонимы отражают особенности восприятия и интерпретации человеком мира, в нашем случае – автором художественного текста. Многие имена носят повторяющийся, рекуррентный характер, к ним обращаются вновь и вновь, что свидетельствует об их важности в картине мира писателя. Особенно релевантными в данном отношении являются аллюзивные антропонимы, связанные с произведениями У. Шекспира, греческой мифологией, а также с именами великих художников и их полотнами.

Литература

1. Богданова, К. В. Лингвокогнитивные аспекты аллюзивности (на примере интертекстуальных включений в англоязычной массовой культуре) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Богданова К. В. – Санкт-Петербург, 2020. – 200 с.
2. Гончарова, Н. А. Ономастическое пространство как проявление языковой личности автора (на материале произведений С.Н. Сергеева-Ценского) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гончарова Н. А. – Тамбов, 2007. – 189 с.
3. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
4. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации [Текст] : монография / Е. А. Нахимова ; ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», Институт социального образования. – Екатеринбург, 2007. – 208 с.
5. Патиева, М. М. Лингвокогнитивные особенности реализации вторичной языковой личности писателя-билингва : диссертация на соискание ученой степени кандида-

та филологических наук / Патиева М. М. – Майкоп, 2019. – 174 с.

6. Постникова, О. А. Антропонимическая символика в англоязычной культуре : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Постникова О. А. – Санкт-Петербург, 2009. – 219 с.

7. Соловьева, М. А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста : На материале романов А. Мердок и их русских переводов : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Соловьева М. А. – Екатеринбург, 2004. – 300 с.

8. Стешенко, М. А. Когнитивные модели представления антропонимических концептов в Библии и в русской поэзии XVIII–XX веков : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Стешенко М. А. – Калининград, 2020. – 177 с.

9. Тхорик, В. И. Языковая личность (лингвокультурологический аспект) : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / В. И. Тхорик. – Краснодар, 2000. – 304 с.

10. Фаулз, Дж. Волхв : роман / Джон Фаулз ; перевод с английского Б. Кузьминского. – Москва : Независимая газета, 1993. – 353 с. – URL: <https://adebiportal.kz/upload/iblock/40b/40b6cb5855b4cbcd0c81969cb3584ef5.pdf> (дата обращения: 02.07.2024). – Текст : электронный.

11. Хачмафова, З. Р. Женская языковая личность в художественном тексте : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Хачмафова З. Р. – Майкоп, 2011. – 398 с.

12. Энциклопедия читателя: Литературные, библейские, классические и исторические аллюзии, реминисценции, темы и сюжеты, мифологические и сказочные герои, литературные маски, персонажи и прототипы, реальные и вымышленные топонимы, краткие биографии и рекомендуемые библиографии. Том 2. Е – К / под редакцией Ф. А. Еремеева. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета : Сократ, 2002. – 992 с.

13. Энциклопедия читателя: Литературные, библейские, классические и исторические аллюзии, реминисценции, темы и сюжеты, мифологические и сказочные герои, литературные маски, персонажи и прототипы, реальные и вымышленные топонимы, краткие биографии и рекомендуемые библиографии. Том 3. Л – М / под редакцией Ф. А. Еремеева. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета : Сократ, 2003. – 776 с.

14. Fowles, John. *The Magus*. Vintage Books / John Fowles. – London, 2004. – 656 p.

15. *The Oxford Dictionary of Allusions* / Ed. by Andrew Delahunty, Sheila Dignen and Penny Stock. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2003. – 453 p.

M.A. Ananyina

THE ALLUSIVE ANTHROPONYM AS A COMPONENT OF A LITERARY TEXT CONCEPT

The purpose of the article is to study the features of the allusive anthroponym as a means of realisation of the artistic concept in the novel “The Magus” by J. Fowles. The objectives are to identify the correlation between the concepts of the allusive anthroponym and related terms; to substantiate the possibility of considering the allusive anthroponym as a means of expressing an artistic concept; to select the samples of allusive anthroponyms from the text of “The Magus” by J. Fowles; to analyse the categorial features of allusive anthroponyms from the text of the novel. The conclusion contains quantitative data and their interpretation.

Allusive anthroponym, the concept of a literary text, precedent name, John Fowles, “The Magus”.

*Н.В. Глинка**Вологодский государственный университет*

К ТИПОЛОГИИ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

В статье дается анализ и обобщение понятия «вербальная агрессия» как одной из форм коммуникативного взаимодействия, рассматриваются основные подходы к классификации видов, форм и тактик вербальной агрессии на материале немецкого языка. На основе анализируемых материалов приводится своя классификация форм и тактик агрессивного речевого поведения.

Речевая агрессия, речевое поведение, деструктивная коммуникация.

Агрессия как общественный феномен существует как в физическом, так и в вербальном проявлении, т.к. речевая деятельность неотделима от общей системы деятельности человека, от его поведения и особенностей взаимодействия с окружающими. Вербальная агрессия не противопоставляется физической, но представляет собой одну из форм ее выражения наряду с причинением непосредственного вреда здоровью адресата, нанесение ударов, ранение, избивание, отказ от выполнения каких-либо действий и т.п. Вербальная агрессия может нанести эмоциональный вред, вызывая усталость, стресс, плохое самочувствие и негативное эмоциональное состояние у адресата. В свою очередь, агрессивное вербальное поведение, представляя собой «высшую» форму проявления агрессивности, может служить катализатором для физической агрессии.

Вербальная агрессия как одна из форм коммуникативного взаимодействия в современном обществе проявляется не только практически во всех его сферах, но и во всех без исключения этнолингвокультурах [9]. И если в некоторых культурах агрессивное вербальное поведение может рассматриваться как более или менее приемлемый вариант социального поведения вообще и речевого поведения в частности, то в большинстве случаев вербальная агрессия препятствует успешной коммуникации, т.к. выходит за рамки принятых «культурных сценариев» [3] и рассматривается как проявление конфронтационной стратегии речевого поведения. Подобное деструктивное речевое поведение в большинстве случаев вызывает ответную реакцию, чем способствует обострению конфликтов, препятствует эффективному общению и сотрудничеству, затрудняет полноценный обмен информацией на любом уровне взаимодействия.

В.Ю. Апресян под «языковой агрессией» понимает «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [1, с. 33]. Ю.В. Щербинина определяет вербальную агрессию как «проявление грубости в речи, негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицатель-

ных эмоций и намерений в неприемлемой в данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» [11, с. 13]. Н.Е. Петрова обобщает эту мысль, говоря о вербальной агрессии как о «форме речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [8, с. 8]. Вербальная агрессия, как следует из данных определений, является формой речевого поведения, целью которого является оскорбление, нанесение вреда или причинение неприятностей адресату, а не изменение его поведения, намерений или прагматических установок. Через вербальную агрессию выражаются отрицательные эмоции, реализуются собственные негативные потребности и нужды адресанта, его «стремление нанести ущерб коммуникативной позиции и самооценке другого лица» [14, с. 186].

Изучением данной темы на протяжении многих десятилетий занимались такие исследователи, как В.И. Жельвис [5], Ю.В. Щербинина [11; 12; 13], А.Г. Фомин [9], Н.С. Якимова [14], D. Infante [18; 19], F. Kiener [17], S. Bonacchi [15] и др.

Помимо термина «вербальная агрессия» в исследованиях, посвященных данной проблематике, в качестве синонимов широко используются такие понятия, как «речевая агрессия» и «коммуникативная агрессия» [7], «языковое насилие», «языковая и словесная агрессия» [2]. В зарубежных исследованиях можно встретить термины «verbal aggressiveness» [18; 19], «verbale Aggression» [17; 15] и «sprachliche Herabsetzung» (вербальное унижение) [20]. В некоторых исследованиях понятие вербальной агрессии также приравнивается к понятию инвективы, что может стать отдельным дискуссионным моментом.

Сложности терминологического характера связаны, по мнению Ю. В. Щербининой, с тем, что рассматриваемые понятия употребляются «применительно к самым разнообразным речевым действиям, весьма неоднородным по мотивации, ситуациям проявления, формам словесного воплощения, интенциональной направленности и потому не могут быть исчерпывающе определены посредством таких обобщенных понятий, как «патогенная коммуникация», «негативное

речевое воздействие», «грубость речи» и т.п.» [11, с. 14].

Согласно А. Бассу [16], вербальная агрессия может быть активной и пассивной, прямой и косвенной. Основываясь на этом заключении, он выделил четыре разновидности вербальной агрессии (ВА):

1. ВА активная прямая (словесное оскорбление или унижение другого человека);

2. ВА активная непрямая (распространение клеветы или сплетен о другом человеке);

3. ВА пассивная прямая (отказ говорить с другим человеком, отвечать на его вопросы);

4. ВА пассивная непрямая (отказ дать определенные словесные пояснения или объяснения, высказаться в защиту незаслуженно критикуемого человека).

Более подробная классификация и глубокое описание основных видов реализации вербальной агрессии представлены в работах Ю.В. Щербининой [6; 12; 13]:

1) *интенсивность* выраженности: от слабой (скрытый или косвенный упрек, не прямое оскорбление) до сильной (брань, ругань, угрозы, крайне резкие выражения и оскорбления, грубые требования и насмешки) [6, с. 120–121];

2) *осознанность* (рефлексированность) адресантом и *целенаправленность* воздействия: осознанная, целенаправленная (инициативная) и неосознанная, нецеленаправленная (реактивная) речевая агрессия (Там же);

3) *характер и способ выраженности* воздействия на адресата: явная (открытая, прямая) и скрытая (не явная, не прямая) речевая агрессия (враждебные намеки, иронические замечания, скрытые угрозы, обидные сравнения, враждебные жалобы, сообщение заведомо ложной, недостоверной, неточной или неполной информации об адресатах третьим лицам) (Там же);

4) *отношение к объекту высказывания*: переходная и непереходная (смещенная) речевая агрессия («выражение общей негативной позиции по отношению к миру, обществу, к окружающим людям» (Там же);

5) *число участников*: массовая и социально замкнутая (групповая, межличностная) речевая агрессия. Специфическими формами групповой агрессии можно считать буллинг (обидное имя, обзывания, дразнение, распространение обидных слухов), хейзинг (издевательства над новыми членами коллектива, грубые шутки, угрозы, высмеивание, бессмысленные требования) и моббинг (травля, притеснение, дискриминация, коллективное приставание, постоянная публичная критика, распространение клеветы и злобных сплетен и т.д.) (Там же).

Данные разновидности вербальной агрессии находят свое проявление в различных формах, подробную систематизацию которых можно найти в работах К.Ф. Седова, Ю.В. Щербининой, А.Г. Фомина, Н.С. Якимовой, Д. Инфанте, Ф. Кинера и других.

К.Ф. Седов называет формы проявления вербальной агрессии тактиками и рассматривает следующие из них: угроза, оскорбление, обвинение, возмущение, упрек, колкость, насмешка, демонстрация обиды, угрожающее молчание, проклятие, злопожелание, отсыл, создание отрицательного образа, высказыва-

ния, снижающие образ оппонента, нагнетание деталей, дискредитирующее утверждение [4].

Ю.В. Щербинина к основным формам – у автора «речевым жанрам агрессивного поведения» – проявления вербальной агрессии относит угрозу, оскорбление, порицание (упрек, обвинение), насмешку (колкость), нотации, грубое требование и грубый отказ, возражение (протест), враждебное замечание, жалобу, донос и клевету, сплетню [12].

А.Г. Фомин и Н.С. Якимова рассматривают в своих работах следующие тактики агрессивного речевого поведения: тактика угрозы, тактика оскорбления, тактика упрека, тактики насмешки и колкости, тактика возмущения, тактика демонстрации обиды, тактика прерывания контакта, тактика констатации некомпетентности, тактика злопожелания/отсыла [9].

Д. Инфанте выделяет 10 форм (тактик) агрессивного вербального поведения: угрозы (threat), поддразнивание (teasing) и насмешки (ridicule), критика личных качеств (character attack), способностей (competence attack) и фактов биографии (background attack), критика внешности (physical appearance attack), проклятия (curse), ругательство, сквернословие (swearing) и невербальные знаки (nonverbal emblems) [18].

Ф. Кинер также рассматривает восемь форм вербальной агрессии [17]:

1. Предполагаемая агрессия (Vermuteter Angriff) – форма вербальной агрессии, когда агрессивное поведение не выражено напрямую, но одним из участников коммуникации может расцениваться как враждебное. Например, ситуация, когда кто-то уходит, не попрощавшись, может другими участниками коммуникации рассматриваться как нарушение дружеского поведения. Навязчивая, скучная болтовня или неумение правильно вести разговор также могут быть восприняты как акт не прямой агрессии. Подобные примеры могут стать предпосылкой для проявления явного агрессивного поведения.

2. Нарушение норм как повод для агрессии (Angriff auf Grund von Normverletzungen) – подразумевает, в первую очередь, стремление большинства соответствовать общепринятым социальным нормам. Нарушение этих норм также может стать поводом для вербальной агрессии, выражающейся, например, в тактиках порицания, критики (tadeln, kritisieren) и осуждения, обвинения (Verurteilen).

3. Коварная вербальная агрессия (Heimtückische verbale Angriffe) включает формы деструктивного поведения, которые используются за спиной жертвы, в том числе подозрение (Verdächtigen), клевета (Verleumdungen), разглашение информации, предательство и донос (Verraten, denunzieren).

4. Публичные вербальные атаки (Anprangernde Angriffe) – это агрессивное поведение адресанта, направленное на причинение вреда адресату перед обществом или коллективом. В этом случае поведение человека, нарушающее общие нормы, независимо от того, причинил ли он непосредственный вред адресату и имеет ли это нарушение большое значение для общественности, выставляется напоказ, публично освещается. Выставление такой информации на всеобщее обозрение преследует цель унижить или высмеять жертву. В данном случае Ф. Кинер рассматривает

такие формы проявления публичной агрессии, как опозоривание (Bloßstellen), жалобы (Anklagen) и травлю (Hetzen).

5. Вызывающее дискомфорт вербальное поведение (Störendes Verbalverhalten) подразумевает шум, помехи, крик, ругань, при которых агрессия выражается в более яркой форме и тем самым оказывает более устрашающее воздействие. Ф. Кинер относит к этой группе скандалы, склоки, громкое выяснение отношений (Kraakeelen) и бестактное общение (Taktlos reden). Например, шум, крики и ругань от толпы пьяных людей, которые бунтуют ночью на улице, крики толпы, штурмующей здания и прорывающей ограждения, что оказывает на противника устрашающее воздействие, громкие ссоры с криками и скандалы и т.п. Подобное агрессивное речевое поведение может быть использовано с целью не дать оппоненту возможности говорить или запугать его.

6. Угрозы, вызовы (drohen, herausfordern) – форма агрессии, которая нередко предшествует физическому насилию.

7. Ссоры, спор (streiten) рассматриваются как агрессивное речевое поведение тогда, когда адресант явно нарушает социальные нормы и демонстрирует враждебное речевое поведение. При этом Ф. Кинер подчеркивает, что данный вид вербальной агрессии выступает и как искусство. Искусство превосходного спора заключается в умении правильно использовать художественные приемы в словесных баталиях.

8. Насмешки (lächerlich machen). Смех имеет свойство воздействовать на людей различным образом, чем дает возможность незаметно манипулировать эмоциональным состоянием человека. Насмешки, высмеивания, глумления, ирония, сарказм – мощное оружие словесной агрессии, т.к. это всегда злонамеренный акт. Ф. Кинер относит в данную группу высмеивание (Auslachen) с целью унижить оппонента, передразнивания, издевки, использование смешных прозвищ (nachäffen, verspotten, hänseln, necken), злые шутки, сарказм (bewitzeln, sarkastisch sein). Последний вид агрессивного речевого поведения очень популярен в современном мире. Сарказм – язвительная насмешка, высшая степень иронии, основанная не только на усиленном контрасте подразумеваемого и выражаемого, но и на немедленной намеренной разрушительной демонстрации подразумеваемого. Сарказм – это тип шуток, которые самым недружественным образом изобличают недостатки адресата.

Объединив классификации тактик, можно получить достаточно подробный список форм агрессивного речевого поведения: 1) скрытый (косвенный) или прямой упрек, обвинение, подозрение; 2) прямая или косвенная угроза, вызов; 3) прямое и не прямое оскорбление, насмешка, колкость, враждебные намеки, злые шутки, иронические и/или враждебные замечания или поддразнивания, сарказм, обидные сравнения, критика личностных качеств, внешности или фактов биографии, использование смешных прозвищ; 4) брань, ругань, резкие выражения, сквернословие, ссоры, скандалы, громкое выяснение отношений; 5) грубые требования и грубый отказ; 6) протесты и возмущения; 7) враждебные жалобы, предательство, доносы, прямая и не прямая констатация некомпе-

тентности, осуждение; 8) сообщение заведомо ложной информации, клевета, сплетни; 9) нотации и порицания; 10) злопожелания и проклятия; 11) бестактное общение, травля, буллинг и т.п.

Д. Инфанте также выделяет невербальные знаки агрессивного поведения [18], к которым можно отнести также демонстрацию обиды, прерывание контакта [9] и предполагаемую агрессию в понимании Ф. Кинера. Все перечисленные тактики соотносятся с одним или несколькими видами вербальной агрессии.

Проанализировав все упомянутые подходы, можно получить следующую классификацию видов вербальной агрессии (с примерами на немецком языке из открытых интернет-источников, в том числе видео- и текстовых материалов).

1. По степени интенсивности:

а) *слабая* ВА – выражается через слова или коммуникативные действия, но не включает явную угрозу или насилие, выражается средствами литературного языка, обычно характеризующимися негативной оценочностью. К формам проявления слабой ВА можно отнести скрытый (косвенный) упрек, скрытую (косвенную) угрозу, колкость, намеки, сарказм и иронию и т.п., произнесенные с целью задеть или причинить эмоциональный дискомфорт адресату. Например: «Das hast du ja mal wieder wunderbar hinbekommen» (Ты опять отлично справился [ирония]); «Du siehst ja heute überraschend ordentlich aus» (Ты выглядишь сегодня неожиданно аккуратно [намек на то, что обычно выглядишь неаккуратно, т.е. не прямое оскорбление]); «Na, hast du dir Mühe gegeben oder hat dir wieder jemand geholfen?» (Ну как, ты сам приложил усилия или тебе опять кто-то помогал? [намек, что было недостаточно усилий или помощи]); «Ich bin ja nicht so empfindlich wie du» (Я не такой чувствительный, как ты [пассивная агрессия, указывает на чувствительность другого человека]); «Ach ja, sag bloß, das war ja mal wieder total überraschend» (Давай скажи, что это опять было совершенно неожиданно [сарказм]);

б) *сильная* ВА – это форма агрессивного поведения, при которой адресант использует оскорбительные насмешки, угрозы, ругань, любые грубые формы речевого поведения, чтобы нанести ущерб или причинить страдание другому человеку. Выражается чаще всего с помощью грубой, стилистически сниженной и экспрессивно окрашенной лексики и фразеологии, в том числе инвективной, находящейся за пределами литературной нормы. Например: «Du bist dumm wie Brot!» (Ты глуп, как пробка!); «Halt deine Klappe, du Idiot!» (Заткни свой рот, идиот!); «Ich werde dich verprügeln, wenn du nicht verschwindest!» (Я избью тебя, если ты не исчезнешь!) и др.

2. По степени осознанности:

а) *осознанная* ВА – выражается через намеренное использование оскорбительных, унижительных или угрожающих слов и выражений с целью причинить вред или эмоциональный дискомфорт адресату. Например: «Du bist so ein Dummkopf!» (Ты настоящий идиот!); «Ich hoffe, du wirst nie Erfolg haben!» (Надеюсь, у тебя никогда ничего не получится!); «Du bist zu nichts fähig!» (Ты ни на что не способен!); «Ich wünschte, du wärest nie geboren worden!» (Лучше бы ты никогда не родился!) и др.;

б) *неосознанная* ВА – проявляется в словах и коммуникации, но может не осознаваться или не явно выражаться адресантом. Например: «Du sagst zu oft das Falsche» (Ты слишком часто говоришь не то). Это высказывание может звучать обвинительно, вызывая у другого человека неприятные чувства без явного осознания агрессии. «Dein Verhalten in dieser Situation ist einfach lächerlich» (Твое поведение в этой ситуации просто смешно). «Wenn du etwas intelligenter wärst, könntest du es wahrscheinlich verstehen» (Если бы ты был поумнее, вероятно, ты бы мог это понять). Последняя фраза, например, содержит скрытое обвинение в несостоятельности. Подобные высказывания могут оскорбить адресата, демонстрируя неуважение и вызывая раздражение, даже если адресант не осознает, что его слова агрессивны.

3. По целенаправленности:

а) *инициативная* ВА – выражается через использование грубых, уничижительных или оскорбительных слов и фраз, направленных на адресата неожиданно для него, без его явного провоцирования. Например: «Lass mich in Ruhe, du Idiot!» (Оставь меня в покое, идиот!); «Was für ein Loser bist du?» (Какой же ты неудачник!); «Deine Meinung interessiert hier niemanden!» (Твое мнение здесь никого не волнует!) и др. Инициативная вербальная агрессия может быть вызвана различными факторами, такими как злость, стресс, низкая самооценка или недостаток навыков социального взаимодействия;

б) *реактивная* ВА – это форма агрессии, в которой адресат использует вербальные средства (слова, выражения, интонацию и т. д.) для проявления агрессивного поведения *в ответ* на какое-либо раздражение или провокацию. Эта форма агрессии также может проявляться в форме оскорблений, угроз, критики или других форм негативной коммуникации. Например:

Person A: Du bist so dumm! (Ты так глуп!)

Person B: Halt's Maul, du Idiot! (Заткнись, идиот!)

4. По характеру выражения:

а) *прямая (активная)* ВА – форма агрессии, при которой человек использует речевые высказывания, чтобы нанести вред, унижить или задеть другого человека, угрожать собеседнику и т.п. Прямая ВА может включать оскорбления, угрозы, проклятия, высказывания негативных комментариев или любые другие словесные атаки, направленные на нанесение эмоционального или психологического вреда. Прямая вербальная агрессия может применяться как в реальном мире, так и в онлайн-среде, например в социальных сетях или через электронную почту. Например: «Dein Deutsch ist wirklich schlecht. Du machst so viele Grammatikfehler, dass es kaum lesbar ist. Du solltest besser lernen, bevor du versuchst, in dieser Sprache zu kommunizieren» (Твой немецкий просто ужасен! Ты делаешь столько грамматических ошибок, что твои тексты невозможно читать. Ты должен лучше учить язык, прежде чем говорить на нем); «Du bist ein elendiger Loser und wirst im Leben nichts erreichen!» (Ты жалкий неудачник и ничего не достигнешь в жизни!);

б) *непрямая (пассивная)* ВА – выражается через косвенные или скрытые способы коммуникации вместо прямого и ясного выражения своих негативных

эмоций или намерений. В отличие от прямой вербальной агрессии, которая включает явные оскорбления, угрозы или нападки, непрямая вербальная агрессия использует пассивно-агрессивные тактики, такие как намеки, ирония, сарказм, двусмысленные высказывания или комплименты, чтобы вызвать эмоциональную реакцию у адресата, что может быть способом уйти от ответственности и тем самым сохранить репутацию «хорошего» человека. Например, «Du bist ja hübsch heute. Ich hätte dich fast nicht wieder erkannt!» (Ты сегодня прекрасно выглядишь! Я тебя не сразу узнал(а)!) – двусмысленный комплимент с намеком на то, что обычно адресат плохо выглядит.

5. По отношению к объекту высказывания:

а) *переходная* ВА – направлена на конкретного участника коммуникации, имеет четко выраженный объект. Например: «Wenn du nicht aufhörst, mich zu nerven, dann kriegst du gleich eine auf die Nase!» (Если ты не перестанешь меня нервировать, получишь по носу!); «Du bist so dumm, dass du nicht einmal deinen Namen richtig buchstabieren kannst!» (Ты так глуп, что даже имя свое не можешь правильно произнести!);

б) *непереходная* (смещенная) ВА – направлена не на какой-то конкретный объект, а выражает негативную оценку всей ситуации в целом. Например: «Ich hasse diese Kälte!» (Не переношу этот холод!); «Ich hasse diese Scheißwelt!» (Ненавижу этот ужасный мир!)

6. По числу участников:

а) *социально замкнутая* ВА подразумевает ограниченное количество коммуникантов и, как правило, не выносится на суд широкой общественности, не становится публичной;

б) *массовая* ВА, напротив, включает такие понятия, как травля, буллинг, моббинг, хейзинг (ритуализированное унижающее достоинство общение по отношению к новым членам коллектива) и т.п. В этом случае агрессивное и жестокое поведение коллектива направлено на причинение дискомфорта одному или нескольким адресатам, меньшинству или даже народу и чаще всего для этого используется пропаганда, публичные выступления, пресс-конференции и т.п. На материале русского языка в качестве наиболее яркого примера такой деструктивной коммуникации можно упомянуть книгу В.К. Железникова «Чучело». Другая распространенная форма такой вербальной агрессии – это, например, конфликты в парламенте, выступления политиков в прессе, скандалы в шоу-бизнесе, при этом с клеветой и искажением правды. Для массовой вербальной агрессии характерны спекуляция на чувствах, на возбуждении агрессивных импульсов, призывы к неприязни и ненависти.

Все перечисленные формы агрессии, безотносительно классификации, так или иначе затрагивают личность адресата, являясь более или менее очевидным проявлением враждебного поведения и вызывая негативную эмоциональную и психологическую реакцию сторон. Вербальная агрессия как деструктивное, конфликтогенное коммуникативное взаимодействие, охватывающее как лингвистические, так и неязыковые аспекты коммуникации, в настоящее время активно исследуется, поэтому создание универсальной классификации видов и тактик проявления такого

речевого поведения представляется хоть и достаточно сложной, но при этом и очень интересной задачей. Несмотря на некоторые различия в подходах к изучению данного вопроса, можно отметить стремление ученых разработать единообразные критерии анализа агрессивного речевого поведения, объединить отечественные и зарубежные концепции и предложить новые методы исследования этого явления. Исследование вербальной агрессии – необходимое условие, обеспечивающее коммуникативную безопасность как отдельной личности, так и общества в целом.

Литература

1. Апресян, В. Ю. Имплицированная агрессия в языке / В. Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2003». Российский НИИ искусственного интеллекта. – Москва, 2003. – С. 32–35.
2. Быкова, О. Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия / О. Н. Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск, 1999. – Вып. 1 (8). – С. 37–41.
3. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – Москва, 1999. – 653 с.
4. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – Москва, 2001. – С. 161–176.
5. Жельвис, В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема / В. И. Жельвис. – Москва : Ладомир, 2001. – 348 с.
6. Комалова, Л. Р. Речевая агрессия: территория вражды / Л. Р. Комалова, Ю. В. Щербинина. – Москва : Форум, 2013. – 400 с. Их же // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание: Реферативный журнал. – 2014. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2014-03-027-scherbinina-yu-v-recheyaya-agressiya-territoriya-vrazhdy-m-forum-2013-400-s-bibliogr-s-366-388> (дата обращения: 07.02.2022). – Текст : электронный.
7. Лихачева, Т. С. Вербальная агрессия: способы ее предотвращения и преодоления последствий (на материале английского языка) / Т. С. Лихачева, Л. А. Заоруева, А. В. Герасимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3–3 (69). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnaya-agressiya-sposoby-ee-predotvrascheniya-i-preodoleniya-posledstviy-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 07.02.2022). – Текст : электронный.
8. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учебное пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – 160 с.
9. Фомин, А. Г. Тактики и маркеры вербальной агрессии в коммуникативном поведении россиян и американцев (по материалам речеситуативного исследования) / А. Г. Фомин, Н. С. Якимова // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taktiki-i-markery-verbalnoy-agressii-v-kommunikativnom-povedenii-rossiyan-i-amerikantsev-po-materialam-rechesituativnogo-issledovaniya> (дата обращения: 07.02.2022). – Текст : электронный.
10. Фомин, А. Г. Языковая агрессия как имманентный признак рекламного текста / А. Г. Фомин // Лингвистика: теоретические и методические исследования : сборник научных трудов. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2007. – Вып. 1. – С. 28–34.
11. Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. – Москва : КомКнига, 2006. – 360 с.
12. Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина – 2-е изд. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 360 с.
13. Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия: Территория вражды / Ю. В. Щербинина. – Москва : Форум, 2013. – 400 с.
14. Якимова, Н. С. Вербальная агрессия как актуальный феномен современного общества / Н. С. Якимова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 1 (45). – С. 184–188.
15. Bonacchi, S. Verbale Aggression: Multidisziplinäre Zugänge zur verletzenden Macht der Sprache. Diskursmuster. Discourse Patterns / S. Bonacchi. – Berlin : Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2017. – 402 s.
16. Buss, A. H. Aggression pays / A. H. Buss // The control of aggression and violence. – New York : Academic Press, 1971. – P. 112–130.
17. Kiener, F. Das Wort als Waffe: zur Psychologie der verbalen Aggression / F. Kiener. – Göttingen : Sammlung Vandenhoeck. Vandenhoeck & Ruprecht, 1983 – 304 s.
18. Infante, D. A. Aggressiveness / D. A. Infante // Personality and interpersonal communication. – Newbury Park, CA : Sage, 1987. – P. 157–192.
19. Infante, D. A. Verbal aggressiveness: An interpersonal model and measure / D. A. Infante, C. J. Wigley // Communication Monographs, № 53. – Cambridge University Press, 1986. – P. 61–69.
20. Scharloth, J. Sprachliche Gewalt und soziale Ordnung / J. Scharloth, F. Klinker, J. Szczyk // Sprachliche Gewalt: Formen und Effekte von Pejorierung, verbaler Aggression und Hassrede. Abhandlungen zur Sprachwissenschaft. – Berlin : Springer-Verlag, 2018. – С. 7–28.

N.V. Glinkina

TO THE TYPOLOGY OF VERBAL AGGRESSION

This article analyzes and summarizes various approaches to the concept of “verbal aggression” as a form of communicative interaction. Additionally, the article considers the main approaches in modern linguistics towards classifying the varieties and tactics of verbal aggression using contemporary spoken German as its material. Based on the analyzed materials, the author gives their own classification of forms and tactics of aggressive verbal behavior.

Verbal aggression, verbal behavior, destructive communication.

Ю.В. Косицина

*Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского государственного университета*

ОБРАЩЕНИЯ-АПЕЛЛЯТИВЫ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ Ф.С. ЧИСПИЯКОВА

Статья посвящена анализу обращений-апеллятивов в русскоязычных текстах шорского писателя-билингва Ф.С. Чиспиякова. Шорские обращения как эксплицитные этнокультурные маркеры рассмотрены в рамках шорско-русских лексических текстовых оппозиций в номинативной, характеризующей, оценочной функциях.

Ф.С. Чиспияков, писатель-билингв, русскоязычный текст, этнокультурные маркеры, эксплицитная маркированность, ксенизмы, варваризмы, обращения.

Введение. Ф.С. Чиспияков (1906–1972) – писатель-билингв, в равной мере владевший шорским и русским языками, – считается одним из основоположников шорской литературы [9, с. 56]. Его первое произведение – повесть «Шолбан» – было создано на шорском языке в 1934 году и переведено автором на русский язык. Последующие произведения – «Чулеш», «В долинах Мрассу» (1948) и «Кинэ» (1967) – написаны на русском языке, однако их можно назвать образцами шорской русскоязычной литературы: в художественном пространстве текстов отражается картина мира носителя шорского языка и шорской культуры, «реалии иноязычной культуры настойчиво “ищут” адекватных форм репрезентации» [4, с. 61]. В русскоязычном тексте шорского писателя выделяются этнокультурные маркеры, которые воспринимаются носителями русского языка как некие «отклонения от нормы» [3, с. 6], как «отголосок» бытия иной культуры, иного жизненного уклада» [6, с. 198].

В русскоязычных текстах писателей-билингвов мы выделяем два типа этнокультурной маркированности – имплицитную и эксплицитную. Имплицитная этнокультурная маркированность – выражение этнокультурного содержания языковыми единицами (лексическими, синтаксическими) языка вторичной культуры (русского языка), которые в контексте русскоязычного художественного мира формально воспринимаются как «свои».

Эксплицитная этнокультурная маркированность – выражение этнокультурного содержания единицами языка первичной культуры (в данном случае шорского), к которым относятся безэквивалентные национально-маркированные единицы: ономастическая лексика (антропонимы, топонимы, мифонимы), этнографизмы, варваризмы и др. Это те языковые единицы, которые являются нерусифицированными или частично русифицированными и в связи с этим воспринимаются носителями русского языка как чужеродные элементы, контрастирующие на русскоязычном фоне.

С точки зрения восприятия текста носителями русской лингвокультуры, все эксплицитные этнокультурные маркеры, транслирующие в русскоязыч-

ный текст чужую языковую культуру, культуру языка-источника, можно обозначить термином «ксенизмы». Под данным термином мы понимаем иноязычные слова и выражения, выделяющиеся в языке-приемнике как «чужие» вследствие лексической неосвоенности. Разновидностью ксенизмов является варваризм, определяемый как иноязычное слово или выражение, которое относится «к наименее освоенному виду заимствованной лексики» и «может употребляться в транслитерационном или даже в иноязычном написании» [13, с. 34–35]. В рамках данного исследования под варваризмами понимаются слова и выражения языка-источника (шорского языка), функционирующие в русскоязычном тексте как элементы чужой речи, выступающие как продукты речевой деятельности и как факты языкового сознания носителей первичной языковой культуры.

Эксплицитные этнокультурные маркеры, являющиеся варваризмами в русскоязычных текстах, можно разделить на следующие группы: обращения-апеллятивы*, междометия, звукоподражательные слова, наименования-цитаты (метаязыковые вкрапления).

Цель данной статьи – определить состав, семантику и функции шорских обращений-апеллятивов как эксплицитных этнокультурных маркеров в русскоязычной прозе Ф.С. Чиспиякова. При анализе обращений учитывается прагматический компонент значения, включающий коннотации, которые «в речевом акте несут информацию о намерениях говорящего, о речевой ситуации, о статусе собеседников, об оценке предмета речи» [10, с. 147].

Основные результаты. В русскоязычных произведениях Ф.С. Чиспиякова выделяется восемь шорских обращений: *негечи, кызым, ача, тунма, ака, эккем, эркемай, нанчы*.

Все обращения в тексте переданы графическими средствами русского языка: шорская буква *қ* (ка с запятой) заменена на букву *к* (ср. шор. *кызым, аққа*),

* Апеллятив – имя нарицательное в противоположность имени собственному (Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 192 с.).

шорская буква *ң* (эн с запятой) – на букву *н* (ср. шор. *туңма*) [17, с. 21]. В двух словах отмечается графическое и фонетическое упрощение: удвоенная гласная (*негечи*) и удвоенная согласная (*акқа*) шорского языка в русскоязычном тексте заменены одной (*негечи*, *ака*). Графический облик лексемы *нанчы*, отражающий закон небной гармонии гласных [18, с. 15], не соответствует принципам русской графики, что изначально делает слово чужеродным для адресата – носителя русского языка.

Следует отметить, что в русскоязычных текстах Ф.С. Чиспиякова шорские обращения являются грамматически адаптированными. В шорском языке обращения как знак речевого этикета имеют особую форму, которая образуется посредством прибавления к основе существительного аффиксов принадлежности *-м*, *-ым*, *-им* [7, с. 48]. Так, в «Русско-шорском разговорнике» приведены следующие примеры форм речевого обращения: *нанчы-м* (друг), *иче-м* (мама), *аба-м* (отец), *кыз-ым* (дочь), *ача-м* (обращение к старшему брату) и др. [1, с. 33–34]. В повестях Ф.С. Чиспиякова все обращения-существительные, за исключением слова *кызым*, употреблены в исходной форме: *ача*, *негечи*, *нанчы* вместо *ачам*, *негечим*, *нанчым*.

Наименования родства *негечи*, *кызым*, *туңма*, *ака*, лексемы *эккем* и *эркемай* в текстах Ф.С. Чиспиякова используются только в качестве обращений. Лексемы *ача* и *нанчы* употребляются в роли обращения, а также в синтаксической функции сказуемого и приложения при имени собственном: *Тушпан-ача у нас сидит, вас дожидается* [16, с. 36]; *Он мне не только нанчы, но и друг* (Там же, с. 51).

Обращение *негечи* в значении «сноха, жена старшего брата» [11, с. 34], использованное семь раз в повести «Кинэ», толкуется в авторских примечаниях как «жена старшего брата» с пометой «приносится с уважением» [16, с. 20]. В лексической системе русского языка отсутствует наименование для выражения данного значения, и лексема *негечи* несет особую смысловую нагрузку, являясь в речи главной героини постоянным обращением, направленным к Пеккей – жене старшего брата: *Не надо так убиваться, негечи. Мать старая была, а брат мой и твой муж вернется* (Там же); *Негечи, негечи... – бормотала она сквозь слезы. Потрясенная Пеккей... долго не могла добиться от нее никаких объяснений* (Там же, с. 38) и др. Данная номинация не только отражает шорскую систему родственных связей, но и является средством создания образа Кинэ: главная героиня относится к жене старшего брата как к старшей сестре, как к матери – человеку, готовому оказать поддержку и помощь в трудной жизненной ситуации.

В повестях Ф.С. Чиспиякова наблюдается одновременное использование в разных эпизодах шорских и русских обращений, близких по семантике: шорские слова *эккем*, *ача*, *кызым*, *нанчы* имеют в тексте русские соответствия *сестра*, *брат*, *дочь моя*, *друг*. В контексте произведения шорские и русские обращения образуют семантико-коммуникативные оппозиции: положительное/отрицательное, одобрительное/неодобрительное, официальное/неофициальное, эмоционально-окрашенное/нейтральное, ласковое/торжественное и др.

Для обозначения старших родственников по отцовской линии (брата, дяди по отцу) в шорском языке используется лексема *ача*, для обозначения младших – *туңма*. Таким образом, русское слово *брат*, имеющее иную семантическую структуру, не является эквивалентом шорских наименований.

Так, в повести «Кинэ» обращение *ача* в значении «старший брат» [11, с. 18] встречается три раза без авторского комментария: представлено в речи Кинэ по отношению к старшему брату Алексею и в речи Аспана по отношению к старшему брату Конзаю. В обоих случаях данное обращение несет положительные коннотации: отражает уважительное, доверительное отношение говорящего к собеседнику как к человеку более сильному, опытному, мудрому, к тому, кому можно доверить самое сокровенное, кто не предаст: *Ача, выйдем на минутку на крыльцо. Поговорить надо... Я решила убить Петре* [16, с. 72–73]; *Поссорились, наверное, аль? – Ача, как ты узнал? – Вы с Кинэ разные люди... Ача, я теперь взрослый человек, жених. Почему поступают со мной, как с мальчишкой?* (Там же, с. 35).

Русское обращение *брат* появляется во внутренней речи Кинэ в тот момент, когда она испытывает стыд за Алексея, держащего речь на собрании: *Ах, Алексей, брат! Не так говорит, плохо говорит* (Там же, с. 69). Обращение *брат* в данном эпизоде не случайно: употребляется с точки зрения русского речевого этикета в «возвышенно эмоциональной речи или в ситуации конфликта, отчуждения» [2, с. 63], вступая в оппозицию с шорским *ача*.

В повести «В долинах Мрассу» обращения *ача* и *туңма* неоднократно встречаются в речи отрицательных персонажей – Тастак-бая и его младшего двоюродного брата Сергея: *Как думаешь, туңма, если кто-нибудь будет обижать меня, – непустишь за меня пулю? – За тебя, ача, хоть в реку брошусь* [15]. Братья – враги новой власти, объединившиеся для борьбы ради сохранения старых, дореволюционных порядков. Шорские обращения как этнокультурные маркеры выражают отрицательные коннотации: подчеркивают тесную, родовую связь между героями, противостоящими новому времени, новым советским людям.

Словоформа *кызым*, не имеющая авторского комментария, в значении «дочь моя» используется в качестве обращения один раз в ситуации неофициального общения по отношению к девочке Кинэ со стороны гостя Мукалая. Данное обращение выражает доброжелательную эмоциональную окраску и сопровождается ласковой интонацией: *Э-э, кызым, – ласково ответил гость, – я такой богач: что за день заработал – на день не хватает* [16, с. 15].

Русский вариант *дочь моя* представлен в речи матери Кинэ, дающей дочери наказ перед смертью, и в речи старика Тушпана, напоминающего Кинэ о древнем обычае: *Дочь моя, ты до рождения была предназначена в жены Аспану, сыну Ак-Сагала и племяннику Тушпана* (Там же, с. 19); *С моим племянником тебя Ульген соединил, дочь моя* (Там же, с. 29). Обращение русского речевого этикета, которое имеет торжественную эмоциональную окраску и подчеркивает официальность ситуации, связанной с соблюде-

нием шорского священного обычая, передает значимость данного момента в судьбе героини.

Лексема *ака* употребляется в тексте два раза и не имеет авторского пояснения. В обоих эпизодах данное обращение использовано в сочетании с именем собственным – *Тушпан-ака*. Шорское слово *акқа* имеет лексическое значение «дед (по отцу)» [11, с. 15]. Однако в контексте произведения обращение *ака* направлено к старому человеку, с которым говорящий (Кара-Сагал и Кинэ) не находится в родственных отношениях, что позволяет говорить об отражении в данном слове лишь возрастной характеристики адресата (обращение к старшему) без учета родственных связей с собеседником: *Я не шучу, Тушпан-ака, она моему сыну пара* [16, с. 19]; *Тушпан-ака, где Чагыс?* (Там же, с. 107).

В повести Ф.С. Чиспиякова одним из наиболее частотных обращений является слово *эккем* (шесть словоупотреблений), направленное к Кинэ со стороны брата, его жены и старика Тушпана: *Что с тобой, эккем? На себя не походишь* (Там же, с. 28); *Эккем, болела что ли?* (Там же, с. 63); *Проснулась, эккем? – невестка нежно поцеловала ее в лоб* (Там же, с. 91); *Выслушай меня, эккем, не торопись, облегчи мою душу* (Там же, с. 108).

Существительное *эккем* образовалось от прилагательного *эрке* («милый», «дорогой», «любимый» [11, с. 74]), претерпевшего фонетические изменения, что подтверждается наличием в хакасском языке слова *икем* (то же, что *иркем*), которое является ласковым обращением к детям и жене и имеет такие лексические значения, как «милая, дитя мое, голубка моя, солнышко мое» [14, с. 133]. Однако шорское *эккем* соотносится также с хакасским словом *ике* – «младший брат, младшая сестра», которое употребляется как ласковое обращение к младшим [8, с. 41]. Таким образом, обращение *эккем* в тексте Ф.С. Чиспиякова, с одной стороны, может выражать особенности родственных связей (отношение старших членов семьи к младшим), с другой стороны, характеризует образ главной героини, выражая любовное и бережное отношение к ней со стороны близких людей.

Шорскому обращению *эккем* в значении «моя младшая сестра» в тексте противопоставлено русское обращение *сестра*, употребленное в ситуации официального общения, когда Алексей разговаривает с Кинэ в присутствии чужого человека: *Познакомься, сестра. Это уполномоченный, его новая власть прислала* [16, с. 62]. В данном примере обращение, не являясь этнокультурным маркером, утрачивает эмоциональную окраску.

Эккем в значении «моя милая», «моя дорогая» находится также в оппозиции к русским обращениям *моя хорошая*, *милая*, употребленным по отношению к собеседнику со стороны учительницы Веры Николаевны: *Учись, моя хорошая, сама все узнаешь* (Там же, с. 90); *Алёна, милая, что происходит?* (Там же, с. 95). Учительница – выходец из шорского народа, шорский язык является для нее родным. Однако в тексте данный образ представляет новую власть, новое, советское сознание, поэтому речь Веры Николаевны этнически нейтральна, что отражается в отсутствии этнокультурных маркеров – шорских лексем.

Семантико-коммуникативную оппозицию в текстах Ф.С. Чиспиякова образуют также обращения *нанчы* и *друг*. В авторских комментариях зафиксировано словарное значение лексемы *нанчы* – «друг, приятель» [16, с. 13; 11, с. 34]. Однако в тексте произведения шорское и русское слова оказываются в одном синтаксическом ряду, что подчеркивает их семантико-стилистические различия и не позволяет говорить об отношениях буквального тождества: *Одевается он еще богаче, чем Кельчек-бай, единственный в стойбище его друг и нанчы* [16, с. 13]; *Вот такой человек! Он мне не только нанчы, но и друг* (Там же, с. 51).

В повести «Кинэ» в функции обращения лексема *нанчы* употребляется пять раз: *Нет, нанчы, такая должна в горнице жить* (Кара-Сагал – Тушпану) (Там же, с. 18); *О-о, Мукалай-нанчы!* (Алексей – Мукалаю) (Там же, с. 13); *Э-э, нанчы, у них свой обычай* (Мукалай – Пеккей) (Там же, с. 16); *Э-э, нанчы, за такие слова на каторгу шлют* (Мукалай – Алексею) (Там же, с. 16); *Вот увидишь, нанчы, Чагысу я всё дам. На долг пушины не хватит – не беда, подожду* (Петре – Кинэ) (Там же, с. 49).

Анализ речевой ситуации, представленной в данных примерах, показывает, что шорская лексема *нанчы* как обращение направлена к тем собеседникам, с которыми у говорящих нет духовной связи, что противоречит лексическому значению русской лексемы *друг* – «тот, кто связан с кем-л. дружбой» [12, с. 448]. Контекст употребления позволяет говорить о том, что *нанчы* – это человек, которого с говорящим объединяют условия жизни и общие интересы, связывают деловые отношения.

Обращение *эркемай* использовано один раз в повести «Кинэ» по отношению к главной героине: *Эркемай, ножки околоченот, давай помогу!* [16, с. 44]. В авторских комментариях лексическое значение данного слова объясняется как «миленькая» (Там же, с. 44). Шорское обращение *эркемай* (ср. шор. *эрке* – «милый, дорогой, любимый» [11, с. 74]), предполагающее достаточно близкие отношения между говорящими, употребляется в речи отрицательного персонажа Петре по отношению к чужой жене. Этнокультурная маркированность особо подчеркивает неуместность слова в данной речевой ситуации и выступает как средство характеристики Петре, который ради удовлетворения своих плотских желаний пытается разрушить семью Кинэ и Чагыса.

Заключение. Таким образом, шорские обращения-апеллятивы как эксплицитные этнокультурные маркеры в русскоязычных текстах Ф.С. Чиспиякова выполняют следующие функции: номинативную, характеризующую, оценочную.

1. Номинативная

Шорские обращения называют понятия, для обозначения которых в русском языке отсутствуют специальные лексемы: *ача* – старший брат; *тунма* – младший брат, *негечи* – жена старшего брата, *эккем* – младшая сестра.

2. Характеризующая

Обращение-апеллятив является средством характеристики персонажа – говорящего и собеседника. Так, слово *эркемай*, употребленное Петре в обращении к Кинэ, представляет данного героя как бесприн-

ципного и эгоистичного человека, для которого нравственные законы и семейные обычаи не имеют ценности. Обращения *ача* и *негечи* в речи Кинэ по отношению к старшему брату и его жене подчеркивают значимость родственных отношений, что характеризует особенности мировосприятия главной героини.

3. Оценочная

Обращения-апеллятивы, имея в лексико-семантической структуре коннотативное значение, выражают отношение говорящего к собеседнику и авторское отношение к героям. Например, лексемы *ача* и *тунма* в речи Тастак-бая и его брата (повесть «В долинах Мрассу») в контексте всего произведения имеют отрицательные авторские коннотации: родственная связь между персонажами, представленная в данных обращениях, олицетворяет злое, темное начало в тексте, противостоит новой, советской действительности. В повести «Кинэ» обращение *ача* имеет положительные коннотации, связанные с уважительным отношением героини к брату и с авторским утверждением семейных ценностей.

Все выделенные функции шорских обращений-апеллятивов как эксплицитных этнокультурных маркеров подчинены концептуальной функции: формируют в воспринимающем сознании определенную картину мира, служат «кодом доступа к постижению принципиально иного этнического мироощущения» [6, с. 196]. Будучи фактом языка, обращение в шорской русскоязычной прозе «является экспликативом и отражателем совокупности представлений о действительности, сформированных на основе культурно заданного восприятия и понимания мира» [5, с. 182].

Литература

1. Амзоров, М. П. Русско-шорский разговорник / М. П. Амзоров, И. В. Шенцова. – Новокузнецк, 1991. – 64 с.
2. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
3. Бахтиреева, У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / У. М. Бахтиреева. – Москва, 2005. – 44 с.
4. Бахтиреева, У. М. Транслингвизм и ревитализация культуры / У. М. Бахтиреева, О. А. Валикова // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 57–63.
5. Бидагаева, Ц. Д. Асимметрия культурных реалий / Ц. Д. Бидагаева // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. – 2013. – № 6 (45). – С. 181–188.
6. Дианова, Л. П. Функции заимствованной лексики в текстах билингвального автора / Л. П. Дианова // Полилингвальность и транскультурные практики. – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 194–206.
7. Дыренкова, Н. П. Грамматика шорского языка / Н. П. Дыренкова. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1941. – 307 с.
8. Каксин, А. Д. Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь / А. Д. Каксин. – Абакан : Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2020. – 224 с.
9. Косточаков, Г. В. Как слово наше отзовется? (История родной литературы) : учебное пособие для бакалавров / Г. В. Косточаков. – Новокузнецк, 2015. – 199 с.
10. Кузьмина, Е. Б. Апеллятивы – термины родства в лексикографическом аспекте (об отражении прагматического компонента семантики слов в толковых словарях русского языка) / Е. Б. Кузьмина // Вестник СПбГУ. Серия 9. – 2011. – Вып. 2. – С. 147–151.
11. Курпешко-Таннагашева, Н. Н. Шор-казак пазоқ казак-шор үргедиг сөстүк : Шорско-русский и русско-шорский словарь / Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. – Кемеровское книжное издательство, 1993. – 149 с.
12. Словарь русского языка : в 4 томах / под редакцией А. П. Евгеньевой. – Т. 1. А–Й. – Москва : Русский язык, – 1985. – 696 с.
13. Словарь социолингвистических терминов / под редакцией В. Ю. Михальченко. – Москва, 2006. – 312 с.
14. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстүк. – Новосибирск, 2006. – 1114 с.
15. Чиспьяков, Ф. С. В долинах Мрассу / Ф. С. Чиспьяков. – URL: https://royallib.com/book/chispiyakov_fyodor/v_dolina_mrassu.html (дата обращения : 13.03.2023). – Текст : электронный.
16. Чиспьяков, Ф. С. Кинэ : Повесть / Ф. С. Чиспьяков. – Новокузнецк, 2001. – 111 с.
17. Чиспьяков, Э. Ф. Графика и орфография шорского языка : учебное пособие для студентов и преподавателей / Э. Ф. Чиспьяков. – Кемеровское книжное издательство, 1992. – 61 с.
18. Чиспьякова, Ф. Г. Учебное пособие по фонетике шорского языка / Ф. Г. Чиспьякова, Н. В. Шавлова. – Новокузнецк, 1992. – 52 с.

Y.V. Kositsina

ADDRESSES-APPELLATIVES AS EXPLICIT ETHNOCULTURAL MARKERS IN F.S. CHISPIYAKOV'S RUSSIAN-LANGUAGE PROSE

The article analyses the addresses-apellatives in the Russian-language texts by the Shor bilingual writer F.S. Chispiyakov. Shor addresses as explicit ethnocultural markers are considered within the framework of the Shor-Russian lexical textual contrapositions in the nominative, characterizing and evaluative functions.

F.S. Chispiyakov; bilingual writer; Russian-language text; ethnocultural markers; explicit marking; xenismes; barbarisms; addresses.

С.А. Кострубина, М.Г. Далакян
Череповецкий государственный университет

СТРУКТУРНЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ В ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛАХ Г. ЧЕРЕПОВЦА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье определяются схожие и отличительные особенности структурных типов и функций аббревиатур в глянце. Установлена высокая частотность инициальных сокращений и преобладание функции языковой компрессии. Описывается многообразие английских сокращений, а также их экспрессивность.

Сокращение/аббревиатура, структурный тип, языковая игра, публицистический стиль.

Введение. Тексты публицистического стиля обладают высоким уровнем словотворчества, стремлением к единовременной реализации компрессии и экспрессии, направленностью на определенный коммуникативный результат, кроме того, нацелены на внедрение значимого числа новообразований. Особое внимание на страницах гляцевых журналов уделяется исследованию проблемы аббревиации как одного из значимых явлений языка новейшего времени, которое пристально рассматривается многими зарубежными и отечественными лингвистами. Ведущими научными изысканиями, в которых закладывается теоретическая база анализа сокращений, их типов и подтипов, функционирования, экстралингвистических факторов внедрения в публицистический текст, являются работы следующих авторов: О.Д. Мешков (1976), О.Г. Косарева (2004), Н.М. Черненко (2009), Е.А. Дюжикова (2013), В.П. Коровушкин, С.А. Кострубина (2015), А.М. Поп, М.А. Сим (2015), G.Z. Beisembayeva, M.Z. Yeskindirova, S.A. Tulebayeva (2016), С.А. Кострубина (2017), Г.Ф. Лутфуллина (2017), А.И. Кашенцева (2018), L.E. Visser (2022).

Ключевой целью данного исследования является выявление структурных и прагматических особенностей английских и русских аббревиатур в сопоставительном аспекте (на материале русскоязычных гляцевых журналов г. Череповца). Обозначенная нами цель требует решения следующих задач: 1) систематизировать научные концепции по проблематике сокращений; 2) описать типологические черты и основные различия структурных, прагматических особенностей русских и английских сокращений с позиций контрастивной характеристики; 3) установить частотность структурных типов и функций русских и иноязычных сокращений, реализующихся в гляцевых журналах «FAME» и «Глянец». В качестве материала нами выделены 129 примеров функционирования аббревиатур (из которых: 61 – англоязычные сокращения, 68 – русскоязычные) в журналах «FAME» и «Глянец» г. Череповца (выпуск № 1, 2017; выпуск № 2, 2017) и «Глянец» (выпуск № 1, 2017; выпуск № 2, 2017).

Основная часть. В современной лингвистике одним из наиболее значимых и перспективных языковых феноменов является аббревиация. Своеобразная экономия языковых средств в XX веке стала массовым, сложным и многогранным явлением, прочно завоевавшим свои позиции в развитии языкознания. Свидетельствует об этом возрастающее количество классификаций с неустоявшейся терминологией. Несмотря на активность изысканий в данной области знания, в научной литературе зарубежных и отечественных ученых-лингвистов нет единства в определении терминов «сокращение» и «аббревиатура». Существует ряд ученых, которые считают равнозначными понятия «сокращение» и «аббревиатура». Характерно, что к противоположному мнению приходят сторонники иной теории, согласно которой исследователи разграничивают данные понятия.

О.Д. Мешков отталкивается от трактовки самого понятия «сокращение»: «Под общим названием “сокращение” кроются многочисленные и различные процессы и результаты, общим для которых является то, что слово так или иначе сокращается, становится короче по сравнению со своими прототипами» [7, с. 16]. Однако данное понимание можно считать не совсем точным, так как сокращению подвергаются не только слова, но и словосочетания, например Internet (← International Network). Противоположная точка зрения сформировалась у зарубежных ученых А.М. Поп и М.А. Сим, которые полагают, что аббревиатуры по своей структуре схожи с блендами, так как и то и другое основано на слиянии двух и более компонентов. По их мнению, под «аббревиатурой» понимается объединение первых букв слов, нескольких частей слов (с возможным упущением какого-либо слова) и произнесение результата как цельнооформленного слова [10, с. 557]. Кроме того, лингвисты считают, что широко распространенное использование аббревиатур является относительно новым лингвистическим феноменом.

В рамках проводимого исследования считаем данные термины синонимичными. Под аббревиатурой /сокращением понимаем результат процесса словооб-

разования, при котором в производной единице содержится некоторый звуковой/буквенный, морфемный, словесный след, основывающийся на полной языковой единице [4, с. 95]. Обе единицы – производная и производящая – существуют одновременно и принимаются нами как синонимы.

Изучая процесс аббревиации, неотъемлемой частью исследования остается вопрос классификации сокращенных единиц. Здесь, так же как и в тождественности или разграничении понятий «сокращение» и «аббревиатура», нет единого мнения.

В связи с наличием различных способов аббревиатурного образования одной из наиболее распространенных таксономий выступает классификация сокращений по их структуре, согласно которой исследователи выделяют схожие и отличительные структурные типы сокращенных слов. Зарубежный ученый Lodovikus E. Visser в своем изыскании классифицирует англоязычные сокращения, извлеченные из социальной сети, по следующим структурным типам: 1) clipping (усечения), 2) blends (стяжения), 3) acronym (акронимы, инициально-звуковые сокращения), 4) initialism (инициализмы, инициально-буквенные сокращения), 5) contraction (сращения) [11].

Ряд других зарубежных исследователей разделяет аббревиатуры на следующие структурные типы: лексические сокращения: а) синтаксические сокращения: а) синкопы (апокопы, аферезисы), б) гибриды, в) смешанные, г) инициальные (акронимы, графические); 2) морфологические сокращения. Кроме того, ученые уделяют особое внимание транслитированию иноязычных аббревиатур в русскоязычный текст и рассматривают несколько способов: 1) без декодирования (относится к общеупотребимым аббревиатурам), 2) описательный перевод полной формой (применимо, если определение понятия в русском языке не соответствует понятию, которое присуще используемой аббревиатуре в ином языке. Например, «PhD» (доктор философии/филологии), что представляется не в виде сокращения «DP», а только описательным переводом «доктор философии/филологии»; 3) не переводятся международные аббревиатуры; 4) транслитерируются названия политических организаций и других компаний [9].

В проведенном исследовании отмечено, что необходимо выявить универсальную классификацию структурных типов аббревиатур в английском и русском языках. Поэтому в настоящем исследовании мы придерживаемся и оперируем релевантной для обоих языков классификацией аббревиатур, которая охватывает все **структурное многообразие** типов и подтипов сокращений, а именно: 1) инициальные сокращения; 2) усеченные сокращения, сложения усеченных структур; 3) словесные сокращения; 4) сокращения с формантами; 5) сокращения-композиции; 6) синтаксически связанные сокращенные структуры; 7) графические сокращения; 8) сокращения – иноязычные заимствования [5, с. 31]. Немаловажно отметить, что наблюдается наличие весомого количества различных структурных подтипов аббревиатур.

Сегодня аббревиация является динамично развивающимся языковым явлением. Нынешнее функционирование сокращенных единиц в текстах не ограни-

чивается только лишь стремлением к лаконичности, информативности и стандарту, о чем свидетельствует обильное включение русских сокращений; но включают и оценочность, отношение, экспрессию материала, что обуславливает широкое употребление англоязычных сокращений на страницах современных текстов публицистического стиля. Данные языковые единицы сочетают в себе экономный план выражения и зачастую функционально насыщенный план содержания.

Принимая во внимание классификации закономерностей функциональной составляющей сокращений, необходимо отметить следующие аспекты:

1) ключевое содержание **языковой экономии** согласно к аббревиатурам состоит в лаконичности средств выражения, а также общем восприятии содержательной стороны новообразований, в возрастании значимости коммуникативной функции языка [2, с. 19];

2) процесс аббревиации – это «не столько экономия средств, сколько более окрашенные формы выражения уже известных понятий» [3, с. 86]. Это является следствием того, что, помимо компрессионной функции, аббревиатура выполняет и **экспрессивную** и (или) оценочную функции;

3) задача **лимитивной** функции состоит в ограничении числа коммуникантов и представлении информации лишь для определенного круга читателей: аббревиатуры профессиональных сфер являются «кодowymi» и служат тайным языком [8, с. 75];

4) сокращения заменяют полную генеративную единицу, то есть выступают в качестве знака-заместителя, знака-копии. Осуществляется первоначальное включение сокращения в текст с параллельным указанием его полного источника (реализуется **заместительная** функция) [1, с. 11].

В данной работе сопоставляются структурные и функциональные характеристики сокращений в синхронном срезе английского и русского языков. Ввиду этого отмечаем, что контрастивная лингвистика преследует следующую цель: обнаружить сходства и различия в сравниваемых языках. Тем самым применяется сопоставительный метод для выявления несходств, контрастных черт образования и функционирования сокращенных единиц в обоих языках [6].

Ниже в диахроническом порядке, начиная с более частотных и заканчивая менее частотными, представлены способы образования (где **1 – инициальные сокращения, 2 – усеченные сокращения, 3 – акронимы, 4 – графические сокращения, 5 – словесные сокращения, 6 – сокращения с формантами, 7 – сокращения – иноязычные заимствования**) английских и русских аббревиатур, которые функционируют в анализируемых русскоязычных глянцевого журналах.

1 (инициальные; выделяют подтипы)

Подтип (инициально-буквенные):

- а) *Это самый лучший DJ нашего города* (Глянец);
- б) *Ирина Кольцова родилась в Череповце, окончила школу с медалью, ЧГУ с красным дипломом* (Глянец).

Подтип (инициально-звуковые):

- а) *В основе занятий лежит программа SMART-тренировок, которая была разработана физиолога-*

ми, диетологами, тренерами всероссийского уровня (Глянец);

б) *А на месте магазина BOSCOFAMILY в ГУМе скрывалась заветная 200-я секция – мечта всех модниц и модников того времени* (Глянец).

Подтип (инициально буквенно-звуковые):

а) *Потом пришла эра компьютерных дисков, и мы первыми в городе стали возить CD-ROM* (Глянец);

б) *Футбольный клуб ЦСКА был основан в 1911 году* (Глянец).

Сопоставительный анализ показывает, что наиболее широко распространенным структурным типом сокращений в обоих языках является инициальный, который в свою очередь подразделяется на три подтипа. Функционирование данного структурного типа в английском и русском материале, прежде всего, характеризуется стремлением сократить языковое пространство (реализуется **компрессионная функция**), употребив общепринятую для широкого круга читателей аббревиатуру. Так, например, в русскоязычный текст внедрена инициально-буквенная аббревиатура «DJ» вместо «человек, осуществляющий публичное воспроизведение записанных на звуковые носители музыкальных произведений с изменением».

2 (усеченные; выделяются подтипы)

Подтип (начально-усеченные дериваты одного слова):

а) *В нашем салоне находится несколько **demo** автомобилей* (Глянец);

б) *Пишут раздосадованные зрительницы в **соцсетях*** (Глянец).

Подтип (конечно-усеченные дериваты одного слова):

а) *В **tube** можно найти много видео-обзоров об этом парке* (Глянец);

б) *Первый **phone** у меня появился только в 17 лет* (FAME).

Подтип (начально-конечно-усеченные дериваты одного слова):

а) *Я часто захожу в **Inet** и отслеживаю комментари* (FAME).

Подтип (начально-усеченные сложения двух апокопированных слов):

а) ***Prolaser** – новая технология эпиляции* (Глянец);

б) *Главные отличия – это свежесть продуктов и их качество, устоявшиеся традиции итальянского **общепита*** (Глянец).

Подтип (начально-конечно-усеченные сложения двух апокопированных слов):

а) *В нашем новом зале будущие мамы смогут проделывать **strollercise*** (Глянец);

б) *Наблюдается значительный рост **сетелей** школьного возраста* (Глянец).

Подтип (начально-средино-усеченные сложения двух апокопированных слов):

а) *Например, билет на самолет японской авиакомпании **Jal** туда-обратно может стоить от \$500* (FAME).

Проанализировав данный структурный тип сокращений, можно выделить, что для русского и английского языков релевантны структурные подтипы –1, 4, 5; однако на материале английского языка наблюдается большее структурное разнообразие, так как ха-

рактерны еще и структурные подтипы – 2, 3, 6. Отсутствие расшифровки сокращенных английских и русских единиц данного структурного типа обусловлено тем фактом, что усечению подвергаются в основном распространенные языковые единицы, интерпретация которых не сопровождается трудностями. Следовательно, журналистами достигается фактологическая манера изложения с помощью реализации **компрессионной** функции аббревиатур.

3 (бэкронимы)

а) *В Америке достаточно популярен гибкий инструмент накопления – **IRA*** (FAME);

б) *Всем хорошо известно, что в заведении действует правило **GOLF*** (FAME).

Следует отметить, что на материале настоящего исследования исключительно английские аббревиатуры используются для создания **экспрессивности** изложения русскоязычного материала. Зачастую берется модель общеизвестного английского слова и затем на него «накладывается» необычная расшифровка, что позволяет сокращению легко войти в речь и закрепиться в языке. Проиллюстрируем: лексема «Golf» в обиходе профессиональной сферы гольфистов до сих пор является оригинальной «мужской» трактовкой названия спортивной игры – GOLF: Gentlemen Only Ladies Forbidden («Только для мужчин – женщинам воспрещается»). Следовательно, данное сокращение может использоваться, чтобы скрыть от нежеланных в определенной рубрике читателей (в настоящем случае женщин) определенную информацию, так как гольф на протяжении долгого периода являлся лишь мужским видом спорта. Сегодня использование данного бэкронима осуществляется для реализации журналистами своих собственных идей: привлечения внимания читателя с помощью употребления типичного слова в нестандартной речевой ситуации. Более того, для презентативности материала, так как аббревиатура представляется написанием заглавными буквами, выделенными курсивом и полужирным шрифтом не только с целью экономии моторных усилий, но и для создания броской языковой единицы.

4 (графические аббревиатуры)

а) *1 марта 2017 года в баре-ресторане «Заправка» прошел финал 1-го корпоративного конкурса красоты «**Ms. Морсен**»* (FAME);

б) *Ольга Ергина – череповчанка, актриса театра **им. Вл. Маяковского*** (Глянец).

Определено, что графические аббревиатуры используются только в печатных текстах в английском и русском языках, в устной речи произносятся как цельнооформленные языковые единицы. Иллюстрация на английском языке наглядно демонстрирует, как с помощью общепринятого англоязычного сокращения русский язык стремится к такому же особому речевому этикету. Данное сокращение используется независимо от семейного положения, возраста и статуса женщины. Функционируемая англоязычная аббревиатура не имеет равнозначного эквивалента в русском языке, который полностью бы отражал весь план содержания. Из чего следует, что в данном случае приемлемо включение англоязычного **краткого, фиксированного сокращения** в русскоязычный текст, дабы **экономить языковое пространство**.

5 (словесные; подразделяются на подтипы)

Подтип (эллипсис начальных слов):

а) *Если вам нужна **sitter**, то звоните по номеру ниже* (FAME).

Подтип (эллипсис конечных слов):

а) *Если вы владеете английским языком, читайте **Wall Street Journal** и **Bloomberg*** (Глянец).

Данный структурный тип выявлен только на материале английского языка. На наш взгляд, подобное включение англоязычных сокращений в русскоязычный текст свидетельствует о преимуществе читателя, социальном статусе, а также уровне его осведомленности в рамках той или иной темы. Столь уверенное внедрение английских сокращений отличается особенностями культуры общества, стремлением писателя апеллировать к установкам и ценностям современного читателя. Таким образом, подобная **компрессия** словообразования представляет собой языковой механизм, отвечающим социальным запросам: как с точки зрения читателя, получив в сжатое время необходимую информацию, так и с точки зрения журналиста, включив русские или англоязычные аббревиатуры в текст с ограниченным количеством символов.

6 (аббревиатуры с формантами)

а) *Раньше все **exams** были гораздо легче и результативнее* (FAME);

б) ***Primaries** (предварительный отбор кандидатов) актриса прошла с легкостью, но в Госдуме в итоге не попала* (Глянец).

Сокращения с формантами обнаружены на материале английского языка. Включение данного англоязычного сокращения, главным образом, подчеркивает то, что публицистический текст должен отражать документально-фактологическую манеру изложения с помощью употребления специальных языковых единиц. Отмечаем, что первоначальное введение англоязычной аббревиатуры сопровождается ее расшифровкой, что свидетельствует о реализации **заместительной** функции таким структурным типом, как сокращения с формантами.

7 (аббревиатуры – иноязычные заимствования)

а) *Гидромассажный **SPA**-бассейн длиной 6 м с противотоком и ЖК-телевизорами* (FAME);

б) *Я выиграла стипендию Президента РФ на обучение за рубежом и получила возможность развивать свою идею в лаборатории информационных технологий **EpicLab** в **ИТАМ*** (Глянец).

Кроме того, следует отметить, что одной из особенностей англоязычных сокращений является то, что они могут выступать в качестве «кодовых» единиц, то есть когда автор пытается скрыть что-то от нежеланных читателей и адресовать только определенной аудитории. Таким образом, **лимитивная** функция англоязычных сокращений отражается в употреблении инициально-звуковых сокращений (акронимов), например, такой профессиональной сферы, как торговля:

*На **FOB** мы сразу производим анализ качества продукции* (FAME).

Автор статьи употребляет международную специфическую аббревиатуру, использующуюся для обозначения условий поставки груза и определения сто-

роны, которая берет на себя расходы по транспортировке. Следовательно, можно предположить, что журналист намеренно использует данное англоязычное сокращение без расшифровки, дабы адресовать данную информацию только для читателей, знающих механизмы прибытия и отправки груза с борта судна, следовательно, выполняя **лимитивную** функцию сокращений.

Выводы. В ходе данного исследования с помощью метода сопоставления рассмотрены структурно-функциональные особенности английских и русских сокращенных языковых единиц в гляцевых журналах г. Череповца.

Контрастивный анализ структурного многообразия аббревиатур показывает, что основные модели образования типичны в обоих рассматриваемых языках. Инициальные сокращения (включая подтипы) являются доминирующим структурным типом в обоих языках. Выявлены характеристики: в английском языке наблюдается большее разнообразие подтипов усеченных сокращений, присутствуют бэкронимы, словесные аббревиатуры и сокращения с формантами; русскоязычный материал исследования нацелен на реализацию **компрессионной** и **заместительной** функций в текстах публицистического стиля; однако в английском языке наблюдается реализация **компрессионной**, **экспрессивной** и **лимитивной** функций.

Всестороннее рассмотрение структурных особенностей английских и русских сокращений позволило выявить, что в исследуемом материале очевидно преобладание инициальных сокращений, общее количество которых в рассматриваемой выборке составляет 27 единиц или 44,26% от общего объема англоязычных сокращений и 57 единиц или 83,32% от общего объема русскоязычных сокращений.

Анализ исследуемой выборки показал, что в русскоязычном тексте встречаются 8 англоязычных бэкронимов или 13,11% от общей выборки в английском языке. В русском языке данный структурный тип не выявлен.

В результате исследования зафиксировано, что в обоих языках наблюдается наличие усечений, однако на английском языке – большее разнообразие, что составляет 18 усечений, то есть 29,51%, и на русском языке – 11 усечений, то есть 16,18%.

Кроме того, на материале английского языка обнаружены 5 словесных сокращений и 3 сокращения с формантами, что составляет 8,2% и 4,92% соответственно.

Отмечаем, что высокий уровень функционирования англоязычных сокращений в русскоязычном тексте свидетельствует о пополнении словарного состава русского языка с целью расширения спектра социальных, культурных, геополитических связей. Кроме того, отражается еще и новаторский характер как одна из главных черт публицистики, что позволяет сохранить тенденцию к созданию инновационности текстов.

Материал настоящего исследования демонстрирует, что каждый структурный тип аббревиатур характеризуется теми или иными функциями. Если для одних типов аббревиатур характерны компрессионная и заместительная функции (с целью более лаконичного и информативного изложения информации), то для

других типов релеванты экспрессивная и лимитивная функции (с целью создания выразительного средства, привлечения внимания читателя, направленности на определенный читательский круг).

Таким образом, проведенный структурный и прагматический анализ показал, что компрессионная функция сокращений в большинстве случаев выражена с помощью инициального структурного типа англоязычных и русскоязычных аббревиатур, в то время как экспрессивная функция достигается благодаря включению англоязычных бэкронимов. Полученный результат, главным образом, является отражением ведущих задач публицистического стиля – компрессии текста без потери информативной содержательности и создания эмоциональности высказываний, художественной образности. Внушительное количество англоязычных аббревиатур в русскоязычных текстах глянцевого журнала объясняется стремлением современных источников информации к лингвистической универсализации с целью расширения читательского контингента и достижения эффективных результатов в профессиональной коммуникации. Благодаря англоязычным вкраплениям образуются уникальные синтаксические конструкции в русскоязычном тексте, которые способствуют созданию двойного эффекта, то есть умеренной конденсации уровня информативности для адресанта, а также образности, которая становится главной частью языковой среды текстов публицистического стиля.

Литература

1. Дюжикова, Е. А. Функции аббревиатур в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы (на материале английского языка) / Е. А. Дюжикова // Электронный журнал : Вестник Московского государственного областного университета. – 2013. – № 3. – С. 7–16.
2. Кашенцева, А. И. Аббревиатурные конструкции в современном французском языке / А. И. Кашенцева. – Белгород : Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2018. – 57 с.
3. Косарева, О. Г. Аббревиатура как одно из средств экономии и экспрессии речи (на материале современной прессы) / О. Г. Косарева // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 2. – С. 85–89.
4. Коровушкин, В. П. Основные структурные типы сокращений терминов в современных английском и русском субъязыках экономистов / В. П. Коровушкин, С. А. Кострубина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 4 (65). – С. 94–99.
5. Кострубина, С. А. Аббревиатуры английских и русских экономических терминов: контрастивный аспект / С. А. Кострубина // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 418. – С. 30–35.
6. Лутфуллина, Г. Ф. Введение в сопоставительную лингвистику / Г. Ф. Лутфуллина. – Казань : Казанский государственный энергетический университет, 2017. – 84 с.
7. Мешков, О. Д. Словообразование современного английского языка / О. Д. Мешков. – Москва : Наука, 1976. – 245 с.
8. Черненко, Н. М. Стилистика компьютерного общения / Н. М. Черненко // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 1 (58). – С. 73–79.
9. Beisembayeva, G. Z. Abbreviation as a Reflection of Terms Variability in Language for Specific Purposes: Translational Features (Terminology Case Study in German, English, Kazakh, and Russia) / G. Z. Beisembayeva, M. Z. Yeskindirova, S. A. Tulebayeva // International journal of environmental & Science education. – 2016. – Vol. 11, № 18. – P. 11319–11330.
10. Pop, A. M. The use of acronyms and initialisms in business English / A. M. Pop, M. A. Sim // International journal of English language & translation studies. – 2015. – Vol. 3, № 2. – P. 557–562.
11. Visser, L. E. Types of abbreviation used in Facebook / L. E. Visser // University journal of Islam Malang. – 2022. – Vol. 2, № 3. – P. 242–254.

S.A. Kostrubina, M.G. Dalakyan

STRUCTURAL AND PRAGMATIC FEATURES OF ENGLISH AND RUSSIAN ABBREVIATIONS IN GLOSSY MAGAZINES: COMPARATIVE ASPECT

The paper identifies the main similar and distinctive characteristics of the shortenings' structural types and functions in glossy magazines published in Cherepovets. The high frequency of the initial type of shortenings and the prevalence of language compression are revealed. The diversity and expressiveness of English shortenings are considered.

Shortening/abbreviation, structural type, language play, publisistic style.

А.Ю. Лемак

Вологодский государственный университет

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Статья посвящена изучению особенностей темпоральной лексики Петровской эпохи на примере слова **ныне** и однокоренных слов, а также оборотов с этим словом на материале «Писем и бумаг императора Петра Великого». Лексико-семантический и функционально-стилистический анализы рассмотренных лексем позволили установить, что официальные и частные тексты Петровской эпохи имели разнообразный лексический состав, при этом книжные и разговорные элементы имели богатую семантику и употреблялись в разнообразных контекстах.

Петровская эпоха, темпоральная лексика, лексико-семантический анализ, функционально-стилистический анализ, **ныне**, бумаги императора Петра Великого.

Введение. В первой четверти XVIII века начинается постепенное формирование новых норм русского литературного языка на основе всех имеющихся в словаре и грамматике языковых средств. Это коснулось и лексики как исконно русской, так и заимствованной: для языка этого периода характерны стилистическая пестрота, смешение лексики разных стилей [8, с. 58]. Петровская эпоха – наиболее яркий, переломный момент в истории национального русского литературного языка.

«Стилистическая неупорядоченность литературного языка» и «причудливое смешение» церковнославянских, просторечных, диалектных и заимствованных слов и морфем [11, с. 149–150] особенно ярко отражены в эпистолярном жанре Петровской эпохи, который «оказался на передовых позициях формирования новых национальных форм существования русского языка». Мобильный и динамический, этот жанр сыграл прогрессивную, исторически значимую роль в развитии русского литературного языка в целом, так как в нем «нашел отражение и определенное закрепление в течение данной эпохи гармоничный синтез лучших традиций книжного языка с элементами живой разговорной речи, во многом уже в это время получавшей права литературности в лингвистической организации делового и бытового документа» [9, с. 114].

Изучению заимствованной лексики посвящены исследования Н.И. Гайнуллиной, И.В. Колчевой, М.Б. Ясинской; особенности языка деловой переписки рассматривали в своих работах В.О. Петрунин [13], З.Х. Нуржанова [12], Т.С. Садова [14] и другие ученые. Несмотря на интерес к истории русского литературного языка первой четверти XVIII века, многие письменные источники этого времени в лексическом плане остаются почти не обследованными [10, с. 4].

«В Петровскую эпоху формируется новая культура устного и письменного общения» [16, с. 38]. В связи с этим целью данной работы является изучение особенностей темпоральной лексики Петровской эпо-

хи, в частности, наречия **ныне (нынѣ)** и однокоренных **доныне, поныне, нынешний**, а также устойчивых выражений, в состав которых они входят. В качестве источника выступают «Письма и бумаги императора Петра Великого», поскольку они содержат «богатейший языковой материал, представляющий большой интерес в связи с проблемой изучения путей формирования единых лексических норм национального русского литературного языка» [10, с. 4].

Актуальность изучения лексики «Писем и бумаг императора Петра Великого» как эпистолярного жанра Петровской эпохи определяется недостаточной изученностью, несмотря на то, что они имеют особое значение для исторической лексикологии и лексикографии: «Этот источник дает возможность уточнить время вхождения в литературный язык целого ряда слов, исследовать особенности формальной и семантической адаптации иноязычной лексики в русском литературном языке петровского времени, оценить вклад Петра Великого в развитие словарного состава русского литературного языка» [15, с. 301].

Для достижения данной цели необходимо решение следующих задач:

- ✓ выявить лексическое значение каждого слова, привести примеры;
- ✓ определить, в каких документах чаще всего это слово встречается и почему;
- ✓ сравнить полученные данные документов за 1702 и 1712 гг.;
- ✓ выявить особенности употребления рассматриваемых слов в языке Петра Великого.

Исследование (основная часть). Наречие **ныне (нынѣ)** в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» 1702 года встречается 43 раза, из них в официальных документах – 14 раз, в неофициальных документах – 29. Оно имеет только в два значения:

1. 'В настоящее время, теперь' – ...а они и *нынѣ* не высланы, и живут в домѣхъ своихъ... [5, с. 16]; ...і какими мастерам и, *или засыпать хатять і когда: ныне ль или во вѣремя войны?* (Там же, с. 33); *Нынѣ*

вамъ въ Шлютельбургъ дѣлать нечего, извольте ѣхать во Псковъ [5, с. 116].

2. 'Сегодня' – ...Новгородскаго розряду гусары, и копѣйчики и рейтары, нынѣ на службу въ полку околнничего и воеводы князя Юрья Федоровича Щербатова, бьютъ челомъ (Там же, с. 10); А нынѣ поновился указъ царскаго величества, дабы торговали Московскіе подданные съ подданными салтанова величества въ Азовѣ (Там же, с. 38); Понеже какъ нынѣ подлинно увѣдомилися есмы о незапомнѣ въ великое княжество Литовское нападеніи короля Свѣйскаго... (Там же, с. 66).

В документах 1712 года **ныне (нынѣ)** встречается 285 раз: в неофициальных документах – 193 раза, в официальных документах – 92 раза и чаще всего имеет те же значения:

1. 'В настоящее время, теперь' – И понеже потому формальная осада ныне воспріята быть не может [7, с. 69]; А ныне тот карабль бес таваров (Там же, с. 99); о чем пишете к [нам] не мешкав, где вы ныне обретае[есть] [6, с. 82].

2. 'Сегодня' – А нынѣ только пишу, чтоб вы в походѣ шли не медленно (Там же, с. 88); О переводе достальных денег ныне паки к рижским купцам указ послали (Там же, с. 196); И понеже королевское величество польской при отъезде своем нам каманду над армеею свою вручил, того для ныне вам повелеваем [7, с. 244].

Эти значения отражены в «Словаре русского языка XVIII века» [2].

Однако в «Письмах и бумагах Петра Великого» 1712 года в документах неофициального характера рассматриваемое слово имеет и другие значения:

3. 'Тотчас же, немедленно' – По получении сего указу ис карабельных плотников, сколько их у вас есть, вышлите ныне сюда в Санкт-Петербурх две доли [6, с. 31]; а которые доходы с них прежде сего прихаживали, те и ныне в казну без умаления брать (Там же, с. 99); невозможно нашим людям самим тот вариант ныне збирать (Там же, с. 193).

4. 'В нынешнем году' – Вышереченныя крѣпости в добром порядкѣ содержать і самому ныне жить зиму в Донецкой крѣпости (Там же, с. 13); А по артиллерии ныне обретаецца на лицо штап- и обер- и ундерафциеров и нижних чинов служителей и мастеровых людей и по окладом их в год жалованья (Там же, с. 55).

5. 'Только что, недавно' – И князю Куракину для ведома обстоятельно пишете, понеже он ныне о том его Стельсове прошении нам, прибыв сюда, доносил [7, с. 123]; возьмите против того, как ныне отдан на откуп, и не по той цене, как был ему отдан (Там же, с. 151); Також писал к нам ныне от Города вице-губернатор Курбатов (Там же, с. 153).

Данные значения отражены в «Словаре русского языка XII–XVII веков» [4].

Из этого следует, что Петр I значительно чаще начинает использовать это слово, переосмысливает его лексическое значение. Отсюда семантическая неопределенность наречия **ныне**.

При этом в неофициальных документах 1712 года Петр Великий трижды использует слова **дониныче**, **нынче**, **нынече**, значение которых совпадает со зна-

чениями слова **ныне**: со значением 'в настоящее время, теперь' – Вышереченныя крѣпости в добром порядкѣ содержать і самому дониныче жить зиму в Донецкой крѣпости [6, с. 13]; со значением 'Сегодня' – А чтоб ныне королю дацкому доставать в Бремене и Фердене город Стад и протчие, и того нынче чинить мнитца невозможно (Там же, с. 176); Понеже нынече получили мы въдомость о заключеніи трактата с турки (Там же, с. 136).

Данные «Словаря русского языка XVIII века» это подтверждают [2].

Петр Великий использует эти слова редко и только в неофициальных бумагах, поскольку он осознавал, что понять его могут только русские люди. Вероятно, по мысли Петра, они не годились для деловой переписки, поэтому их он в официальных бумагах заменяет нейтральным **ныне**. В документах 1702 года данных слов обнаружить не удалось.

В неофициальных документах «Писем и бумаг императора Петра Великого» за 1702 и 1712 годы встречаются слова, близкие по смыслу к наречию **ныне**. К ним относятся следующие наречия:

- **сегодня (сего дня, сегодни)** – Мы сего дня пошли въ путь свой... [5, с. 77]; Сего дня подлинную мы получили въдомость из датскаго абоза [6, с. 9];

- **тотчас (тот час)** – О конницѣ противъ писма вашей милости писалъ тотчасъ... [5, с. 78]; ...того ради послали мы тотчас к нашему генералу-фельдмаршалу князю Менишкову указ [6, с. 163];

- **теперь** – И теперь истинной часть [прося у Господа силъ помощи], въ небытіи его, также и пока транспортъ не учиненъ... [5, с. 64]; ...Теперь, по разбитии бунтовщиков, изрядной случай для збору магзейнов из Польши [7, с. 9].

При этом в документах Петра Великого 1712 года встречаются словосочетания, имеющие значение слова **ныне**, которые не зафиксированы в документах 1702 года:

• **на сих днях, в сих числах (сими числа), по се время (по сие время), по ся поры** со значением 'в настоящее время, теперь' – куда и мы на сих днях отсюды отъезжаем а почте [6, с. 230]; ...Писма ваши от 4-го, 7-го и 9-го февраля и при них дубликаты с отправленных в 31 день генваря здесь на сих днях получены... (Там же, с. 158); ...Однакож мы надеемся, что в сих числах и досталныя получили (Там же, с. 167); ...И тех денег не токмо в вышепомянутых месяцах, но и по се время ни ис которой губернии в высылке ничего нет... (Там же, с. 172); ...пока в Померании действия окончатца, о чем по се время не можем ответу получить... [7, с. 25]; ...И понеже дацкая артиллерия еще по сие время сюда не бывала... (Там же, с. 47); ...чтоб он мнѣ репортовал, что у них будет чинитца і отпускат по два пи[с]ма на неделю ко мнѣ, которой по ся поры ни одного не присылывал... (Там же, с. 90); ...для чего по ся поры салдатом в гварнизоне по указу мяса протчее не даете... (Там же, с. 96);

• **сего моменту (сего маменту), сего времени** со значением 'сегодня' – Письмо ваше сего моменту чрез Сафонова мы получили (Там же, с. 20); ...Сего моменту получили ведомость... (Там же, с. 45); ...я, видя самую в том нужду, дабы сего полезного дела не про-

пустит, презря то, сего времени к войску отъезжаю... [7, с. 218].

Петр Великий постепенно начинает понимать, что благодаря слову, определенному сочетанию слов можно воздействовать на адресата, поэтому к 1712 году (по сравнению с документами 1702 года) он использует гораздо больше выражений, заменяющих наречие **ныне**. И речь его становится более яркой и понятной.

Также в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» встречаются слова, имеющие противоположное значение. К ним относится наречие **завтра** со значением 'на следующий день' – *Я завтра поеду отсель к вам* [7, с. 22].

Часто **завтра** в документах 1702 года встречается в предложениях с другим словом-антонимом – **вчера** (**вчера**) со значением 'в минувший день, накануне' – *...Резидентъ Брандбургской приехалъ сюда і вчера въ виделся со мною...* [5, с. 17]; *...Только вчера еще окончил последнее сидение в водах, завтра поеду в Дрезден и там несколько отдохнуть принужден* [7, с. 209]. Все вместе – **вчера**, **ныне**, **завтра** – они образуют некий отрезок времени, части которого взаимосвязаны, зависят друг от друга. Интересно, что в документах 1702 года слово **завтра** не зафиксировано.

Наречие **впредь** встречается со значением 'на будущее время; в будущем, в дальнейшем', оно также противопоставлено **ныне** – *...а впрѣдъ о фуражѣ велено какъ лутче определение учинить им же* [6, с. 98]. Выражение **напередь сего** имеет значение 'за некоторое время до чего-нибудь' – *Хотя мы напередь сего писали к вам* (Там же, с. 43).

В документах 1712 года часто встречается выражение **нынѣ і въпърѣдъ**, употребление которого в документах 1702 года не зафиксировано. Оно указывает на связь настоящего ('теперь') и того, что будет после него, на то, что они зависят друг от друга – *і какое может дѣйство воинское нынѣ і въпърѣдъ в сей земле быть для искоренения отсель непъріятеля* [7, с. 41].

Наречие **издревле** имеет значение 'с давних времени; исстари, искони' – *...как они издревле и от правительства до правительства до сего времени приобрели и имели, подтверждены и содержаны будут* [6, с. 133–134]; **напоследи (послѣди)** со значением 'потом, впоследствии' – *...и его чрезъ такое наше обнадеживаніе послѣди склонили...* [5, с. 6]; *...что он напоследи от всехъ сторонъ пожеланному миру склонитца принужденъ будетъ* [7, с. 235–236]; **впредь (напередь сего)** со значением 'на будущее время; в будущем, в дальнейшем' – *...чтобъ инымъ впрѣдъ не повадно было...* [5, с. 7]; *и впрѣдъ съ кѣмъ хотятъ миръ держать или войну вѣсть* (Там же, с. 31); *а впрѣдъ о фуражѣ велено какъ лутче определение учинить им же...* [6, с. 98]; *...дабы впрѣдъ корабельные леса отпускать вверхъ по Волге до Твери наемными работниками...* (Там же, с. 152). Наречие **недавно** образовано от слова **недавній (недавний)**, которое имеет значение 'существовавший, бывший в недалеком прошлом, относящийся к нему' – *с великою печалью слышали нѣкоторой несчастливой случай, недавно учинившейся...* [5, с. 79]; *...дабы недавно в Польшу с некоторымъ числомъ бунтовщиковъ впавашего Грудзинского искать* [6, с. 265].

Однако в документах 1712 года зафиксированы слова и выражения, которых нет в документах за 1702 год:

- **пред несколькими днями, третьево дни** со значением 'за некоторое, недолгое время' – *...грамоты от 21 декабря, которую я здесь пред несколькими днями исправно получил...* [6, с. 75]; *...Получили мы третьево дни въвечеру вѣдомость от королевскаго величества датскаго* [7, с. 93];

- **пред одним годом** со значением 'период времени в 12 месяцев' – *и еще пред одним годом чрез моего генерала Брюса оному городу все те их противности для того накрепко представлять повелел* [6, с. 133];

- **издревле** со значением 'с давних времён; исстари, искони' – *...о Украйне, которая издревле всегда под нашимъ владениемъ пребывала...* (Там же, с. 159).

Рассмотренные слова подтверждают, на наше взгляд, мысль о том, что Петр Великий имел богатый словарный запас, в своих бумагах он постепенно начинает широко использовать слова, обозначающие время, уже к 1712 году он активно использует синонимы и антонимы. Он чувствовал и понимал время, умело использовал на письме слова, имеющие значение времени.

Слово **нынешний** в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» 1702 года встречается 22 раза: 10 раз в официальных документах, в неофициальных документах – 12 и имеет только одно значение:

1. 'Относящийся к настоящему времени, к современности; теперешний' – *...при нынѣшнихъ смятеніяхъ въ Полюѣ...* [5, с. 5]; *...и каковы нынѣшней у нихъ капитанъ-наша...* (Там же, с. 32).

В документах 1712 года **нынешний** встречается чаще – 72 раза: в официальных документах 33 раза, в неофициальных документах – 39, при этом, как и раньше, имеет значение 'Относящийся к настоящему времени, к современности; теперешний' – *о предприемлемыхъ с нашей стороны мерахъ при нынѣшнихъ конъюнктурахъ потребное концертовать* [7, с. 190]; *того ради просимъ ваше величество и любовь, дабы на нынѣшнемъ съезде варшавскомъ... в зборе того правянтю* [6, с. 117].

2. 'Сегодняшний' – *А о субсидіяхъ не положено в оборонителномъ союзе с прежнимъ королемъ, и при нынѣшнемъ при подтвержденіи не упомянуто* [7, с. 263]; *елико при нынѣшнемъ состояннн намъ возможно было* [6, с. 170].

В «Словаре русского языка XVIII века» это слово имеет два значения [3].

Из этого следует, что в течение 10 лет лексическое значение слова **нынешний** Петром Великим переосмысливается: он чаще начинает его использовать в документах официального характера, а также дополняет еще одним значением.

В документах Петра I встречаются и такие устойчивые выражения, в которых **нынешний** имеет значение 'текущий': в документах 1702 года зафиксировано только одно устойчивое выражение – *♦ нынѣшнее лето – ...И чтобъ нынѣшнее лѣто не спать, чинить промыслъ загоннымъ, а усмотри время и встѣми людьми* [5, с. 27]. Оно встречается и в докумен-

тах 1712 года – *Ежели зимою где действовать, то надлежит приготовить нынешним летом при Выборге сенной магазейн* [6, с. 247].

В документах 1712 года встречаются и другие устойчивые выражения с этим словом: ◊ **нынешний год** – *Нынешней тысяча семьсот второй надешать год, двести рублей, мы дать соизволяем* [6, с. 74]; ◊ **нынешняя зима** – *Для того салдаты чрез нынешнюю минушую зиму принуждены дрова из лесу мили по полторы и по две носить на себе* (Там же, с. 256); ◊ **нынешняя осень** – *И на оное ответствуем: как возможно, старайтесь, чтоб их нынешнею осенью провесть, когда вода прибудет* [7, с. 99]; ◊ **нынешняя весна** – *...Желает его царское величество с его королевским величеством нынешнею весною персонально видетца в тамошних краях* [6, с. 130]; ◊ **нынешний месяц** – *...дабы ему в нынешнем месяце туды поспеть* (Там же, с. 170).

Из вышесказанного следует, что изменения коснулись также и устойчивых выражений, в состав которых входит слово **нынешний**: в них отражены реалии жизни, беспокойство императора Петра о том, что происходит в настоящее время, потому что то, что будет сделано сегодня, сейчас.

Выводы (заключение). Таким образом, формирование облика современного русского языка началось в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого, благодаря которой реформа литературного языка, назревавшая еще в XVII веке, стала неотвратимой. В результате реформаторской деятельности Петра I значительные изменения коснулись и лексики, в частности понимания гнезда слов с элементом -нын-.

Так, слово **ныне (нынѣ)** в 1712 году Петр Великий использует чаще, придавая намеренно ему другие, более широкие значения, чем в 1702 году. Петр Великий использует это слово в своей частной переписке довольно часто, сохраняя верность традициям употребления этого слова в XVII веке.

На это повлиял ряд факторов: политическая обстановка, налаживание связей с другими странами, стремление соблюдать речевой этикет. При этом Петр желает выражаться ясно и понятно, поскольку «основой формирующегося нового литературного языка не только в устном общении, но и в письменности была народная разговорная речь» [16, с. 43]. Постепенно язык Петра становится богаче и ярче: увеличивается количество синонимов и антонимов, когда он неофициально обращается в письмах к своим сподвижникам. Одновременно с этим язык Петровской эпохи представляет собой языковую систему, обладающую своими нормами и правилами. Рассмотренные слова это подтверждают.

При этом необходимо отметить, что среди явлений, наиболее типичных для периода становления лексико-семантической системы национального русского литературного языка в начале XVIII века является множественность обозначений одного и того же понятия [10, с. 9–10]. Вследствие этого большинство синонимических групп характеризуется избыточностью элементов, разнородных в генетическом и стилистическом планах. В неофициальной переписке Петра I чаще употребляется нейтральное слово **ныне**; ис-

пользуются народно-разговорные слова **доньнече, нынече, нынче**. Петр постоянно работает над языком, совершенствует его, в связи с этим появляются новые устойчивые выражения, которые в дальнейшем войдут в обиходную речь всех слоев общества.

«Наблюдения над характером употребления разговорно-просторечной лексики в переписке Петра Великого не только иллюстрируют активность процесса демократизации литературного языка в первой трети XVIII столетия, но и подтверждают положение о том, что светско-деловой язык Петровской эпохи характеризуется умеренностью в употреблении книжного и разговорного элементов, так как последние лексические единицы встречаются главным образом в частно-деловой переписке, в письмах к друзьям и к близким родственникам, язык которых максимально близок к разговорному» [10, с. 22].

Источники

1. Доньнѣ // Словарь русского языка XVIII века. – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 06.07.2024). – Текст : электронный.
2. Ныне // Словарь русского языка XVIII века. – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 06.07.2024). – Текст : электронный.
3. Нынешний // Словарь русского языка XVIII века. – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 06.07.2024). – Текст : электронный.
4. Нынѣ // Словарь русского языка XI–XVII веков. Выпуск 11 «Не-Нятый». – Москва : Наука, 1986. – С. 450–451. – URL: https://archive.org/details/B-001-004-150/xi-xvii_11/mode/2up (дата обращения: 06.07.2024). – Текст : электронный.
5. Петр I. Письма и бумаги императора Петра Великого в 13 т. / Петр I. – Т. 2. (1702–1703). – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1889. – 822 с.
6. Петр I. Письма и бумаги императора Петра Великого в 13 т. / Петр I. – Т. 12. Вып. 1 (январь–июнь 1712 г.). – Москва : Наука, 1975. – 592 с.
7. Петр I. Письма и бумаги императора Петра Великого в 13 т. / Петр I. – Т. 12. Вып. 2 (июль–декабрь 1712 г.). – Москва : Наука, 1977. – 632 с.

Литература

8. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. : пособие для высших педагогических учебных заведений / В. В. Виноградов. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934. – 287 с.
9. Гайнуллина, Н. И. Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания) / Н. И. Гайнуллина. – Алматы : Казак университеті, 2002. – 126 с.
10. Колчева, И. В. Лексика писем и бумаг Петра Великого (к проблеме формирования общенациональных лексических норм) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Колчева И. В. – Смоленск, 2007. – 23 с. – URL: <https://www.prlib.ru/node/342067/source> (дата обращения: 06.07.2024). – Текст : электронный.
11. Мещерский, Н. А. История русского литературного языка / Н. А. Мещерский. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1981. – 280 с.
12. Нуржанова, З. Х. Особенности языка Петровской эпохи / З. Х. Нуржанова // Интернаука. – 2020. – № 17-2 (146). – С. 32–33.
13. Перунин, В. О. Динамика словарного состава в деловом языке Петровской эпохи : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Перунин В. О.

– Ленинград, 1985. – 226 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/dinamika-slovarnogo-sostava-v-delovom-yazyke-petrovskoi-epokhi-imena-na-nie-ost-stvo-i-> (дата обращения: 06.07.2024). – Текст : электронный.

14. Садова, Т. С. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху / Т. С. Садова, Д. В. Руднев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 5 (182). – С. 43–47. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kristallizatsiya-delovoy-rechi-v-petrovskuyu-epohu/viewer> (дата обращения: 01.11.2023) – Текст : электронный.

15. Семенов, П. А. Из истории изучения лексики «Писем и бумаг Петра Великого» / П. А. Семенов // Славянская историческая лексикология и лексикография : сборник научных трудов. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2022. – Вып. 5. – С. 283–310.

16. Судаков, Г. В. Как начиналась языковая реформа Петра I / Г. В. Судаков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ. – 2020. – Т. 4, № 5. – С. 38–44. – DOI: 10.15393/uchz.art.2020.497.

A.Y. Lemak

TEMPORAL VOCABULARY IN THE LANGUAGE OF PETER THE GREAT'S ERA

The article studies the features of the temporal vocabulary of Peter the Great's era using the examples of the word *ныне* (*now*), words with the same root and phrases with this word. The study is based on the material from "Letters and Papers of Emperor Peter the Great". Lexical-semantic and functional-stylistic analyses of the considered lexemes made it possible to establish that official and private texts of Peter the Great's era had a diverse lexical composition, while formal written and informal colloquial elements had rich semantics and were used in a variety of contexts.

Peter the Great's era, temporal vocabulary, lexical-semantic analysis, functional-stylistic analysis, *ныне* (*now*), papers of Emperor Peter the Great.

Г.В. Судаков

Вологодский государственный университет

«И ЖИТЬ ТОРОПИТСЯ, И ЧУВСТВОВАТЬ СПЕШИТ...»

Статья посвящена проблеме употребления эмоциональной лексики в языке Петровской эпохи (1690–1725 гг.). Источником исследования являются тексты разных типов письменности: деловые документы государственных канцелярий, дипломатическая переписка, частные письма, художественные тексты. К эмотивам относятся слова разных частей речи, а также фразеологические обороты, наиболее активно эмоции выражают глаголы и глагольно-именные предикативы. Эмоциональные слова и обороты в изучаемых текстах являются элементами исконного происхождения и общерусского распространения. Арсенал эмоциональной лексики разнообразен тематически, они способны обозначать разную степень выражения эмоций: *бранить* – *ругать* – *гневатся*. Установлено, что степень выражения эмоций зависела от сочетания в тексте смыслов и настроений, особенно, если субъект речи описывал собственные эмоциональные переживания и ощущения. Эмоциональные единицы, попадая в устойчивые обороты речевого этикета, заметно сокращают или вовсе теряют эмоциональный настрой. Эмотивная лексика создает положительные и отрицательные образы в речевом произведении. Эмоциональные слова развивают однокоренные и синонимические ряды. Необходимость выбора слова осознавалась не только образованными представителями власти, но и рядовыми гражданами, что свидетельствует о формировании сознательного отношения к языку.

История русского языка, эмоционально-экспрессивная лексика и фразеология, лексическое значение, части речи, типы (разновидности) речи, нормы литературного выражения.

Введение. Слова, вынесенные в название статьи, известны как эпиграф к первой главе романа «Евгений Онегин». Пушкин взял их из стихотворения П.А. Вяземского «Первый снег» (1817 г). Вот более полный состав этого предложения у П.А. Вяземского: «По жизни так спешит горячность молодая, И жить торопится, и чувствовать спешит» (Вяземский, с. 130).

Нам представляется возможным подобным образом характеризовать время Петра I – царя, который объездил всю Россию и неоднократно выезжал за границу, реформировал систему управления государством, открыл для России Балтийское море, провел реформу азбуки, открыл университет и академию наук, сменил столицу. Он научил носить новую одежду и по-новому отдыхать. Он один сделал больше, чем любая из созданных им коллегий. Он был постоянно в разъездах, ему не хватало времени, поэтому он даже переделал календарь и новый год перенес с сентября на январь. Русские узнали цену времени, освоили Сибирь и Дальний Восток, изучили иностранные языки и приблизили к себе Европу. Быстрый темп жизни, сложность проводимых преобразований сказались на характере коммуникаций как в разговоре, так и при письменных контактах, а сами эти формы общения сблизились, в целом речь стала более живой, более эмоциональной, более демократичной.

Конец XVII в. – первая четверть XVIII в. с позиций истории русского языка – это время реальных и значительных изменений в лексике и грамматике, это активность переводческой деятельности и начало газетного дела, издание словарей и первые пробы написания российской грамматики. Язык Петровской эпо-

хи (реальное время от начала самостоятельного правления Петра до его кончины: 1690–1725 гг.) представляет собой ценный филологический источник. Усилиями ученых в XXI веке было уточнено время вхождения в язык многих лексических единиц, исследовано семантическое развитие отдельных тематических групп, см.: [2–5, с. 7–11]. В современных исследованиях историко-лексикологические проблемы часто пересекаются с историко-социальными и лингвокультурологическими вопросами. Письменность, даже в таких формах, как юридическая и дипломатическая переписка, стала сближаться с устной речью и более широко отражать эмоциональные переживания и отношения собеседников.

Основная часть. Наша работа посвящена лексике эмоциональной сферы, которая ранее на материале языка Петровской эпохи не была предметом лингвистического исследования, хотя язык прозы второй половины XVIII в. в этом отношении исследовался, см., например: [1; 6].

Эмоциональность граничит с оценочностью и экспрессивностью. Предлагаемые далее определения этих понятий носят рабочий характер и совпадают с концепцией В.И. Шаховского, в обобщенном виде изложенной в его книге: [12].

Эмоциональность, эмоционально выразительная речь – это речь, отображающая с помощью лексических, а также морфологических и синтаксических средств эмоции и чувства человека.

Оценочность – положительная или отрицательная характеристика объекта, которая фиксируется в речевом акте.

Экспрессивность – эмоциональное и одновременно оценочное отношение, выражаемое с помощью языковых средств.

Среди лексических единиц, выражающих эмоции, большую часть составляют глаголы. Глаголы с семантикой эмотивности в современном языке составляют 36 тематических групп, существительных почти вдвое меньше: 16 семантических групп [12, с. 110–124].

Эмоции могут быть выражены вербальными и невербальными средствами. Иногда эмоция не называется, но присутствует в семантике слова, это слово может относиться, например, к бранной лексике, к коннотативам, вульгаризмам, междометиям. Важную роль играют изобразительно-выразительные средства: сравнения и метафоры, фразеологизмы. Для передачи эмоций используются синтаксические средства: повторы, неполные предложения, восклицательные предложения, обращения, риторические вопросы.

В нашей статье речь пойдет о лексических средствах. В качестве источников речевого материала используются деловые бумаги, дипломатическая документация и личная переписка. Из обширного свода документов «Письма и бумаги имп. Петра Великого» взяты том 9, вып. 1; том 13, вып. 1–2. Близки к устно-разговорной речи письма, которыми обменивался Петр I с женой Екатериной Алексеевной (опубликованы в книге «Письма русских государей и других особ царского семейства», 1861). Используются также грамотки – частные письма лиц разного социального статуса («Грамотки XVII–XVIII века», 1969).

В цитатах курсивом выделены слова и словосочетания, содержащие эмотивные элементы, например: «Объявляю вам о недавно случившемся мне *счастью*, ибо принц Георгеи умре и теперь уже свободно могу свататца» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 14; 1709, Петр – царевне Наталии Алексеевне). Как видим, письмо содержит иронический подтекст.

Что касается жанровой и тематической приуроченности эмоциональных элементов, то эмотивы различных семантических групп широко представлены, например, в дипломатической переписке того времени: «И пребываем к вам *приязною* нашею *склонный* Петр» (Там же, с. 18); «Зело *удивляемся*, что ваша милость пишешь, будто от нас ответу не получил»; «Тою посылкою войск наших *доволны* будете» (Там же, с. 16). В следующем примере упоминаются сложные слова *благоугодны*, *готовоохотны*, специально используемые в дипломатической переписке, они выражают добрососедские намерения и стремление к дружественным связям: «И пребываем вашей светлости и *любви* ко оказанию всех *благоугодно* стать и *дружбы* *готово-охотны*» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 206; 1713).

Обратим внимание на переписку Петра с запорожскими казаками. Эти документы отличаются обилием эмоциональных слов и выражений, ср.: «Безстыдной универсал на малороссийском языке, которой наполнен *грубой лаи*, касающейся высокой персоны нашей, и ради нескладной явной всем и простым, а не то что умным людям, лжи, *самохвалства* и кричения» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 59; 1709); «Оборонять вас от *гнева* нашего некому ибо швед ныне и сам от

войска нашего окружен» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 184; 1709).

Письма Петра Меншикову, как правило, состоят из двух частей: официальной и личной. В основной, официальной части представлено обращение на *Вы*, деловые распоряжения, приказный тон; в неофициальной – обращение на *ты*, информация о состоянии здоровья, пожелания благополучия жене и детям, шутки: «Коть *любимой* мой умре, однакож, дай боже, чтоб болше сих подобных *печалей* не было» (Там же, с. 168). Сознательное отношение Петра к выбору эмоциональной лексики зафиксировано в письмах, где он сам дает оценку особенностям употребления эмоциональной лексики: «Нам зело было *неприятно* слышать. И таго ради писали ко оному *в крепких терминах*, дабы обходился с нашею милостию *дружеслюбно*» (Там же, с. 213).

Рассмотрим более подробно особенности употребления наиболее частотных элементов типа *сердиться*, *быть сердитым*.

Сердиться, *бранить*, *попрекать*, *рняться* «*быть недовольным*», *пенять* – первая степень выражения недовольства. *Ругать*, *попрекать* указывали на усиление недовольства и предполагали употребление более выразительных и крепких выражений. Приведем примеры: «Принужден я *сердит* *быть* на вас» (Там же, с. 123); «Стал меня *бранить* называет меня шпынемь *попрекает* меня» (Гр-ки, 281; 1699). «Крстьяня тому что ты приказал ягоды брать, *рняться*» (Там же, 312; 1680); «Нас беспрестани *бранять* и *ругают* а работниковь *бьют*» (Там же, 258; 1701).

Мягкое выражение недовольства связано со словом *пенять* «выговаривать, считать виноватым»: «И уже *пенять* не на ково» (Переписка, с. 156; 1715, Петр). Иногда «гневные» слова выражали простую обиду: «Не *погневайся*, что присланного ничем не подарил, недостаток в казне имею» (Там же, с. 131; 1723, Петр); «Просим не *иметь на нас гневу*» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 282; 1713); «не *прогневайся* что не прислал» (Гр-ки, 157).

Самое сильное недовольство выражали слова *злиться*, *гневаться*, *погневаться*, *прогневаться*, *злбиться*, *ненавидеть* «злиться с сильной степенью проявления этого чувства»: «Не помня оной *злости* и оскорбления, нам прежь сего от них учиненного, даем их милостям амнистию» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 142; 1709); «Бурмистры на нас *злбятца*» (Гр-ки, 262; 1701).оборот *для ненависти* значил «против ненависти, для защиты от ненависти»: «*Для ненависти* гсдрь взми указ» (Гр-ки, 200). Ср. словарные толкования: *ненависть* «чувство сильной неприязни» (СлРЯ XVIII в., вып. 12, с. 84); *озлбиться* «почувствовать злобу, гнев» (Там же, вып. 16, с. 214).

Угрозы могли выражаться и эвфемизмами: «Я де ему *спину маяче брюха* *зделаю*» (Гр-ки, 281; 1699).

Приведем еще примеры выражения крайней злобы и ненависти, выраженной словами: *зло*, *злоба*, *озлбиться*, *злая ненависть*, *зло злей*: «Стараюся, чтоб прежде всего те мнения и *злости* утишить» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 397; 1713, В.Л. Долгорукий – Петру); «Дабы министры в Англии о том ничего не сведали и тем бы вящее *озлбились*» (Там же, вып. 1, с. 271; 1713); «Здесь, кроме *злой ненависти* от преступников

и злодеев, бысть не мочно» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 331; 1713); «Но паче зло злей учинил и худые свои поступки умножил» (Там же, вып. 1, с. 241; 1713). Слово *зло* было противоположно *добру* и обозначало «все вредное, дурное, пагубное» (СлРЯ XVIII в., вып. 8, с. 185). *Злоба* определяется в словаре как «вражда, ненависть к кому-либо, желание причинить зло» (Там же, с. 186). Слово *злой* также олицетворяло все варианты дурного: «творящий зло, исполненный зла, порочный, грешный» (Там же, с. 190).

Боязнь и страх – два соседствующих переживания, различающиеся силой выражения, о чем свидетельствует пример из переписки Петра: «Имеют страх и приходить с самыми нужнейшими делами боятца» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 331; Петр). *Угрозы* порождали *страх*, *страхование*, *страсть*, *страшить(ся)*, *устрашить(ся)*, *учинить страх*, *быть страху*, *для страха делать*, *страху ради*, *ужесть*: «За таким их страхованием и за угрозыми словами приказу бегаю» (Гр-ки, 176); «Она со страсти и пропала» (Там же, 29); «А страху какому быть, понеже водою пойдут» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 152; 1709); «Для того конечно надлежит вам дабы протчим страх учинить» (Там же, с. 128; 1709); «Також для страха соломы в монастырь и в знатные дома внеси, будто хочеш и указ имееш зажечь» (Там же, с. 415; 1709); «Королевна обмерла от великой ужести» (Пов. о Василии, с. 205).

Особо сильное переживание обозначалось оборотом *распалиться сердцем*, см.: Цесарь весьма опечалился и о брате своем и *распалился сердцем* (Там же).

Эмоции, связанные с проявлением о ком-либо заботы, милосердия, любви, выражались словами *радеть* «хлопотать, заботиться», *милосердовать*: «Ково гсдрь укажет к тебе с похвалою послат... о тебе крепько *радеет*» (Гр-ки, 132; 1708); «Богъ и *умилосерди сердцу* ево ко мне» (Там же, 72).

Особенно представительно гнездо слов с корнем *любов-*: «Посылщикова накарми и *любовь всякую покажи*» (Там же, 158); «*хлебом и солю любительство чини*» (Там же, 160); «Поживи с тамошними жители *любовненко*» (Там же, 166); «Я тебе *любительно* своему челом бью» (Там же, 19). В грамотках, как учли издатели в алфавитном списке использованных слов, зафиксированы следующие слова с корнем *любов-*: 3 примера *любительно*, 2 – *любительный*, 2 – *любительство*, 4 – *любовненко*, 1 – *любовный*, 34 – *любовь*.

Разберемся в показаниях «Словаря русского языка XVIII века» относительно семантики этих слов: *любовь* «привязанность, преданность, сердечность» (СлРЯ XVIII в., вып. 12, с. 13); *любитель* «тот, кто испытывает чувство любви к кому-либо» (Там же, с. 9); *любительно* – это «наречие, обладающее признаками славянизма» (Там же); *любительный* «относящийся с любовью, прियाзною» (Там же); *любительство* «любовь, притязнь, дружба (Там же). Слово *любовненко* в словаре отсутствует.

К этой же группе эмоций относится жалость, для выражения которой использовались слова *жалеть*, *сожалеть*, *милосердовать*, *жаловаться*: «О болезни вашей *зело сожалеем*» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 184; 1709); «Зело *жалъ*, что сие место по се время в разных руках было, ибо губернатор *зело жалуется* на

приказ» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 190; 1709); «Часто сожалею, что не вместе с вами гуляю» (Переписка, с. 90; 1719 – Катерина). *Жаловаться* в одном из своих значений значило «чувствовать боль, болезнь, говорить о болезни» (СлРЯ XVIII в., вып. 7, с. 94). По смыслу сюда приближается оборот *желать от сердца*, у него было второе значение «выражать, высказывать пожелание; переживать, чувствовать» (Там же, с. 103). См. еще возможный синоним, характерный для того времени: *проявлять милосердие, сочувствие, сострадание* (Там же, вып. 12, с. 4). В текстах отмечен и оборот *милосердие в сердце*, который пока не отмечен в словаре.

Часто переживаемое чувство печали имело несколько вариантов для выражения: *печаль*, *печалиться*, *печаловать(ся)*, *опечалить*, *печальный*, *даться в печаль*, *пробывать в печали*, *быть не без печали*. Эти слова и обороты в петровских бумагах использовались для обозначения значительной амплитуды чувств от сожаления и плохого настроения до переживания утраты любимого человека. Приведем словарные определения семантики некоторых слов и оборотов: *печалиться* «испытывать печаль, предаваться печали; заботиться» (Там же, вып. 19, с. 192); *печаловать(ся)* «предаваться печали, горевать» (Там же, с. 191); *печаль* «чувство грусти, скорби, противоположность радости» (Там же); *в печали быть*, *в печали пребывать* «находиться, пребывать в каком-либо состоянии» (Там же, вып. 2, с. 185–186); *печальный* «испытывающий чувство печали» (Там же, вып. 19, с. 193).

Как видно из следующих примеров, *печалиться* могло означать не только «горевать», но и «тосковать», «сожалеть». См. примеры: «Ваша святость от нас отдалаетца, зело *печалны*» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 318; 1709); «Ана *полюбила* чернца и я о том жениху объявил, о чем зело *печалитца*, и от тоей *печали* хочет сам взблудитца» (Там же, с. 419; 1709); «Домна о Дмитрии *в печал не давалас...* она об немъ велми *тужит*» (Гр-ки, 117); «Ты по муже своем Дмитрии велми *в печали своеи пребываешь...* ты Домна живи а о муже своем Дмитрии не *тужи*» (Там же, 118); «Нам *печално* что мало к нам пишеши» (Там же, 310); «Живу еле жив *в печали* своеи и немочи» (Там же, 212); «Ведомость, полученная о преставлении вашего отца, *опечалила*» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 90; 1713, Петр – прусскому королю). См. словарную справку: *опечалиться* «стать печальным, огорчить, расстроиться» (СлРЯ XVIII в., вып. 17, с. 17).

Фразеологизм *печалиться всем сердцем* с усиленным наречием *зело* употребляется в художественной речи, см., например: «Королевна, слышав, *зело печалилась всем сердцем*» (Пов. о Василии, с. 20). В данном случае автор использует двойное усиление переживаемого чувства: *всем сердцем* «очень сильно» и *зело* «очень».

К глаголам с корнем *печал-* ирриближаются слова *тужить*, *тосковать*, *сокрушаться*: «Я в том велми *тужю* что долго струговъ нет» (Гр-ки, 266); «О вас, государыня, *в великих печалих сокрушаются*» (Пов. о Василии, с. 203); «О том же *тужите*, что не вместе» (Переписка, с. 72).

Другой ряд «грустных» слов составляют лексемы *скука*, *скучать*, *скучить*, *скушно*, *поскучать*: «Мне не без *скуки* без вас, а и вам, чаю, такъ же» (Там же, с. 7;

1709); «Для интересу принуждены не *скучать*» (Переписка, с. 11); «Пред очми непърестанно непърятные гости, на которых уже намъ *скучило* смотреть» (Там же, с. 6; 1708); «Я слышу, что ты *скучаешь*, а и мне не *безскушно*, аднако можешь разсудить, что дела на *скуку* менять не надобно» (Там же, с. 22; 1712); «Приезжай, друг мой сердешнишкой, ко мне скоряе, чтоб не так *скучно* было» (Там же, с. 43; 1716); «Ты о сем пожалуй не *поскучь*» (Гр-ки, 259); «принуждены не *скучать*» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 400; 1709).

Скуке и тоске в то время было противопоставлено веселье, см.: «Без вас уже гораздо *скучно* надеемся *повеселитца*» (Переписка, с. 165; 1717); «жалуй, не плачь, а мы, ей, *веселы*» (Там же, с. 13; 1710, Петр). «наш шишечка непърестанно *веселитца* муштированием салдат» (Там же, с. 80; 1718, Екатерина о младшем сыне).

Веселье было синонимично словам *радость*, *счастье*, *довольство* (СлРЯ XVIII в., вып. 3, с. 66). *Веселиться* имело значение «быть довольным, веселым, счастливым; радоваться» (Там же, с. 63). *Веселить* «делать веселым, радовать» зафиксировано также в словаре (Там же, с. 62). Если веселье переживалось особенно бурно, от души, то употреблялось двойное именование такого веселья: *веселиться в радость*. В словаре этот оборот не зафиксирован.

Сравним другое семантическое противопоставление: *печаль* – *радость*, см.: «Писание вашей милости я получила, которому зело *порадовалась*» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 397; 1713, Екатерина – Петру); «Письмо твое получил, которое *радость* в *печаль* пременял» (Переписка, с. 41; 1716, Петр); «Тебе гсдрю моему впрд *безпечалну* в *радости* быт» (Гр-ки, 14); «Мне слыша *радоватись* в необъятой своей *печале*» (Там же, 94); «Я бы о том и не *попечаловался*» (Там же, 166). «О вас, государыня, в *великих печалих* *сокрушаются*. А ныне им великое *веселие*, и *печаль превратится в радость*» (Пов. о Василии, с. 203).

Заметим также, что эти два семантические полюса *печаль* и *радость* часто имели при себе определение *великая*: *впаде в великую печаль*, *была в великой печали*, *веселиться в великой радости*.

В противовес чувству печали выступают радость и веселие, которые для передачи этого переживания часто описывались, как это передано выше, двумя словами вместе. См. примеры со словами *радоваться*, *радостный*: «Мы соизволили вам объявить чрез сию *настоящую радость* оную, которую мы о том чувствуем» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 235; 1709); «Подай бгъ тебе доброе здоровье и *радосное пребывание*» (Гр-ки, 17); «Дай Боже, чтоб вас *видеть в радости скоряй*» (Переписка, с. 6; 1708). *Видеть в радости* имело значение «видеть вас радостно, приятно», *желать от сердца* «желать от доброго сердца» – это неоднократно повторяющиеся фразеологизмы, причем вначале их использует Петр, а в следующих письмах их повторяет Екатерина. Словарь любви у них был общим.

Радость и *веселие* часто сопровождают друг друга: «И всечесное пребывании *радость и веселие*» (Гр-ки, 137); «О семь *радуися и веселися*» (Там же, 152); «*радуяс веселюся* хлебом и солю *любительство чини*» (Там же, 160). См. словарные справки: *порадо-*

ваться «почувствовать радость, испытать удовольствие» (СлРЯ XVIII в., вып. 20, с. 53): *повеселить* «весело провести время, развеяться, порадоваться» (Там же, с. 104).

Фразеологизм *веселиться в великой радости* выражает высшую степень веселия: «Начаша *веселитися в великой радости*» (Пов. о Василии, с. 209). Созданию фразеологизма *в радости* – *весельи*, вероятно, помогла пословица, позже использованная А.В. Кольцовым: С радости-веселья хмелем кудри вьются, а с тоски-кручины русые секутся (Кольцов, с. 137).

Приведем пример более сложного фразеологизма: «Боже, помози нам... самих Вас *счастливо и в радости* дождатца» (Переписка с. 103; 1719, Катерина); «*Дождатца счастливо и в радости* значит «дождаться счастливой и радостной встречи». Приведем еще вариант оборота: «*Обрадовалась всем своим сердцем*» (Там же, с. 106; Катерина), «*радоваться сердцем своим*» (Пов. о Василии, с. 208).

Слово *счастье* чаще употребляется во фразеологизмах: *искать счастья*, *даровать счастье*, *участие воспрять в счастья*: «С помостию божию *искать* над неприятелем *счастья*» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 215; 1709); «И уповаем, что ваше величество в сем нам от всевышшаго *дарованном счастья*, по имеющей к нам *приязни, участие воспрять*» (Там же, с. 247). Ср. толкование: *счастье даровать* «дать, предоставить как благо, награду, милость» (СлРЯ XVIII в., вып. 6, с. 35).

В письмах были распространены просьбы о помощи и защите в отношениях с органами власти, например: «*Порадеи* о промысле Клима» (Гр-ки, 222; 1699). Здесь *порадеть* имеет значение «побеспокойся, постарайся». По смыслу сюда приближается фразеологизм *искать счастье* «добиваться счастья, стремиться к нему» (СлРЯ XVIII в., вып. 9, с. 113).

Вина и прощение тоже соседствуют в анализируемых текстах: «*Прости в вине моей*» (Гр-ки, 81).

В одном из писем Петр шуточно изображает «стыдливость» шведов, похожую на девическую застенчивость: «Шведы нас зело стыдятца, ибо нигде лица своево нам казать не изволят» (Переписка, с. 32; 1713, Петр).

Очень выразительны обращения, эволюция которых свидетельствует об усилении любовного чувства и развитии доверия и понимания между супругами, ср. эволюцию обращения Петра к Екатерине: *матка-Катеринушка*, *друг мой* – *Катеринушка*, *друг мой сердешнишкой*. Как видим, в личных письмах Петра свободно употребляются уменьшительные формы существительных и прилагательных в функции обращений.

Иногда письма содержали эмоциональные признания, касающиеся оформления самих писем: «На сие гсдрь писание *не покручиня* писмо дрвнское а извесно тебе гсдрю и самому что грамоте не умею» (Гр-ки, 281); «На писмо гсдрь не *прогневайся* писана вскоре» (Там же, 261); «Не *позазри* что писано коротко вскоре лучилос» (Там же, 17).

Отметим оригинальные попытки изобразить одновременно переживаемые чувства гнева и печали, обиды и печали, восторга и благодарности: «Король сам для своей немощи которая от *ярости и печали*

приключилась» (ПБП, т. 13, вып. 1, с. 115; 1713, Петр); «Тако от сих неправдивых доносов такую злобу безвременно и здесь печаль терпеть принужден» (Там же, с. 129); «Посылаю вашей милости презент и прошу, чтоб вы, на него глядя, не плакали за его к вам утеху» (Там же, вып. 2, с. 90; 1713, Петр). Употребление сразу двух эмоциональных единиц подчеркивает силу переживания и одновременность переживаемых эмоций.

Как правильно замечали наши прадеды, милосердие и жалость – взаимосвязанные чувства: «Совесть моя не зарит понеже чистою моею душею из всего моего жалостного простого срдца ежели изволишь новое твое фискальное и вышеупомянутое шетное дело исполнить» (Там же, с. 331; Петр); «Ваше царское величество милосердия срдца склонилас к лутчему мне. Печаль мое срдца сокрушат» (Там же, с. 340; 1713, Петр).

В следующем примере описано, как субъект, получивший соболезнование, переживает ответное чувство благодарности: «Видя ваше подобное отеческое ео мне соболезнование, благодарствую» (Там же, с. 379; Курбатов – Макарову). «Благодарствовать – то же, что благодарить» (СлРЯ XVIII в., вып. 2, с. 36).

Переживались разные чувства, например, гордость, удивление, зависть, опасение, причем эти чувства имели разные степени выражения. Ослабление какого-либо переживания значило переживать остуду. См., примеры с этими эмоциями: «За свои гордости и по моим бы сыскным делам забрать им штрафы и искать и остуды ни с кем получить не хотят» (ПБП, т. 13, вып. 2, с. 331); «Едино зело меня удивляет, на что не могу позволить дача денег ибо стыд и убыток из того будет» (Там же, вып. 1, с. 147; 1713, Петр – Екатерине); «Я на Соловьева писал не по зависти» (Там же, вып. 2, с. 379; 1713, Курбатов); «Опасаясь, чтоб вашего царского величества людей напрасно не потерять отступил я» (Там же, вып. 1, с. 224; 1713). Отсутствующее в словаре слово *опасаться* имело значение «ощущать тревогу, беспокойство».

Сила переживания также находила словесное выражение, о чем свидетельствует следующий пример: «Мы не можем обойтись вашему цесарскому величеству, какие дружеско-братски не представя, коим образом город Гамбург чрез многие лета так зле и непристойно против нас поступал, что не иное, как наше великое чювствование возбудить могло» (Там же, с. 241; Петр – австрийскому императору). Высшей мерой выражения переживания был оборот *от всего срдца*, например: «И сими зело добрыми новизнами вашу милость поздравляем от всего срдца» (Там же, вып. 2, с. 174; 1713).

Таким образом, словарь эмотивов был достаточно разнообразен, что позволяло описать и несколько одновременно переживаемых чувств, и степень снижения или усиления переживаемого чувства.

Выводы. 1. В изучаемый период эмотивы различных семантических групп широко представлены в частных письмах, в деловой речи, в дипломатической переписке, в художественных текстах.

2. Арсенал эмоциональной лексики разнообразен тематически, он способен обозначать разную степень

выражения эмоций (*бранить – ругать – гневаться*). Степень выражения эмоций зависит от сочетания смыслов и настроений в определенном фрагменте текста: 1) высокая степень, если субъект речи описывает собственные эмоциональные переживания и ощущения; 2) низкая степень выразительности, когда эмоция только названа без связи с субъектом речи; 3) эмоциональные единицы заметно сокращают или вовсе теряют эмоциональный настрой, попадая в шаблонные обороты речевого этикета.

3. Эмотивная лексика создает положительные и отрицательные образы в речевом произведении: *радость – печаль, любовь – ненависть* и т.п. Выделяются глагольно-именные пары *печаль – печалиться, скука – скучать, тоска – тосковать, радость – радоваться* и т.д.

4. Эмоциональные слова и обороты в изучаемых текстах являются элементами исконного происхождения и общерусского распространения; иноязычные заимствования отсутствуют.

5. Эмоциональные слова благодаря частой повторяемости развивают однокоренные лексемы. Степень выражения эмоций зависела от частеречной принадлежности слова: наиболее сильно эмоцию выражают глаголы и глагольно-именные предикативы (*сердиться – быть сердитым*). Выбор слова производился сознательно не только представителями власти, но и рядовыми гражданами, что свидетельствует о формировании сознательного отношения к языку.

6. Речевая практика, зафиксированная в проанализированных текстах, свидетельствует о наличии разнообразных средств и приемов для описания одновременного переживания субъектом речи разных эмоций, а также для разной степени выражения этих эмоций.

7. В Петровскую эпоху начинается формирование в России свободного гражданского человека, выражение чувств и отношений становится относительно свободным, менее зависимым от социального статуса собеседников.

Источники

- Вяземский, П. А. Стихотворения / П. А. Вяземский. – Москва : Советский писатель, 1986. – 555 с. (Вяземский)
- Грамотки XVII–XVIII века. – Москва : Наука, 1969. – 416 с. (Гр-ки)
- Кольцов, А. В. Полное собрание сочинений / А. В. Кольцов. – Москва : Советский писатель, 1958. – 311 с. (Кольцов)
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Том 9, вып. 1. – Москва : Изд-во АН СССР, 1950. – 538 с.; вып. 2. – 195 с. (ПБП)
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Том 13, вып. 1. – Москва : Изд-во АН СССР, 1992. – 480 с.; вып. 2. – 195 с. (ПБП)
- Письма русских государей и других особ царского семейства. 1. Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. – Москва, 1861. – 167 с. (Переписка)
- Повесть о российском матросе Василии // Русские повести первой трети XVIII века. – Москва ; Ленинград : Наука, 1965. – С. 191–210. (Пов. о Василии)
- Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 1–31. – Москва : Наука, 1975–2023 (издание продолжается). (СлРЯ XI–XVII вв.)
- Словарь русского языка XVIII в., вып. 1–22. – Санкт-Петербург : Наука, 1984–2019 (издание продолжается). (СлРЯ XVIII в.)

Литература

1. Войнова, Л. А. Эмоционально-психологическая и морально-этическая лексика в повествовательной прозе последней трети XVIII века / Л. А. Войнова // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). – Москва ; Ленинград : Наука, 1966. – С. 205–236.
2. Гайнуллина, Н. И. О новом типе дискурса носителя русского языка на стыке XVII–XVIII вв. / Н. И. Гайнуллина // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – Алматы, 2002. – № 10 (61). – С. 65–69.
3. Гайнуллина, Н. И. Языковая личность Петра Великого (опыт диахронического описания) / Н. И. Гайнуллина. – Алматы : Казак университети, 2002. – 141 с.
4. Гайнуллина, Н. И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: процессы адаптации / Н. И. Гайнуллина. – Алматы : Казак университети, 2008. – 295 с.
5. Геранина, И. Н. Процесс заимствований и его упорядочение во второй половине XVIII века : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Геранина И. Н. – Москва, 2001. – 16 с.
6. Князькова, Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII в. / Г. П. Князькова. – Ленинград : Наука. – 1974. – 254 с.
7. Колчева, И. В. Лексика писем и бумаг Петра Великого (к проблеме формирования общенациональных лексических норм) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Колчева И. В. – Смоленск, 2007. – 23 с.
8. Котяева, Н. С. Лексические заимствования в русском литературном языке второй половины XVIII века : на материале комедий : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Котяева Н. С. – Тамбов, 2016. – 23 с.
9. Малышев, А. А. Толкование в научно-популярных текстах первой половины XVIII века (на материале журнала «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям») : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Малышев А. А. – Архангельск, 2010. – 24 с.
10. Семенов, П. А. Из истории изучения лексики «Писем и бумаг Петра Великого» / П. А. Семенов // Славянская историческая лексикология и лексикография : сборник научных трудов. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2022. – Вып. 5. – С. 283–310.
11. Тюкачева, Е. В. Русское просторечие первой четверти XVIII века (функционально-стилистический аспект) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тюкачева Е. В. – Алматы, 2001. – 20 с.
12. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 208 с.

G.V. Sudakov

“AND HE’S IN A HURRY TO LIVE, AND HE’S IN A HURRY TO FEEL...”

The article is devoted to the problem of the use of emotional vocabulary in the language of Peter the Great's era (1690–1725). The source of the research is texts of different types of writing: business documents of state offices, diplomatic correspondence, private letters, artistic texts. Emotives include words of different parts of speech and phraseological units; verbs and verb-nominal predicatives express emotions most strongly. The emotional words and phrases in the studied texts are the elements of native origin and common Russian distribution. The variety of emotional vocabulary are thematically diverse; they can express different degrees of emotions: *бранить – ругать – гневаться* (*curse – rebuke – be angry*). It is proved that the degree of expression of emotions depended on the combination of meanings and moods in the text, especially if the speaker described their own emotional experiences and sensations. The emotional units, becoming part of the stereotyped speech etiquette, noticeably reduce or completely lose their emotional mood. Emotive vocabulary creates positive and negative images in the spoken language. Emotional words develop cognate and synonymic word chains. It is revealed that the need to choose a word was recognized not only by government officials, but also by ordinary citizens, which indicates the formation of a conscious attitude towards the language.

History of the Russian language, emotional words and phraseological units, word meaning, parts of speech, register, norms of the literary language.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 82

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЯКУШЕВА Л.А. ЧЕХОВСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ: МОНОГРАФИЯ. ВОЛОГДА: ВОГУ, 2023. 115 С.

Рецензия на монографию, являющуюся результатом многолетней творческой рефлексии Л. Якушевой, моделирующей развитие чеховского театра в XX веке. Она выделяет чеховского режиссера – Анатолия Эфроса, драматурга – Алексея Арбузова и рассматривает их как наиболее точно воспринявших и передавших особенности чеховской поэтики в своей театральной практике.

Чеховское измерение, чеховский театр, интерпретация, А. Эфрос, А. Арбузов.

Начиная читать введение к монографии, задумываешься о том, насколько неспешно вызревают книги. На третьем курсе университетского обучения Людмила Якушева выбирала тему литературоведческой курсовой работы – и спустя четверть века в Российском обществе «Знание» представила написанную книгу. В юности молодой филолог (будущий кандидат культурологии) почувствовала, что хочет писать работу по театроведению под руководством доктора искусствоведения Т.С. Злотниковой. К прозвучавшему тогда в качестве предложения имени А.П. Чехова не была готова, к формулировкам десяти вариаций одной и той же темы – и подавно. Но поставленная профессором задача заставила задуматься надолго: «...найти в русском театральной жизни XX века тех, кто имманентно авторскому воспринял чеховскую поэтику, кто наиболее близко, как интерпретатор, подошел к Чехову-драматургу» (с. 4–5). Вектор *чеховского измерения* уже никогда не отпустил исследователя. В диссертации Л. Якушева утверждала, что уникальное по времени своего рождения творчество Чехова стало не только своеобразной точкой отсчета, но и константой в истории театра и культуры XX века (с. 5). Актуальность данной работы Людмила Алентиновна определила, прежде всего, «демонстрацией установления личностного диалога с классиком (находящимся на историческом удалении), позволяющего за счет поиска интонации и способа организации собственного душевного и жизненного стиля отвечать на вызовы времени эгоистического бессилия, духовного обнищания и нравственного обнуления» (с. 6).

Переходя от вступления (много проясняющего в биографии автора монографии и в ее подходе) к первой главе, ты готов к восприятию развернутого размышления о заглавном герое – А.П. Чехове, но исследователем это не предусмотрено. Глава «А. Эфрос и А. Чехов» – сразу компаративная. Именно А.В. Эфроса (1925–1987) предложено рассмотреть «едва ли не идеальным сценическим alter ego писателя» (с. 7),

«психологическим alter ego Чехова-классика» (с. 27). Какова мотивировка исследователя, почему не К.С. Станиславского, не В.И. Немировича-Данченко, не О.Л. Книппер-Чехову – об этом в кратком вступлении к главе. В трех разделах главы идет разговор 1) о перекрестках судеб и характеров, 2) о художественных открытиях Эфроса как интерпретатора Чехова, 3) о театральных постановках Эфроса за рубежом. Меня как читателя не покидало ощущение излишней сжатости повествования – хотелось большей просторности, свободы изложения, характерной для устных выступлений автора. Убедительно намечено сходство поворотов судеб, характеров, жизненных обстоятельств, духовной атмосферы, но формат двадцати страниц сузил возможности интереснейшей и объемной темы пересечений-«перекрестков». По-видимому, исследователь, за десятилетия сроднившись и сжившись с героями, не учитывает, что читатель может не помнить или не знать столь хорошо известных ей фактов, подходов, развернутый рассказ о которых был бы чрезвычайно полезным именно в плане многостороннего и многогранного осознания. Скажем, ценно не только услышать зрелого Эфроса, вспоминающего себя молодым: «Я и не предполагал, что кроме воссоздания живой ткани произведения есть и другие формы театральности» (с. 10), но и поразмышлять об открытиях, важных для Эфроса и всех нас.

Отмечу языковую чуткость автора. Можно рассказывать о разнице между Таганрогом и Москвой, а можно дать ее ощутить через обыденные языковые явления чеховской реальности. Коснемся периода написания первой пьесы «Безотцовщина» (Чехову – 17 лет):

В ту пору он, как и все таганрожцы, не сомневался, что «стул» – существительное среднего рода <...> Никто в Таганроге не сказал бы «толкнуть» вместо привычного и общепринятого «пхнуть»: «пхнул на стол», «пхнет во всю мочь». Не говорили «скрипеть», но «рипеть»... (с. 9–10).

Хорошо психологическое измерение книги. Все в том же первом разделе, например, внимательно следишь за нюансами разговора о повышенной восприимчивости, чувствительности, ранимости Чехова и Эфроса, об их отношении к провалам пьес и другим несоответствиям внутренней напряженности работы и внешней театрализованности существования. Очевидно, что книга написана доцентом Вологодского государственного университета с прицелом и на студенчество как целевую аудиторию: ощущаешь заботу учителя о тех, кому полезен описываемый опыт жизнетворчества, включая психологическое измерение.

Читая, отмечаешь и то, сколь многие открытия мастеров личности усвоены исследователем. Л. Якушевой, безусловно, свойственна атмосфера раскрепощенной импровизации, которую так любил Эфрос, характерное стремление буквально ежедневно создавать непринужденное ощущение праздника, радости, игры.

И, разумеется, в книге ощутим широкий культурологический подход. Л. Якушева не пройдет мимо идеи Эфроса (вдохновленной работой с Майей Плисецкой) создать балетную композицию на основе «Трех сестер», его ощущения пластики (в сочетании со звуковой партитурой) как выражения эмоционального состояния, желания сделать *танец-предчувствие, танец под свист, танец воображение, буйство, танец ночного кошмара, танец отчаяния* (с. 39). Закономерное внимание уделяется зрительным образам спектаклей. Всякий раз мы имеем дело с квалифицированным разговором об интерьерах, костюмах, деталях. Не родившись, чтобы успеть застать спектакли Эфроса воочию, Л. Якушева реконструирует происходившее по материалам критики по максимуму. Узнаешь все вплоть до того, где изготавливались цветки прекрасных белых соцветий вишни: по специальному проекту в мастерской МХАТа, ибо Таганке не под силу было освоить такой проект. Отмечаешь, что за рубежом Эфроса ожидали противоположные проблемы – не скудости материалов, но избытка выбора. Созданная картина великого режиссера на фоне эпохи объемна и зрима.

Вторая глава посвящена Алексею Арбузову (1908–1986) и Чехову. И снова тебя как читателя не покидает ощущение, что Арбузову с исследователем необыкновенно повезло: Л. Якушева его бесконечно любит и ценит. Она не забудет напомнить, что к 1978 году его пьесы были сыграны в 34-х странах, причем иностранцы видели в Арбузове не только представителя другой политической системы, но и драматурга русской школы, и поэтому в Англии, например, пьесы ставили с «чеховской аурой» (с. 53). И все же для меня камертоном второй главы стала фраза Н. Крымовой 1978 года: «Самый бодрый и самый наивный среди молодых» (с. 55).

В центре внимания первого раздела – «психологические курьезы» Арбузова. Именно эту категорию, основным качеством которой предложено считать парадоксальность, Л. Якушева рассматривает как источник театральной магии текстов Арбузова. На ней основано его умение «бытовое высвечивать как “сказочное”, а экстраординарное воспринимать в обыденной логике» (с. 58). Исследователь увлеченно описывает драматургические характеры, основные параметры их актуализации, духовную общность героев, единство эмоционально чувственного поля, «человеческую остуду» (с. 67), «счастье как ожидание» (с. 77) и «счастье как состояние» (с. 78). Убедительности демонстрации положений мешают сами цитаты из Арбузова: они звучат банально. Критикуемое автором «очень неполное» представление традиционного восприятия Арбузова «как сентиментального, сказочного драматурга» (с. 81), с одной стороны, корректируется, с другой стороны, диссонируют именно цитаты, характерная бодрость и наивность советского драматурга.

Второй раздел называется «Театральные игры в драме чеховского alter ego А. Арбузова». Здесь исследователь отталкивается от следующего положения:

Драмы А. Арбузова – это истории перевоплощений: человека (который многократно меняется), событий (которые, выходя за рамки реальности, становятся то «путешествиями», то «сказками»), предметов (способных «вдруг» оживать), разговорной речи (которая может звучать как стихи), жанра (реалистическая пьеса у Арбузова – это не традиционная драма, но – притча, сказка, игра) и т.д. Элементы театральной игры А. Арбузов привнес в ту обыденную жизнь, которую ведут его персонажи, и в котором они, персонажи, развивают мотивы жизнеустройства Чехова (с. 82).

Сделана попытка углубления в жанровое своеобразие творчества Арбузова, но, читая, неизбежно задумываешься, является ли это своеобразие жанровым, да и вообще можно ли достичь видения жанрового своеобразия путем рассмотрения жанрового смешения, мелодраматизма, камерности, эпичности (повествовательности)? «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского всем нам в помощь, но работа должна быть прицельной и точной.

Размышляя об особенностях театральной поэтики Арбузова, исследователь рассматривает специфику действия драмы («действие дискретно и спонтанно» (с. 86); работает принцип «ассоциативных связей и

контрастных отталкиваний» (см. с. 88)), музыкальность, пространственные образы драматургии.

В заключении подчеркнуто «единое духовное пространство» героев, такие эстетические ключевые позиции рассмотрения логики внутренней связи Арбузова и Эфроса с Чеховым, как «пластичность характера, экзистенциальность конфликта, жанровое смешение, символичность деталей и образов, музыкальность» (с. 97).

Откровенно разочаровал меня только один абзац, где Л. Якушева отмечает, что «имена духовных наследников Чехова – Алексея Арбузова и Анатолия Эфроса начинаются на ту же букву, что имя их патрона – Антона Чехова» (с. 97). На мой взгляд, этот «ономатический феномен» дополнительной убедительности ее гипотезе не придает, еще одним доводом в пользу творческих пересечений и совпадений избранных исследователем личностей, конечно, не является (с. 97).

Если рецензенту позволено говорить о дальнейших перспективах исследования, было бы очень интересно увидеть расширенную версию первой главы монографии – об Эфросе. Я бы с удовольствием углубилась во все три аспекта рассмотрения – прочитала, быть может, три развернутые книги: 1) о Чехове и Эфросе, «перекрестках судеб и характеров» (именно неторопливое, подробное обсуждение темы), 2) об Эфросе как интерпретаторе Чехова, его художественных открытиях в этом измерении и 3) (отдельно или в рамках второй темы) о театральных постановках Чехова Эфросом за рубежом. Дарованию Л. Якушевой, на мой взгляд, ближе научно-популярное направление, и работы могли бы быть интересны многим. Переиздания 950-страничной «Жизни Антона Чехова» британского литературоведа Дональда Рейффилда обращают на себя внимание. 95 страниц текста о чеховском измерении видятся мне только началом разговора.

Литература

1. Якушева, Л. А. Чеховское измерение : монография / Л. А. Якушева ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет. – Вологда : ВоГУ, 2023. – 115 с.

L.V. Egorova

BOOK REVIEW: YAKUSHEVA L.A. CHEKHOV DIMENSION. VOLOGDA: VOLOGDA STATE UNIVERSITY, 2023. 115 P.

A review on the monograph, which is the result of many years of creative reflection by Ludmila Yakusheva, PhD, the lecturer of Vologda State University. The work discusses the development of Chekhov theatre in the 20th century. Two chapters are devoted to the Chekhov director Anatoly Efros and the playwright Alexey Arbuzov. They are considered to most accurately convey the features of Chekhov's poetics in their theatrical practice.

Chekhov dimension, Chekhov theatre, interpretation, Anatoly Efros, Alexey Arbuzov.

М.А. Безнин, Т.М. Димони
Вологодский государственный университет

**ИТОГИ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРОЕКТА «ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ КОНЦА 1920-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГГ.»,
ПОДДЕРЖАННОГО ГРАНТОМ РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО ФОНДА В 2022–2023 ГГ.**

В обзоре приводится перечень рассмотренных вопросов научного проекта и выводов научного коллектива. Приведены библиографические данные основных публикаций, и изложено их содержание.

Власть, собственность, хозяйственная этика, персонафикация собственности.

В течение 2022–2023 г. исследовательский коллектив под руководством профессора, д-ра ист. наук М.А. Безнина выполнял научный проект, целью которого являлось исследование системы власти в советской России конца 1920 – начала 1950-х гг. в сопряженности с управлением экономическими процессами в стране. В ходе реализации проекта проводилась разработка методологических подходов к изучению становления новой системы отношений собственности, механизмов сращивания и размежевания власти и собственности, своеобразной этики этого процесса, генезиса и развития класса-собственника и др. Исследовательский коллектив интересовала также борьба интересов социальных слоев российского общества, разных когорт высшего класса, представителей сложившихся экономических укладов, влияние на экономические и политические интересы советского общества действий таких «игроков», как представители трудовых (крестьянских) хозяйств, мелкотоварного уклада и пр. Исследовательский коллектив формулировал не только методологические подходы к изучению проблемы, но предлагал терминологический тезаурус, формировал источниковый комплекс исследования (в том числе путем архивно-эвристического поиска).

В начале выполнения гранта в 2022 г. исследовательский коллектив получил серьезное продвижение в анализе методологии изучения проблемы властно-собственнических отношений в России применительно к периоду конца 1920-х – начала 1950-х гг. Участники научного коллектива обсудили сложившиеся подходы на научном семинаре (январь 2022 г.) [9]. Участники проекта М.А. Безнин и Т.М. Димони развернуто изложили суммированные выводы отечественных и зарубежных исследований в области истории, экономики, востоковедения и пр. как советского, так и постсоветского периодов в статье «Обзор подходов к изучению модели власть–собственность в советской России сталинского периода» [3]. В результате изучения данного аспекта проблемы был сделан вывод, что исследования в контексте взаимодействия власти и собственности «сталинского» периода ведутся в основном в плане их историософского осмысления. Тем не менее, проблема поставлена довольно

давно, еще в трудах современников строительства «сталинского» типа экономики. Пионерами в этом подходе стали исследователи западных капиталистических государств (Европы, США), однако со временем над их взглядами стал довлеть определенный исследовательский стереотип, сводившийся к представлениям о примате властно-идеологических установок над экономическими задачами развития советской России 1930-х – начала 1950-х гг. (эта линия проходит в работах Л. фон Мизеса, Я. Корнаи, П. Грегори и др.). Советская историческая школа придавала серьезный импульс изучению власти и собственности 1930–1950-х гг. через использование востоковедческого ракурса рассмотрения проблемы (Л.С. Васильев, отчасти Р.М. Нуреев и др.). Однако данный подход остался в основном на уровне гипотез, не получив пока конкретно-исторических исследований. М.А. Безнин и Т.М. Димони предложили подход к изучению власти и собственности России конца 1920-х – начала 1950-х гг., связанный с институциональным рассмотрением составляющих властно-собственнических отношений: изучением основных институтов российской властно-собственнической системы (собственности, товарности, плановости, денег), исследованием субъектов собственнических прав, системы разделенного права собственности, ментального восприятия отношений собственности и пр. Исследовательский коллектив считает, что предложенные подходы позволят исторической науке продвинуться в выработке новых исследовательских задач по изучению экономической истории России уникального «сталинского» периода. Отдельным элементом методологического поиска в 2022 г. была работа с визуальным источниковым рядом. Она применялась при характеристике проблем трансформации мелкой трудовой собственности в советской России. По данному вопросу М.А. Безнин и Т.М. Димони была подготовлена статья «Кинофильм “Земля” (1930 г.) как отражение трансформации отношений собственности» [2]. Проанализированные символический и визуальный ряды фильма «Земля» позволили рассмотреть основной производственный фактор как важнейший маркер изменения отношений собственности. Авторы провели сравнение

элементов землепользования традиционного крестьянского общества и первых этапов колхозного строительства. Более подробно в этой связи освещено отношение к такому важному объекту-символу собственнических позиций, как межа. Данный сюжет интерпретирован на материалах деревенского фольклора (поговорок первой трети XX в.). Авторы обратили внимание на роль проникновения в деревню капитала как переломного момента изменения отношений собственности.

Следующие научные выводы в 2022 г. были получены по вопросам исследования механизмов взаимодействия власти и собственности в России конца 1920-х – начала 1950-х гг. Так, М.А. Безнин и Т.М. Димони в статье «Становление новых властно-собственнических отношений в советской России конца 1920-х – начала 1950-х гг.» [5] провели поиск ответа на вопросы о том, через какие механизмы и этапы происходила персонификация собственности (термины деперсонификация и персонификация прав собственности введены в научный оборот исследовательским коллективом) и ее эволюция; как происходила реализация прав собственности, осуществлявшаяся в условиях кажущегося отсутствия титульного собственника. В ходе исследования данных вопросов было определено, что права собственности концентрировались на вершине властной пирамиды страны. В его реализации, в первую очередь, были задействованы те, кто занимал высшую, руководящую ступень в должностной иерархии. Титульные права собственности (владения, распоряжения и пользования) были разделены между отдельными когортами сособственников – партийной, советско-хозяйственной, плановой, финансовой и пр., а осуществление прав собственника было в юридическом, властно-политическом и повседневном контекстах функционально «сепарировано» между представителями господствующего класса. Это выражалось в их праве определять стратегическое направление развития страны, планировать конкретные результаты на долгосрочную и краткосрочную перспективы, направлять потоки финансовых ресурсов, вести учет и контроль по всем направлениям экономической деятельности. Особенностью класса сособственников конца 1920-х – начала 1950-х гг. была его персональная нестабильность: в условиях постоянной и быстрой ротации, невозможности юридического закрепления собственнических прав, передачи прав собственности по наследству, ограничений в получении имущественных благ. Класс оказывался неудовлетворен ограничениями системы сталинского государственного капитализма и при первой же возможности приступил к глубокому реформированию советского общества.

Механизмы взаимодействия власти и собственности в советской России конца 1920-х – начала 1950-х гг. рассмотрены в 2022 г. также на материалах работы отдельных сегментов взаимоотношений власти и собственности. Так, М.А. Безнин и Т.М. Димони провели изучение деятельности института инструкторов партийных органов (ответственных инструкторов ЦК ВКП(б), инструкторов отделов ЦК ВКП(б) и обкомов ВКП(б), инструкторов райкомов) [1]. В ходе исследования его деятельности в 1930-е гг. было установлено, что в системе властных отношений инструкторам отводилась роль

важнейшего связующего звена управленческого механизма, без чего не мог осуществляться менеджмент собственнических правоотношений. Место инструкторского корпуса становилось все более значимым, он распространял влияние не только на политическую сферу жизни общества, но и на производственную подсистему, регулируя и контролируя ее в интересах советского класса-собственника средств производства. С.А. Лебедев на материалах Вологодского региона провел исследование роли банковского сектора в системе властно-собственнических отношений (в сферу анализа попали Отделение Госбанка СССР, «Северный сельскохозяйственный банк», Вологодский коммунальный банк, Отделение кооперативного банка и Вологодское общество взаимного кредита) [12]. Он выявил роль банковской политики в формировании форм собственности в конце 1920-х – 1930-е гг. (упор делался на кредитование «обобщественного сектора», инвестиции же в индивидуальные хозяйства резко сокращались). Основными элементами политики местных финансовых органов в осуществлении собственнических полномочий были налогообложение, кредитные рычаги, мобилизация средств, в том числе отдельных социальных групп, контроль за выполнением плановых показателей, применение санкций.

В развитии предыдущих сюжетов М.А. Безниным и Т.М. Димони в 2022 г. было проведено исследование этапов эволюции отношений собственности в советской России [7]. По данному вопросу сделан вывод, что право собственности на средства производства в советский период прошло несколько крупных трансформаций. После захвата власти и эксперимента по социалистическому переустройству страны большевики попытались резко усилить роль государства в экономике. На этапе укрепления власти в 1920-е гг. перед правящим слоем остро встал вопрос установления новых отношений собственности, необходимо было найти консенсус с основными собственниками – многомиллионным крестьянством, а также частными предпринимателями и торговцами, что породило «отступление» государства в собственнических притязаниях. В результате революции 1930-х гг. сложилась экономическая система с превалированием «государственной» собственности и высочайшей ролью государства в качестве инструмента социально-экономического развития. К 1950-м гг. она претерпела серьезную трансформацию и отчасти вступила в кризисный этап, обнаружила деградацию. Продолжая рассуждения за рамками хронологии гранта по связанным вопросам, М.А. Безнин и Т.М. Димони отметили, что с 1960-х гг., особенно серьезно к 1980-м гг. происходило наращивание частных интересов хозяйственных и других руководителей, на этом этапе произошло осознание и персонификация их собственнических притязаний. 1990-е гг. стали временем приватизации и «выхода из тени» класса собственников. Параллельно с обретением собственнических прав протобуржуазным и близкими к нему классовыми формированиями (менеджеры, отчасти интеллектуалы) низшие классы все больше отчуждались от собственности, усиливая процессы перманентной экспроприации.

Важнейшей частью изучения вопроса властно-собственнических отношений конца 1920-х – 1950-х гг.

в 2022 г. было изучение народного представления об отношениях собственности. К.О. Димони, занимавшийся этим аспектом проблемы [11], пришел к выводу, что в указанный период основой народных представлений были идеи обычного права, основанные на принципах трудовой этики: «кто не работает – тот не ест». Изучение комплекса фольклорных представлений в фондах РГАЛИ и по опубликованным источникам, позволило ему сделать предварительный вывод о том, что персонафицированная собственность («своя земля», «свое хозяйство») была вытеснена из мотивов народного осмысления уже в начале 1930-х гг. В то же время пришло понимание появления «нового собственника», правда, довольно размытое, в лице администрации предприятий. Основной темой народного фольклора в этот период становятся права администрации распоряжаться собственностью, несправедливо (по народному мнению) большие возможности присвоения, формирование новых «хозяев». В 1930-е гг. формируется народное осознание не только оформления прав «начальства» на физический капитал, финансовые ресурсы, но и на личность работника. Также явным мотивом фольклора конца 1920-х – начала 1950-х гг. является констатация отчуждения от владения и распоряжения собственностью, вопрос о неконгруэнтности идеологических посылов власти и реальной социально-экономической ситуации.

В 2023 г. исследовательский коллектив продолжил научный поиск, сосредоточившись на таких проблемах, как: описание модели властно-собственнических отношений в конце 1920-х – начале 1950-х гг., исследование роли государства в системе отношений собственности; анализ экономических и политических интересов разных групп населения в контексте отношений собственности, в том числе ментальных и этических представлений российской властной элиты конца 1920-х – начала 1950-х гг. о границах власти и собственности. В русле этих задач проводилось введение в научный оборот комплекса архивных источников: в том числе автокоммуникативных, нарративных, фольклорных и пр. Авторский коллектив формировал и методические приемы работы с источниками.

В плане работы над методологией изучения проблемы властно-собственнических отношений конца 1920-х – начала 1950-х гг. институциональный подход в 2023 г. был дополнен осмыслением широкого ряда факторов, влияющих на осознание политических и экономических интересов в контексте отношений собственности. В частности, М.А. Безнин и Т.М. Димони при анализе динамики роли советского государства в важнейших институциональных изменениях экономической жизни страны – отношениях собственности в советский период – пришли к выводу, что волны трансформаций отношений собственности связаны с трендами на огосударствление и разгосударствление собственности на производственные капиталы советской России [4]. Крупнейшими этапами в этом процессе стали конец 1920-х – середина 1950-х гг. (функционирование «сталинской экономической модели» с доминированием государства) и вторая половина 1950-х – 1980-е гг. (период снижения роли государства в экономике и нарастания «приватизационного» потенциала). Параллельно с этими тенденциями

шло становление нового класса-собственника средств производства. По мнению указанных участников проекта, данный класс в первоначальном виде появляется на исторической арене советской России в 1930-е гг. В это время ему была присуща малая дифференциация отдельных титульных прав собственника, «коллективный характер» действий в реализации права собственности, деперсонафикация собственнических прав. В период начала разгосударствления экономической жизни середины 1950-х – 1980-х гг. происходило наращивание частных интересов хозяйственных, партийных, советских и других руководителей, на этом этапе увеличилось стремление к полноте собственнических прав отдельных категорий собственников, возросла персонафикация собственнических притязаний. М.А. Безнин и Т.М. Димони заключили, что точкой невозврата в процессах разгосударствления и приватизации является первая половина 1980-х гг., когда были приняты соответствующие политические решения, подведен научный базис под эти процессы.

В ходе исследований 2023 г. был проведен анализ этики властно-собственнических отношений внутри «сталинской» высшей и региональной элиты на этапе конца 1920-х – начала 1950-х гг. М.А. Безниным и Т.М. Димони было выявлено, что политико-экономические интересы групп высшего класса советской России конца 1920-х – начала 1950-х гг. фундаментально определялись отношениями собственности [8]. Среди них – формирование этики хозяйственной деятельности, этики действий в иерархической корпорации производственных элит, моральные границы возможностей распоряжения и пользования средствами производства и продуктами труда и пр. Для изучения данных вопросов были использованы материалы РГАСПИ и ГАРФ, материалы периодической печати, публицистики и художественной литературы. В частности, изучались оценки хозяйственной жизни, даваемые Г.К. Орджоникидзе, И.И. Побережским, И.М. Зальцманом, Л.З. Мехлисом и др. В результате проделанной работы выяснилось, что этика властно-собственнических отношений высшей производственной когорты сталинского времени выглядела довольно противоречиво. С одной стороны, оценки хозяйственных действий, не стыкующихся с представлениями о «чистом» социализме, выдавались довольно жесткие, особенно, если это касалось стяжательских, личных, а не производственных интересов. Исходили они, как правило, из политических инстанций (рядовые коммунисты, парторги, сотрудники и секретари ЦК ВКП(б)) и из специально созданных структур – Наркомата (Министерства) госконтроля СССР, Комиссии партийного контроля и пр. Однако обыденная хозяйственная практика работы министерств и предприятий постепенно шла к выработке производственной верхушкой неформальной этики, позволявшей выстраивать отношения со всеми «этажами» сословников, оперативно решать производственные вопросы, развивать отрасль, улучшать собственное материальное положение, что не всегда совпадало с «книжным» социализмом эпохи. Отметим, что новая властно-собственническая производственная этика, сформированная в 1940-х – начале 1950-х гг., получила развитие в годы косыгинских

реформ. М.А. Безнин и Т.М. Димони отметили, что многие производственники военной и послевоенной эпохи со своим неформальным опытом хозяйствования стали настоящей опорой в создании и продвижении планово-рыночных механизмов.

К.О. Димони в 2023 г. углубился в выявление этических установок на материалах личных фондов хозяйственников из Российского государственного архива экономики [10]. Были обработаны воспоминания директора лесопромышленного предприятия А.Л. Козлова, директора авиапредприятия А.М. Конторщикова, начальника «Главтрубостали» Ю.Н. Кожевникова, дневник директора завода «Красная заря» М.В. Ясвина. На основании анализа данных источников К.О. Димони пришел к выводу о том, что основные этические принципы, исповедуемые руководителями предприятий в хозяйственно-управленческой деятельности 1930–1940-х гг., состояли в «присяге» основным постулатам советской власти, признании важности иерархической системы руководства производством с высоким уровнем централизации процессов управления. В плане оперативных этических принципов хозяйствования руководители предприятий исповедовали необходимость личного трудового участия в производственных процессах, установления твердой дисциплины для себя и работников (недопустимость прогулов, опозданий, потерь производственного времени), поддержание культуры производства, в том числе в плане чистоты на предприятии. В части нравственных норм руководства хозяйством директора считали недопустимым получение личной выгоды, семейственность, кумовство и т.д. Конечно, все выявленные по опубликованным источникам принципы хозяйственно-трудовой этики не охватывают огромного латентного пласта советской экономической модели. Тем не менее, в качестве промежуточного вывода можно констатировать, что большая часть руководителей советских предприятий 1930–1940-х гг. демонстрировала приверженность предписанной системе этических ценностей, старалась их соблюдать и культивировать.

Большое значение в процессе работы по гранту в 2023 г. имел терминологический поиск. М.А. Безнин и Т.М. Димони подробно проработали историю трансформации дефиниции «хозяин» конца 1920-х – 1930-х гг. [6]. Был сделан вывод, что за сравнительно короткий промежуток времени термин «хозяин», широко введенный в политико-информационное поле в начале 1930-х гг., расширил свое толкование: от грамотного управленца, знающего производственный процесс, до «хозяина» с довольно большим запросом на собственнические права в отношении руководимого предприятия. М.А. Безнин, Т.М. Димони, К.О. Димони были также предложены методологические подходы к анализу понятий деперсонифицированные и персонифицированные отношения собственности. Данная сторона отношений собственности изучалась на материалах деятельности разных категорий управленцев, а также в восприятии низовых сегментов производственного социума. Были сделаны выводы о том, что расширение собственнических устремлений, персонификация прав собственности прослеживаются, прежде всего, в директорском корпусе. В то же время в низших слоях производственного соци-

ума наблюдались противоречивые тенденции отчуждения от собственности и попыток участия в реализации собственнических прав (на уровне пользования).

В 2023 г. исследовательский коллектив уделил большое внимание изучению нарративных источников и методик их обработки по вопросам властно-собственнических отношений. М.А. Безнин и Т.М. Димони были системно изучены один из наиболее известных производственных романов А. Бека «Новое назначение». Было выявлено, что в романе отражены многочисленные казусы реализации собственнических прав на уровне высшего слоя управленцев (наркомов и министров, председателей Госкомитетов) и низшего – директоров предприятий (речь в романе шла о металлургических предприятиях). Материалы изучения романа были использованы при исследовании этики властно-собственнических отношений производственной элиты страны 1930–1950-х гг. А.С. Красильниковым была проведена работа с художественной литературой писателей Русского Севера (А.И. Тарасов, А.Н. Пестухин, Б.С. Непейн, Б.Н. Маслов, Е.Н. Студеницкая), в которых нашла отражение тематика власти и собственности. Кроме этого, были изучены производственные романы («Цемент» Ф.Г. Gladкова, «Танкер “Дербент”» Ю.С. Крымова, «Подводные земледельцы» А.Р. Беляева). Эти источники использовались для характеристики проблемы отношений власти и собственности, отраженных в ментальных установках общества Русского Севера конца 1920-х – 1930-х гг.

Определенные итоги изучения проблемы М.А. Безнин и Т.М. Димони были подведены в аспекте рассмотрения сложившейся в конце 1920-х – начале 1950-х гг. модели властно-собственнических отношений. Было определено, что право собственности в советской России представляло собой сложную многоступенчатую конструкцию, где когорты сособственников осуществляли в расщепленном виде функции по разработке стратегии развития объектов собственности, их (по возможности) эффективному использованию и распределению благ от реализации собственнических прав. В данной конструкции с начала 1930-х гг. усиливались позиции отдельных когорт сособственников, в частности непосредственных руководителей производства.

По итогам работы в 2022–2023 гг. исследовательский коллектив сформулировал более широкие задачи изучения отношений собственности в производственной системе советской России и подал заявку на выполнение поискового проекта отдельными научными коллективами в 2024–2026 гг.

Литература

1. Безнин, М. А. Инструкторы органов ВКР(б) и их роль в реализации права собственности в 1930-е гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Хозяйство и социум России в XX веке : материалы Всероссийской конференции с международным участием. – Вологда : ВоГУ, 2023. – С. 88–96.
2. Безнин, М. А. Кинофильм «Земля» (1930 г.) как отражение трансформации отношений собственности / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Исторический курьер. – 2022. – № 5 (25). – С. 156–165.
3. Безнин, М. А. Обзор подходов к изучению модели власть–собственность в советской России сталинского пе-

риода / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2022. – № 3. – С. 49–60.

4. Безнин, М. А. Огосударствление и разгосударствление собственности на средства производства в советской России / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2023. – № 3 (68). – С. 655–670.

5. Безнин, М. А. Становление новых властно-собственнических отношений в советской России конца 1920-х – начала 1950-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. – 2022. – № 10-1. – С. 4–19.

6. Безнин, М. А. Эволюция термина «хозяин» в политико-информационном пространстве России 1930-х гг.: к вопросу о становлении новых отношений собственности / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VII Международной научно-практической конференции: в 2 томах. – Витебск, 2023. – С. 157–160.

7. Безнин, М. А. Этапы трансформации отношений собственности на средства производства в советской России / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2023. – № 1 (28). – С. 29–32.

8. Безнин, М. А. Этика властно-собственнических отношений производственных верхов российского общества (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. – 2023. – № 11-2. – С. 34–59.

9. Научный семинар «Власть и собственность в советской России» / М. А. Безнин, Т. М. Димони, К. О. Димони, С. А. Лебедев // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 1 (24). – С. 94–97.

10. Димони, К. О. Хозяйственно-управленческая этика советских руководителей предприятий периода 1930–1940-х гг. По источникам личного происхождения / К. О. Димони // Вестник архивиста. – 2024. – № 1. – С. 232–245.

11. Димони, К. О. Чувство хозяина в российской экономической системе конца 1920-х – начала 1950-х годов (по материалам воспоминаний участников производственных процессов) / К. О. Димони // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2023. – № 5 (63). – С. 145–151.

12. Лебедев, С. А. Финансовые учреждения Вологодского региона в 1920-е годы / С. А. Лебедев // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2023. – № 3. – С. 31–36.

M.A. Beznin, T.M. Dimoni

**THE RESULTS OF THE PROJECT “AUTHORITY AND PROPERTY IN SOVIET RUSSIA
IN THE LATE 1920S – EARLY 1950S”, SUPPORTED BY
THE RUSSIAN SCIENCE FOUNDATION GRANT IN 2022–2023**

The review provides a list of the considered issues of the scientific project and the conclusions of the project scholar team. The bibliographic data of the main publications and their contents are presented.

Authority, property, business ethics, personification of property.

В.И. Голдин, М.Л. Марченков
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИИ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ. УРОКИ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Статья посвящена обсуждению проблем истории иностранной военной интервенции в годы Гражданской войны в России (1917–1922) и ее урокам для современности на круглом столе, состоявшемся в Москве в марте 2024 г. Участие в нем приняли ведущие специалисты по этой тематике, академики РАН и РАО, руководители науки и высшего образования России. Авторы характеризуют содержание основных докладов, перечень проблем, поднятых в ходе обсуждения, исторические уроки, вытекающие из опыта борьбы с интервентами в ходе Гражданской войны в России для современности, пути и способы формирования и сохранения исторической памяти о той эпохе у наших современников, особенно у молодежи и школьников.

Иностранная военная интервенция, Гражданская война в России, круглый стол, исторические уроки, опыт истории, историческая память, прошлое и современные вызовы.

Еще совсем недавно тема иностранной военной интервенции в России находилась, казалось бы, на периферии общественного интереса и научных исследований. Издаваемые книги и научные конференции по этой тематике были редки. И лишь члены Ассоциации исследователей Гражданской войны в России (АИГВР) обращались в этой теме, да памятники жертвам интервенции в тех местах страны, где побывали тогда иностранные оккупанты, напоминали о ее суровых уроках. В 2020 г. был проведен крупный международный научный форум по этой теме в Архангельске, организованный АИГВР совместно с Российским военно-историческим обществом*, с докладами председателя РВИО, помощника Президента России В.Р. Мединского и президента АИГВР В.И. Голдина.

Реалии современной конфронтации России со странами Запада и те вызовы, с которыми столкнулась страна, резко актуализировали данную тематику. Свидетельством этому стало проведение 15 марта 2024 г. в Москве в Доме Российского исторического общества (РИО) круглого стола, посвященного истории иностранной военной интервенции в годы Гражданской войны в России (1917–1922).

Заседание круглого стола было открыто председателем РИО С.Е. Нарышкиным. Он напомнил череду событий более чем вековой давности, которые привели к ослаблению и распаду страны, а в итоге к иностранной военной интервенции стран Четверного союза и Антанты. Под видом «помощи» в борьбе с большевиками, или создавая марионеточные правительства, интервенты стремились к реализации, прежде всего, собственных интересов, в ущерб интересам России. Были приведены многочисленные факты раз-

грабления страны интервентами, и все делалось для того, чтобы Гражданская война длилась как можно дольше.

С.Е. Нарышкин провел аналогию той эпохи с современными событиями на Украине, где под властью марионеточного режима страной на деле управляют иностранные хозяева, а их «помощь» приводит только к ухудшению ситуации. Крайне тревожным симптомом стало, по его мнению, заявление президента Франции Э. Макрона о готовности ввода войск на Украину. Проводя исторические параллели, Нарышкин привел яркие слова К.Г. Паустовского, свидетеля французской интервенции в Одессе сто с лишним лет назад.

В связи с важностью возрождения исторической памяти об иностранной военной интервенции Нарышкин отметил значимость начатых работ по восстановлению Мудьюгского мемориала на месте концлагеря, созданного интервентами, а также работу по обновлению Волгоградского мемориально-исторического музея, где планируется создать первый в стране музей по истории Гражданской войны.

С.Е. Нарышкин призвал извлечь из истории интервенции уроки для современности, главный из которых состоит в том, что развитие России может быть обеспечено лишь при надежной защите ее суверенитета.

Выступивший в режиме онлайн научный руководитель Института всеобщей истории РАН, сопредседатель РИО академик РАН А.О. Чубарьян рассказал о ходе подготовки военной интервенции в России, в т.ч. дипломатической ее части. Он подчеркнул, что война России не объявлялась, и это было незаконное и преступное вооруженное вмешательство, которое открыло череду подобных акций стран Запада в XX в. Он призвал оценивать события столетней давности и с позиций большой геополитики, когда после окончания Первой мировой войны в ходе Парижской мирной

* Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории. М., 2020.

конференции шло формирование нового мирового порядка, где Россия оказалась изгоем, и указал на попытки сделать то же с нашей страной и сегодня. В связи с этим Чубарьян указал на важность консолидации страны, подчеркнув, что Россия – великая держава и попытки вмешательства и вторжения в нее всегда терпели крах.

Президент Российской академии образования (РАО) О.Ю. Васильева отметила несомненную актуальность обсуждаемой темы иностранной военной интервенции и ее уроков как с точки зрения истории, так и современности для воспитания подрастающего поколения. Она поставила перед участниками круглого стола вопрос о необходимости помощи школе и учителям в изучении сложных проблем Гражданской войны и интервенции в России и важности подготовки специального пособия для учителей истории по этой теме. Это предложение получило поддержку участников круглого стола. Предстоит решить вопрос о сроках подготовки такого пособия, заказчике и издательстве.

Председатель правления РИО, исполнительный директор фонда «История Отечества» д-р ист. наук Р.Г. Гагкуев подчеркнул актуальность комплексного изучения интервенции. В СССР ее исследование было одной из приоритетных тем при рассмотрении всего периода 1917–1922 гг., именованного «Гражданская война и иностранная военная интервенция».

Р.Г. Гагкуев отметил огромный фактический и документальный материал, накопленный в советский период по теме интервенции, добавив, вместе с тем, что при рассказе об интервенции 14 стран в Россию ее масштабы нередко значительно преувеличивались, а силы русской контрреволюции, по сути, лишались какой-либо самостоятельной роли. Ныне же в исследованиях большинства российских историков, заметил он, иностранная военная интервенция находится, как правило, на периферии внимания. Нет специального исследования, осмысливающего интервенцию в масштабах страны. При описании хода Гражданской войны в России в учебной литературе, в общих работах по истории теме интервенции уделяется минимум места.

Было подчеркнуто, что сегодня не стоит ни преувеличивать роль интервенции, ни преуменьшать ее. Гражданская война была прежде всего внутренним конфликтом, но вмешательство в него иностранных государств увеличило его продолжительность. Огромную роль играли поставки для белых армий снабжения, современных вооружений (артиллерия, танки и самолеты) и боеприпасов. Но, по мнению белых военачальников, отметил Гагкуев, эта помощь была недостаточной для полноценного снабжения армий, несвоевременной ввиду того, что многие грузы прибыли в Россию, когда война белыми была уже проиграна, и некачественной, ибо оружие поступало с неисправностями и без нужных запчастей. К тому же эта помощь была далеко не бескорыстной. Союзники хищнически использовали ресурсы, вывозя сырье и продовольствие, рассчитывали закрепить свое влияние в России по окончании Гражданской войны. Но непосредственное участие интервентов в боях против Красной армии было, по мнению Гагкуева, довольно ограниченным в масштабах войны.

Подчеркивалось, что интервентов отличал голый прагматизм и расчет, а генерал Деникин в письме Ллойд Джорджу указывал на проводимую им с жесткой последовательностью политику расчленения России, что особенно проявлялось в Закавказье. Символом отношения Антанты к своим союзникам в России стала выдача верховного правителя адмирала А.В. Колчака с его последующим расстрелом большевиками.

Р.Г. Гагкуев отметил важность скорого выхода в свет XII тома «Гражданская война в России. 1917–1922» (в 2 книгах) многотомной «Истории России». В заключение он подчеркнул, что сегодня изучение истории интервенции чрезвычайно актуально для нашего общества, указав, что Президент России В.В. Путин не раз говорил, что события Специальной военной операции носят в том числе и черты Гражданской войны. Аналогии с событиями вековой давности, по мнению Гагкуева, вызывают сегодня действия западных стран в отношении России.

Профессор В.И. Голдин, ответственный редактор указанного XII тома, посвященного российской Гражданской войне, отметил в своем выступлении сложность анализа иностранной интервенции, ибо она эволюционировала и качественно различалась во времени и в пространстве Гражданской войны по количеству и характеру действий ее участников и по масштабам. В ней участвовали в разных форматах, с общими и различающимися целями и интересами как военно-политические коалиции, так и отдельные государства.

Был отмечен парадокс изучения истории военной интервенции в нашей стране. В советское время именно с действиями интервентов связывались развязывание, ожесточенность и длительность Гражданской войны, а в постсоветский период в условиях надежд, что Запад поможет России в реформах, об истории былой конфронтации во взаимоотношениях с ним старались забыть, и тема интервенции ушла на периферию научной повестки. Современные вызовы и угрозы Западу России актуализировали тематику иностранных нашествий на нашу страну, опыта и уроков борьбы с ними.

Подчеркивалась необходимость целостного анализа международной интервенции, имея в виду все ее формы – дипломатическую, политическую, информационную, идеологическую, финансово-экономическую, а не только высшую и самую острую – насильственное вооруженное вмешательство. Был указан комплекс факторов, которые делали иностранную интервенцию фактически неизбежной, отмечены причины, цели и мотивы интервенции, переплетавшиеся воедино.

На слайдах, сопровождавших выступление, была представлена хронология и основные вехи истории военной интервенции Четверного союза, Антанты и отдельных государств, когда ослабевшую Россию делили на сферы влияния, поощряли сепаратистские тенденции, мятежи и насильственно вторгались, оккупировав ее территории.

Были указаны некоторые забытые или неизвестные даже специалистам события интервенции, например: украинский Брестский мир и подписание представителем делегации Центральной рады подго-

товленного немцами «Обращения к германскому народу» о вводе войск на Украину, что, впрочем, не спасло ее от скорого падения и замены на марионеточный гетманат; вехи так называемой «дружественной» интервенции на Мурман и разрыв Мурманского Совета с Москвой, что обернулось оккупацией войсками Антанты Кольского полуострова, а затем и обширной территории Русского Севера; действия Румынии, Финляндии и Польши, стремившихся стать «великими», «от моря до моря» за счет захвата исконных русских земель и др.

Были названы более 20 стран и британских зависимых территорий, участвовавших в интервенции в России, когда за несколько лет в общей сложности около 2 млн иностранных солдат прошли по российской земле, занимаясь грабежами и насилием, но вынуждены были бесславно покинуть ее. Подчеркивалось, что Гражданская война в России обострялась и затягивалась огромными поставками оружия, боеприпасов и амуниции противникам большевиков, что напоминает в этом отношении современную ситуацию на Украине. Это было продемонстрировано на слайдах, как и масштабы ущерба и потеря России и ее населения в результате интервенции.

В заключительной части выступления были указаны исторические уроки борьбы с интервентами. Это в первую очередь то, что во внутриполитической борьбе нельзя прибегать к помощи иностранцев, которые, вмешиваясь, реализуют, прежде всего, собственные интересы. Подчеркивалась важность консолидации усилий государства, общества и граждан в борьбе с внешними угрозами и готовность к их отражению, необходимость деморализовать внешнего врага изнутри посредством воздействия на зарубежное общественное мнение и поиск союзников за рубежом, как было с движением «Руки прочь от России!» сто с лишним лет назад. Отмечалась потребность глубокого раскрытия истории военной интервенции в школьных и вузовских учебниках и исторических курсах, восстановления органической взаимосвязи и переплетения ее и Гражданской войны в России. Акцентировалась важность формирования и сохранения корректной исторической памяти о тех печальных событиях, используя в полной мере потенциал исторических памятников и музеев.

Директор Института российской истории РАН профессор Ю.А. Петров указал на актуальность изучения истории интервенции в России в связи с современными рисками и угрозами нашей стране. Он отметил, что в рамках 100-летия Гражданской войны и интервенции в России прошла серия научных конференций, посвященных этой тематике. На последней из них во Владивостоке в октябре 2022 г. собравшиеся специалисты подвели итоги изучения этих проблем, проанализировали исторические уроки, актуальные для наших дней. Петров указал, что в рамках работы над 20-томной «Историей России», идущей под эгидой ИРИ РАН, сдан в издательство «Наука» и готовится к печати XII том в двух книгах, в которых большое внимание уделено и истории иностранной военной интервенции в России.

Профессор Санкт-Петербургского государственного университета А.Ю. Павлов изучал политику

Франции, правительство и высшее командование которой стали одними из основных инициаторов интервенции в Россию. По его мнению, период интервенции, с точки зрения Антанты, можно разделить на два основных этапа. Первый продлился до окончания мировой войны, когда все действия стран этой коалиции были подчинены главному – победе в этой войне. Антанта, утверждал он, готова была поддерживать на территории бывшей Российской империи все силы, способные оказывать сопротивление Германии, Австро-Венгрии и Турции.

Эту проблему, указал Павлов, обсуждали представители правительств Англии и Франции 23 декабря 1917 г. на совещании в Париже, закончившемся подписанием соглашения о разделе сфер влияния в южных регионах распавшейся Российской империи. Соглашение предполагало разделение между Англией и Францией ответственности по оказанию поддержки всем, кто мог и хотел сопротивляться проникновению немцев, австро-венгров и турок на Украине, Дону, Кубани и Кавказе. В этот период времени планы отправки войск также были связаны с действиями против блока Центральных держав.

Пока сохранялась хоть малейшая надежда на возобновление боевых действий между Советской Россией и Германией, даже правительство большевиков рассматривалось, по мнению Павлова, как возможный тактический временный союзник, которому страны Антанты готовы были оказывать помощь. Только в начале лета 1918 г. у них сложилось, утверждал он, убеждение, что правительство большевиков – союзник Германии, а значит, – враг. К моменту окончания мировой войны это представление сочеталось с опасностью олицетворяемого советским правительством «большевизма», и на втором этапе интервенции главной целью Антанты стала поддержка всех антибольшевистских сил.

Павлов указывал, что в дипломатическом архиве Франции сохранилось много поступивших в первой половине 1918 г. обращений различных российских политических деятелей и политических групп с призывом как можно быстрее отправить союзные войска в Россию. Иллюзорные ожидания спасения России как от немцев, так и от большевиков при помощи иностранной интервенции стали впоследствии источником глубоких разочарований.

Канд. ист. наук Ю.М. Галкина (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина) осветила предпосылки французской интервенции в Россию. Она указала, что к началу Октябрьской революции на российской территории сложилась централизованная структура французского военного представительства, которая по факту изменения политической обстановки в стране – углубления революционного процесса – перешла на позиции вмешательства во внутренние дела Советской России. Помощь и поддержку военной миссии Франции оказывали гражданские служащие: коммерсанты, ученые, представители финансового капитала.

Галкина отмечала, что еще летом 1917 г. на территории России сложилась разведывательная служба Франции, которая в 1917–1918 гг. занималась проведением диверсионных операций, работой с агентами вли-

яния, вербовкой национальных контингентов и др. По мере разочарования французов в собственных возможностях по дестабилизации обстановки в Москве и Петрограде военные и дипломаты Третьей Республики сделали ставку на «откалывание» от России национальных окраин и южных областей в собственных интересах. Представители МИД Франции в конце 1918 г. отмечали необходимость наращивания активности в Тифлисе, Киеве, Одессе и Харькове.

По мнению Ю.М. Галкиной, изучение иностранного присутствия на территории России в годы Первой мировой войны, его масштабов и возможностей влиять на политическую обстановку – перспективное исследовательское направление.

Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН А.В. Ганин основную часть своего выступления посвятил проблемам, с которыми сталкиваются исследователи истории интервенции. Среди них языковой барьер, затрудняющий знакомство с иностранными источниками и литературой, в особенности на редких языках. В интервенции участвовали контингенты многих стран, и одному исследователю не под силу овладеть всеми языками, на которых существуют источники и исследования по этой тематике. Много важных источников, даже англоязычных, не переведены на русский язык и практически не используются в научных работах. Необходимо переводить и готовить научные публикации иностранных источников по этой теме, для чего мо-

жет оказаться перспективным объединение усилий историков-русистов и специалистов-страноведов. Важно также переводить на русский язык наиболее значимые исследования по различным аспектам истории интервенции.

Сложность, по мнению А.В. Ганина, представляет доступ ученых к зарубежным архивам, но большие перспективы связаны с освоением документов российских архивов. Расширение научной базы и систематизация знаний по истории интервенции значимы для дальнейшего изучения истории Гражданской войны.

Директор Музея-заповедника «Сталинградская битва» А.В. Дементьев (Волгоград) и генеральный директор Музея политической истории С.Е. Рыбаков (Санкт-Петербург) рассказали, как в их музейных экспозициях представлена тематика иностранной интервенции в России.

Итоги круглого стола подвел заместитель министра науки и высшего образования Российской Федерации, сопредседатель РИО К.И. Могилевский, выразивший уверенность, что специалисты смогут более полно раскрыть актуальную проблематику иностранной военной интервенции в России в своих исследованиях, учебной литературе, а также подготовить учебное пособие для учителей истории по этой теме. Он подчеркнул важность работы по сохранению исторической памяти о Гражданской войне и интервенции в России.

V.I. Goldin, M. L. Marchenkov

FOREIGN MILITARY INTERVENTION IN RUSSIA: GLANCE THROUGH THE CENTURY. HISTORICAL LESSONS AND HISTORICAL MEMORY

The article tells about the discussion of the issues and results of foreign military intervention during the Russian Civil War (1917–1922). The round table discussion was held in Moscow in March 2024. The leading experts on this topic, academicians of the Russian Academy of Sciences and the Russian Academy of Education, scholars, educators and representatives of higher education in Russia took part in it. The authors characterize the content of the main reports, the issues raised during the discussion, historical lessons arising from the experience of fighting the interventionists during the Russian Civil War, ways and means of forming and preserving the historical memory of that epoch nowadays, especially among young people and schoolchildren.

Foreign military intervention, the Russian Civil War, round table, historical lessons, historical experience, historical memory, past and modern challenges.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ананьина Марина Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
AnaninaMA@yandex.ru

Безнин Михаил Алексеевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
beznin@uni-vologda.ac.ru

Глинкина Наталья Викторовна

кандидат филологических наук, и.о. заведующего кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
glinkinanv@vogu35.ru

Голдин Владислав Иванович

доктор исторических наук, профессор, директор Центра исторических и политических исследований Севера и Арктики, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ (Архангельск, Россия)
v.i.goldin@yandex.ru

Гулин Константин Анатольевич

кандидат исторических наук, доктор экономических наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
gulin_k@mail.ru

Далакян Марина Гариевна

магистрант кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)
maradal777@gmail.com

Димони Татьяна Михайловна

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
dimonitm@vogu35.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Ефремова Людмила Леонидовна

главный архивист отдела ИПС Государственного архива Вологодской области (Вологда, Россия)
9211231856@mail.ru

Иванова Валентина Яковлевна

кандидат филологических наук, кандидат культурологии, независимый исследователь (Ангарск, Россия)
i_valya@mail.ru

Косицина Юлия Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия)
gutfroind@mail.ru

Кострубина Светлана Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)
kostrubinasa@mail.ru

Левочская Елена Федоровна

кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)
leta.ugay@gmail.com

Левочский Сергей Сергеевич

кандидат философских наук, доцент Института социальных наук 1-го Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Москва, Россия)
levochskiy_s_s@staff.sechenov.ru

Лемак Анна Юрьевна

соискатель ученой степени кандидата наук Вологодского государственного университета, учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 1 с углубленным изучением английского языка (Вологда, Россия)
LemakAnna2016@gmail.com

Ляпанов Артём Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой частноправовых дисциплин факультета права и управления ВЮИ ФСИН России (Владимир, Россия)
lyapanov@mail.ru

Марченков Максим Леонидович

старший преподаватель кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
m.marchenkov@narfu.ru

Нагиев Гаджирагим Гаджикерим оглы

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Московской государственной академии ветеринарной науки и биотехнологии – МВА им. К.И. Скрябина (Москва, Россия)
hnagiev@gmail.com

Некрашевич Филипп Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и идеологической работы Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Минск, Беларусь)
davou@mail.ru

Папилова Елена Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина (Москва, Россия)
lennochka@mail.ru

Петровичева Елена Михайловна

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, директор Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Владимир, Россия)
helenp94@mail.ru

Резанов Андрей Дмитриевич

аспирант кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
andreydmrezanov@yandex.ru

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sablin@inbox.ru

Столетова Анна Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета, доцент кафедры философии и истории Вологодской ГМХА им. Н.В. Верещагина, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (Вологда, Россия)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Сувалов Олег Николаевич

кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и идеологической работы Академии МВД Республики Беларусь (Минск, Беларусь)
alehsuv1972@gmail.com

Судаков Гурий Васильевич

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
gvs035@rambler.ru

Трикоз Эльвира Львовна

кандидат филологических наук, научный сотрудник Музея-квартиры В.И. Белова (Вологда, Россия)
elvira.trikoz@mail.ru

Тряхов Илья Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Владимир, Россия)
ilja.tryahoff@yandex.ru

Чебыкина Лия Васильевна

лектор (экскурсовод) Кировского областного краеведческого музея им. П.В. Алабина (Киров, Россия)
abrecdrfirt@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ananyina Marina Aleksandrovna

Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of German Philology, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University named after the First President of Russia, B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)
AnaninaMA@yandex.ru

Beznin Mikhail Alekseevich

Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History, Vologda State University (Vologda, Russia)
beznin@uni-vologda.ac.ru

Glinkina Natalia Viktorovna

Candidate of Philology, Acting Head of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Vologda State University (Vologda, Russia)
glinkinanv@vogu35.ru

Goldin Vladislav Ivanovich

Doctor of History, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Director of the Center for Historical and Political Research of the North and the Arctic, Professor of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
v.i.goldin@yandex.ru

Gulin Konstantin Anatolyevich

Candidate of History, Doctor of Economics, Professor of the Department of National History, Vologda State University (Vologda, Russia)
gulin_k@mail.ru

Dalakyana Marina Garievna

Postgraduate Student, the Department of Germanic Philology and Intercultural Communication, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)
maradal777@gmail.com

Dimoni Tatyana Mikhailovna

Doctor of History, Professor of the Department of National History, Vologda State University (Vologda, Russia)
dimonitm@vogu35.ru

Egorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Efremova Lyudmila Leonidovna

Senior Archivist of the Information System Office, Vologda Oblast State Archive (Vologda, Russia)
9211231856@mail.ru

Ivanova Valentina Yakovlevna

Candidate of Philology, Candidate of Cultural Studies, Independent researcher. (Angarsk, Russia)
i_valya@mail.ru

Kositsina Julia Vladimirovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Kuzbass Institute of Humanities and Pedagogics, Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russia)
gutfroind@mail.ru

Kostrubina Svetlana Alexandrovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Germanic Philology and Intercultural Communication, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)
kostrubinasa@mail.ru

Levochskaya Elena Fedorovna

Candidate of Philology, Researcher Officer, Center for Typology and Semiotics of Folklore, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
leta.ugay@gmail.com

Levochskiy Sergey Sergeevich

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Institute of Medical Sociology, Healthcare Economics and Medical Insurance, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russia)
levochskiy_s_s@staff.sechenov.ru

Lemak Anna Yuryevna

Applicant for a Candidate degree, Vologda State University, Teacher of Russian Language and Literature, Secondary Comprehensive School №1 With Intensified English Studies (Vologda, Russia)
LemakAnna2016@gmail.com

Lyapanov Artyom Vladimirovich

Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of Private Law Disciplines, the Faculty of Law and Management, the Federal Penitentiary Service of Russia (Vladimir, Russia)
lyapanov@mail.ru

Marchenkov Maksim Leonidovich

Senior Lecturer, the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
m.marchenkov@narfu.ru

Nagiev Gadzhiragim Gadzhikerim ogly

Candidate of History, Associate Professor, the Department of Philosophy and Social and Humanities, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Scriabin (Moscow, Russia)
hnagiev@gmail.com

Nekrashevich Pilip Anatolievich

Candidate of History, Associate Professor, the Department of Philosophy and Ideological Work, the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

Papilova Elena Vyacheslavovna

Candidate of Philology, Associate Professor, the Russian Language Department, the Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Moscow, Russia)
lennochka@mail.ru

Petrovicheva Elena Mikhailovna

Doctor of History, Professor, Head of the Department of History of Russia, Director of the Humanitarian Institute, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov (Vladimir, Russia)
helenp94@mail.ru

Rezanov Andrey Dmitrievich

Postgraduate Student, the Department of National History, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
andreydmrezanov@yandex.ru

Sablin Vasily Anatolyevich

Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University (Vologda, Russia)
sablin@inbox.ru

Stoletova Anna Sergeevna

Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, the North-Western Institute, Kutafin Moscow State Law University (Vologda, Russia)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Suvalov Oleg Nikolaevich

Candidate of History, Associate Professor, Professor, the Department of Philosophy and Ideological Work, the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)
alehsuv1972@gmail.com

Sudakov Gury Vasilevich

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Journalism and Communication Theory, Vologda State University (Vologda, Russia)
gvs035@rambler.ru

Trikov Elvira Lvovna

Candidate of Philology, Research Fellow of the Belov Apartment Museum (Vologda, Russia)
elvira.trikov@mail.ru

Tryakhov Ilya Sergeevich

Candidate of History, Associate Professor, the Department of History of Russia, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov (Vladimir, Russia)
ilja.tryahoff@yandex.ru

Chebykina Liya Vasilyevna

Lecturer, Guide, the Kirov Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin (Kirov, Russia)
abrecdrflrt@yandex.ru